

ВАЛЕРИЙ ПИСИГИН

РАЁК 3 →

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ

МОСКВЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Валерий Писигин

**Путешествие из Москвы
в
Санкт-Петербург**

Москва
ЭПИЦентр
1997

Предисловие к Интернет-изданию на сайте Центральной районной библиотеки г.Торжка

В текущем, 2012 году, исполнится уже 16 лет, как замышлялась и писалась моя книга «Путешествие из Москвы в Санкт-Петербург». Много воды утекло с тех пор, многое кануло, многое изменилось, и сам я переменялся, *«покорный общему закону»*... Но что-то осталось прежним, неменяемым... Что? Пожалуй, самое главное – беды наши российские, вот что! Одни исчезают, другие тотчас приходят на смену, так что их черед не оскудевает и всегда будет давать пищу к всё новым и новым путешествиям и книгам. Правда, вскоре между двумя столицами пройдет долгожданная скоростная трасса, которая обойдет стороной все те города, деревни и села, которые фигурируют в названии глав. Но ведь и старая дорога никуда не денется, и по ней будут ездить обитатели наших городов и весей...

Замысел книги был рожден весной 1996 года в кабинете главного редактора «Новой газеты» Дмитрия Муратова, который часто приглашал меня на планерки. Одним из постоянных участников таких планёрок, где формировалась издательская политика газеты, был Андрей Чернов, коренной петербуржец, поэт и искусствовед, который, помню, всё грезил о Старой Ладогe, как первой столице Руси, и призывал ехать туда... На одной из планерок Андрей высказал идею о том, что хорошо бы кто-нибудь проехался по следам Радищева, из Петербурга в Москву, и написал об этом очерки. От Чернова же я впервые узнал, что за подобное занятие брался и А.С.Пушкин, только он отправился в обратном направлении, из Москвы в Петербург, но почему-то бросил затею, написав лишь несколько набросков будущих глав, которые из-за цензуры были надолго упрятаны...

Идея мне запала, и спустя несколько дней я сообщил Чернову, что, пожалуй, возьмусь за это дело, вот только совсем не знаю, с чего начать, и попросил его, опытного литератора, помочь мне какими-то советами, подсказками, рекомендациями, коль скоро он сподвиг меня на столь рискованное дело: до этого я писал лишь политические статьи, а книга «Хроники безвременья» практически вся состояла из газетных публикаций и моих небольших (но крайне претенциозных!) комментариев к ним, написанных типичным канцеляритом того времени... Не знаю отчего, но Андрей напрочь отказался помогать, даже малейшим советом и хоть какой-то подсказкой, оставив один на один с трудновыполнимым замыслом. Он

лишь походя сказал, что я справлюсь, как никто... В свое время Чернов дерзнул досочинить Десятую главу к «Евгению Онегину» и, видимо, больше других знал, что не боги горшки обжигают. Эта его убежденность (вероятно, он читал какие-то мои тексты) придавала мне куража и внушала, что я непременно справлюсь!

В самом начале осени 1996 года я впервые, без остановок, проехал из Москвы в Санкт-Петербург и обратно, чтобы взглянуть на то, о чем я собираюсь писать. Помню, был нескончаемый дождь, дул ветер, за окном машины плыла сплошная серость, мокрые крыши покошенных изб, и не было никакого желания покидать автомобиль... Буквально на колене, я записывал в блокнот первые впечатления. Вроде этих:

Выдропужск. Небольшая деревня. Людей нет. Все серое. Гуляет несколько бычков и все. Она расколота надвое. Церковь. Желаящие посмотреть на российские реформы – езжайте в Выдропужск.

Вышний Волочек. Памятник Ленину, спорттовары, гостиница. Никаких следов реформ. Никаких добротных домов. Никаких богатых или просто состоятельных людей. Я не вижу этого ничего. Пять лет в стране идет реформа! Вот, правда, недалеко от деревни Коломно – "кафе-мотель", можно нормально поесть.

Тверск. обл. 357 км. Возле деревни Выползово выпал из машины и развалился контейнер с хламом. Прямо на дорогу. И вот выползают, подкрадываются (выползжжжжжж?) из лесу и, озираясь, собираются вокруг контейнера... Здесь же продают клюкву. Со ста тысяч рублей (это меньше 20\$) у двадцати человек нет сдачи! Денег нет таких.

Хотилово. Такая же деревня. Люди продают картошку и клюкву.

Валдай. Библиотека. Производит очень приятное впечатление.

Крестцы. Стоит несколько крепких деревянных домов. И даже у трех из них – гаражи. Четыре крепких дома. Остальные такие же убогие. Только церкви выглядят прилично.

По мосту в **Бронницах** может проехать только один автомобиль. Крупнейшая трасса стоит из-за сломанного запорожца.

Большое Опочивалово – полуразваленная деревня на дороге в Новгородской обл.! – лучшее название для нашей страны. Не то, что СССР или СНГ. Большое Опочивалово! А что? Раскинулась между трех океанов и десяти морей, от края до края, с севера на юг, с запада на восток, огромная страна и почивает. Все вокруг суется, чего-то хотят, упорствуют, усердствуют, а она знай лежит – ни до чего ей дела нет.

Проезжаю село Радищево. Восемь вечера. Темные силуэты. Живут там или нет – не ясно. Есть электричество или нет, не ясно...

Вот, пожалуй, и все мои наброски к предстоящей книге... Помню, вернулся в Москву подавленный, в полном отчаянии: как писать? о чем? Там ведь ничего особенного нет! Так что строки, с которых начинается книга, – вовсе не кокетство.

«Две вещи могут подвигнуть на попытку совершить нечто значительное: чей-нибудь талант, соблазняющий своей мнимой легкостью, и собственная непросвещенность, делающая тебя слепым, глухим и безумным перед лицом всяких возможных трудностей».

Я не знал, что делать, о чем писать, за что ухватиться, но деваться было некуда: я раструбил направо и налево, что собрался повторить путь Радищева. Мои друзья уже благословили меня на написание книги, а Григорий Явлинский обещал её издать – он в то время настойчиво *делал* из меня писателя... И, действительно, от задуманной книги зависело, смогу ли я в будущем их писать.

И тут я вспомнил *серые мокрые крыши изб* вдоль трассы и решил, что нужно непременно под них проникнуть. Только тогда я хоть что-то увижу... Октябрь, ноябрь и половину декабря я прожил на дороге, собирая материал, и желал только одного: чтобы не пошел снег. Погода благоволила: зима в 1996 году задержалась до середины декабря. Работа над книгой была закончена в апреле, и в том же месяце её подписали в печать...

Советами и разного рода подсказками мне помогали многие консультанты, в том числе и завидные – Юрий Петрович Любимов, Борис Исаакович Зингерман, Александр Михайлович Борщаговский. Попробовал бы я не написать с ними что-то стоящее...

Книга вышла в самом начале мая 1997 года. В целом её приняли хорошо. Особенно в Торжке, на Валдае, в Ёдрово, Вышнем Волочке, Яжелбицах, Крёстцах, в Солнечногорске, где у меня завязались добрые отношения с библиотекарями и читателями... Зато обиделись в Твери, где в одной из газет появилась статья с упреками за то, что высокомерный московский журналист проехал мимо этого славного города и не удосужился о нём написать... Должен пояснить, что «проехал мимо Твери» не я, Валерий Писигин, а мой герой – некто, путешествующий с книгами Радищева и Пушкина. Как и Александр Сергеевич в своих «Мыслях на дороге», я писал очерки от первого лица, но сам этим *лицом* не был, а если и был, то лишь отчасти. В действительности у меня была готовая глава «Тверь», довольно

большая, но я не поместил ее в книгу, посчитав неудачной. Также я собрал материал и для глав «Пóдберезье», «Спасская По́льсть», «Чúдово», «Любáнь», «Тóсно», не раз побывав в этих городах и селах... Но после главы «Новгород», которая стала ключевой, стало ясно, что книга закончилась... Очень важно книгу начать, но не менее важно – вовремя завершить.

Оглядываясь назад, могу признаться: мало что так повлияло на мою жизнь, как написание этой книги. Я, как и мой путешествующий герой, «вошел» в неё одним, а «вышел» совсем другим. Конечно, мимо многого и многих я «проехал мимо». Всего не охватишь, да и цели такой не было. Но о чем-то можно и сожалеть. Например, только спустя семь лет после выхода книги я узнал, благодаря Интернету(!), что в селе Медном, в братской могиле на местном кладбище, похоронен один из моих дедов – Фёдор Петрович Писигин, павший в этих местах в январе 1942 года во время жестоких боёв с фашистами. До этого родственники считали, что могилы у него нет. Так что Медное для меня теперь не только памятное литературное название...

Спустя два месяца после выхода моего «Путешествия», В.Ф.Кашкова, писательница, заслуженный педагог и почетный гражданин Торжка, отдавшая всю жизнь русскому языку и литературе, написавшая замечательные книги о Пушкине, в том числе и о его путешествиях по «государевой» дороге, написала рецензию, которую тогда же опубликовал *Новоторжский вестник*. С любезного разрешения Валентины Федоровны я предварял свою книгу её рецензией для интернет-издания на сайте партии «Яблоко». Увы, В.Ф.Кашковой уже нет с нами, но она, я уверен, не возражала бы и на этот раз. Тем более, что книга с её статьей размещена на сайте библиотеки дорого ей Торжка.

Поскольку настоящее издание снабжено фотографиями, отмечу, что все они выполнены мною: большая часть в 1996 году, во время сбора материала для книги, а некоторые в 1997. Я также посчитал уместным снабдить издание репродукциями, напрямую связанными с темой нашего повествования.

Полтора десятилетия – срок не такой уж малый. Каково сейчас читать о том, что было в середине девяностых, именуемых сегодня «лихими»? Исчезло, ушло ли, стало ли историей то, что встретилось на пути из Москвы в Санкт-Петербург, или оно, так или иначе, продолжается с нами сейчас и Россия, а с нею и все мы, обреченно ходит по замкнутому кругу из неразрешимых напастей и бед?..

Март 2012 г.

Валентина Кашкова

Размышления о книге В. Писигина «Путешествие из Москвы в Санкт-Петербург»

Писать о книге, в которой на нескольких страницах встречается твое имя, нелегко. Но книга так необычна и близка мне по сути своей, что не поделиться своими мыслями с дорогими моему сердцу новоторами (*так издревна называют жителей Торжка*) я просто не могу.

Главные её герои – Дорога и Время, а в том Времени есть МЫ, живущие на магистральной оси России, бывшей «государевой», почтовой, в недавнем прошлом орденоносной автомагистрали между двух столиц – пульсирующих точек огромного целого.

Знаю я Московско-Петербургский тракт от начала до конца: в свое время почти десять лет собирала материал для своей книги о путешествиях А.С.Пушкина по этой столбовой дороге России. И вдруг жизнь сводит меня с Валерием Писигиным и его удивительным замыслом – проехать по старому почтовому тракту «вместе» с А.Н.Радищевым и А.С.Пушкиным, держа на коленях две книги: «Путешествие из Петербурга в Москву» первого и «Путешествие из Москвы в Петербург» второго. Читать их, сопоставлять, смотреть, думать, встречаться с людьми и обстоятельствами – одним словом, пожить на этой большой Дороге, а потом написать книгу. Автор будущей книги, как я поняла при первом знакомстве, хотел оглянуться назад и в то же время понять, что же нас ждет впереди, – сверить часы беспристрастного Времени...

Прошло семь месяцев – и книга уже лежала передо мной. На обложке – придорожный осенний пейзаж с указателем «Раёк-3». Заглавие классически просто и, на первый взгляд, рискованно: «Путешествие из Москвы в Санкт-Петербург»...

Когда читаешь книгу Писигина, то кажется, что все время находишься в толпе, хотя автор подчеркивает мысль о безлюдности мест – то раннее утро, то поздний вечер, то просто быть тут некому по причине тихого, скорбного умирания многих сел и деревень.

Читая, я невольно слышала какой-то неуправляемый хор голосов – эхо, наверное, тех разговоров, которые вел путешествующий автор со случайно

встреченными и в деревнях, и в городах. Но действительно ли они были случайными на его пути? Неужели он просто потом всё «сгреб» в кучу и выплеснул на страницы книги, шаг за шагом, как шёл, и из случайных мазков сам по себе получился портрет Времени, у которого такое неуловимое, такое бесформенное и даже страшное лицо? Только со второго захода я поняла, как сложна, тщательно обдумана архитектурная книга, как строен её внутренний план.

Случай, бог-изобретатель, – лишь внешнее проявление композиции, видимая «сцепка» событий. В основе книги лежит predetermined закономерность: еще выезжая из Москвы, автор, думаю, знал, ЧТО он увидит. Внутренним взором он должен был видеть это еще за письменным столом. Большой незаурядный жизненный опыт публициста и политика подготовили его к восприятию потока жизни в вечно меняющемся русле Дороги, которая была как бы срезом ЖИЗНИ во всех её проявлениях. Конечно, автор знал, КАК и ГДЕ он будет искать случай, вернее, внешнее проявление его. Единственное, пожалуй, чего он не знал, так это – в КАКИХ формах, с КАКИМИ нюансами, в КАКОМ антураже предстанет этот «Господин Случай». Последнее стало самым интересным. Десятки судеб проходят перед автором и читателями: пенсионеры, едва сводящие концы с концами; энергичные директора школ и заведующие больницами; библиотекари – живые души сельского прогресса, хранители истории сел и деревень; учителя, сеющие доброе, вечное, а чаще – просто люди, сбившиеся с круга, латающие свою жизнь, как прохудившуюся одежку, – обыватели, как сказали бы о них во времена А.С.Пушкина.

Тени великих классиков В.Писигин беспокоил нечасто, но зато по самым ключевым, важным вопросам. Это и понятно: современная действительность давала такой простор для «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет», что резкие всплески гнева Радищева действительно стали казаться риторикой – «недугими», по выражению Пушкина, который тоже «беседовал» со своим предшественником.

Душа современного читателя, путешествующего вместе с В.Писигиным, содрогнется не от ужасов крепостного ПРАВА, а от жуткого, ставшего нормой БЕСПРАВИЯ, которому мы теперь дали название БЕСПРЕДЕЛ, «освятив» его безропотной покорностью у избирательных урн – жаловаться нам как будто бы и не на кого...

И люди живут – торгуют! – на привычной Дороге всем, что бог дал и что пошлет счастливый случай. Продадут ведро картошки или клюквы – и рады: день прожит не зря. Порой и другой товар идет в ход – страшный

рынок всё перемелет... Вот только одно непродажно – ДУША да СОВЕСТЬ, у кого она есть, в отличие от тех, кто потерял её где-то в длинных коридорах власти или, может, безвластия...

Встречи, встречи... – штрих за штрихом в беспощадной картине нашего Времени. Они не утомляют читателя, потому что их итогом становится умная, горькая – действенная! – публицистика, размышления автора, не ставящего себя над людьми. Он – один из них...

Что же становится предметами авторских размышлений?

Положение жителя на селе, где теперь ни колхозов, ни совхозов, а если они и есть, то горе одно. Разочарование фермеров – новых хозяев на селе, из-под ног которых выбивают почву. Проблемы малых российских городов, теряющих своё вековое лицо. Современное состояние армии, которую саму надо защищать. Трагические судьбы тех, кто оказался втянутым в чеченскую бойню. Бедственное состояние нашей культуры – Золушки государственного бюджета. Разрушение семейных устоев, когда трещина, обусловленная общественным состоянием нравственности, пролегла через сердце каждого... Жизнь и смерть, любовь и ненависть, добро и зло. И еще многое из того, что составляет нашу боль. И, быть может, самое главное из всего – это поиск основы, на которой можно построить спасительную обитель духа, выпестовать челоуечную идею, ради которой стоит жить. Дорогу к этой обители (к Храму, где есть Высшее начало!) осилит идущий, только бы не стоять – не топтаться на месте...

Об этом и говорят с автором-путешественником те, кто живет на Дороге – их малой родине, где всё рушится, всё жаль до боли сердечной... Но не побежишь отсюда – здесь всё кровное, от пращуров, здесь рождались – здесь и выживать.

Глазом публициста В.Писигин проводит отбор собеседников – и почти не ошибается: наверное, отсюда и идет какая-то особая доверительность даже в сиюминутных разговорах. Человек ему интересен сам по себе, но особенно тот, кто еще жив духом, ищет дела, мыслит и страдает. Жизнь кончается, когда мы перестаем любить и страдать. Это не парадокс: страдание – одно из наивысших проявлений бытия духа. Страдаю – значит еще чего-то ХОЧУ, с чем-то НЕ МОГУ СОГЛАСИТЬСЯ. Только вот страшно, когда народные страдания не хотят видеть те, кому мы вручили свои судьбы. Они и именуют нас холодным и чужим словом – «электорат»... А мы – живущие на главной дороге, где «так густо замешана отечественная история», – одна большая семья, хотя географически можем быть отдалены друг от друга на 500 верст. У нас одна судьба, одна история.

Но с историей у автора прелюбопытные отношения. И порой долго размышляют над этим читатели.

В.Писигин не ставит перед собой цель – писать путеводитель. Мера исторической (справочной!) содержательности сознательно predetermined: она есть мера наших исторических представлений о месте, где мы живем. И порой оказывается, что мы «ленивы и нелюбопытны», говоря словами А.С.Пушкина. Не потому ли так любим Великую императрицу и от нее танцуем – как от печки – в наших легендах и домыслах?! Она у нас и названия дает городам и весям, и дворцы строит там и тут, казнит, милует и капризничает со значением – глядь! Каприз-то на века!

Исторический фон в «Путешествии» – только фон, и автор редко позволяет ему доминировать: это будет только там, где История – действующее лицо, как, например, в главе «Новгород». Хотите узнать, что? где? когда? – берите другие книги. У Писигина будет Почему? И Зачем?

23 главы в книге – это ступени познания мира и нашего бытия, двадцать три круга... нет, не ада, но часто преддверия его. Чем и как, а может быть, и зачем живут люди в центре страны – не в тундре, не в дебрях – в сердце России, под крылышком двух столиц, рядом с сильными мира сего? Знают ли они? Ведь по «государевой» дороге они не ездят – да и государя ныне нет (впрочем, в царственные тоги многие уже пробовали рядиться, да тяжела ты, шапка Мономаха!), так что теперь они из окна кареты подданных не видят...

«Путешествие» В.Писигина – это меньше всего путевые заметки. Заметки предполагают, как показывает опыт, мимолетный, скользящий, иногда просто любопытствующий взгляд. Здесь же МЫСЛИ В ПУТИ, поиск, исследование, анализ своего века, разговор с «героями нашего времени» – читатель получает объективную истину из их уст...

Пересказать книгу невозможно. Как перескажешь медленное, поступательное продвижение в глубь Отечества нашего? Как перескажешь диалоги-размышления, живопись словом, тончайшие оттенки интонаций, акцентов, делающих «музыку» человеческих откровений? Заметим: в орбите этих размышлений «душ мертвых» нет. Все, даже лишенные всех благ существования, уставшие, – не трава, которая безучастно растет на ветру истории: они мыслят здраво, саркастически прицельно, они способны не только на горестное сетование или злость, но и на поиск выхода из бедственного положения, на беззлобную усмешку или самоиронию.

Чего стоят два мужика в главе «Крестцы»? Они продают на доллары(!) старинную прялку. Всё идет с молотка! Ведь эта прялка обряжала

не одно поколение больших и маленьких. Когда-то такая колесная штука была мерой достатка в крестьянском доме. А теперь её «для интерьера» купил горожанин – так, прихоти ради. Вещь потеряла свою душу, хозяйскую надобность. Кажется, все в этом эпизоде прошло так весело – хохочут мужичонки, вспомнив к слову свою деловую докторшу, недавнюю их начальницу, когда-то, видно, испытавшую на одном из них силу лекарственной власти! Но автор знает, что неторопливый читатель его поймет: идет невеселое «расхожйствование», утрата того, что было частью Дома, частью его души, собственностью, цена которой – жизнь...

Страшным огнем горят церкви, разваливаются избы, без окон и дверей стоят вчерашние фермы, чертополохом равнодушия и бесхозяйственности зарастает земля-кормилица... Но страшнее всего этот «чертополох» в наших душах, ставших бесплодными, не способными родить мысль во спасение, обрести дело. Трудовая Россия исчезает на наших глазах! – слышится голос десятков свидетельствующих на суде Времени, где нет защитников. Это должны понять все: и те, кто бумажно трудится над реформами, и те, кто вкусил плоды скороспелых «обновлений», оборачивающихся если не бедой, то развалом. Нет бани в большом селе, закрыты кинотеатры, не слышат ребячьих голосов детские сады, редко кто из жителей – настоящих тружеников – строит себе дом (а как мечтает о нём девочка Наташа из села Едрово!), нет работы молодым и здоровым. Подумать только: ведь на этой дороге двести лет назад Радищев плакал над крестьянской долей – рабской жизнью без роздыха от работы! А теперь работы нет там, где её непочатый край! Какие жуткие парадоксы! Но мы к ним **привыкаем!**

Да, всё неладно в нашем «королевстве» – «порвалась связь времен»!.. Россия во мгле... НОВО ли это? И надо ли было писать еще одну книгу о нашей общей беде?

Если бы Валерий Писигин в этой мгле не увидел живых, немеркнущих огней – не надо. Но в книге есть отрадное (как ему умеет радоваться путешествующий!): лечит людей, строит вокруг себя мир божий заведующая детской больницей в Городне; пишет историю села библиотекарь из Зайцева; ищет спасение в работе директор школы из Выдропужска; находят в себе силы обустроить жизнь сельские старосты на новгородской земле; поёт с детьми, множит красоту в мире милая сельская учительница в Яжелбицах, взвалившая на свои плечи груз административных работ, и еще десятки тех, кто творит вокруг себя свою маленькую трудовую страну...

Российские женщины... Матери, жены, хозяйки, кормилицы, любимые и любящие...

– Могли бы ведь с ними и не встретиться, проехать мимо, – скажет кто-то.

Нет, не могли, потому что они – наша Вечность, наше спасение, оплот малого и большого Дома.

Жива Россия, хотя и больна. Кто её вылечит? «Бог, царь или герой»? Кого ждете, кого впустите в свою душу – тот и поможет вам... Но скорей всего – поможем себе мы сами. Помните, у Л.Н.Толстого в «Войне и мире», перед Бородинским сражением, мужики-ополченцы говорят Пьеру: «Всем миром навалиться хотят...»? Нам бы только этот МИР собрать да выстоять... Книга В.Писигина помогает очнуться, идти к Миру, где каждый, песчинка малая, нужен в океане Вечности.

Злая или добрая книга – это «Путешествие»? Кто-то говорит: злая! А я скажу – добрая. Потому что пишет Валерий Писигин, чтобы помочь нам прозреть, обрести Бога, оглянуться окрест, протянуть руку помощи ближнему, коль у государства (у власти!) нет доброй руки, нет закона, который бы защитил самого слабого в его тихой и совестливой любви, в неумении «с волками жить». Он хочет, чтобы мы встали с колен и соединились в творящее, разумное целое, чтобы у нас хватило сил и желания спасти КРАСОТУ земли, души нашей и свободной мысли – ведь с них начинается отечество. Не будет этого – не будет нас, не будет будущего...

Есть в главе «Новгород» удивительный эпизод. Путешественник приложил ухо к стене храма в Кремле и «услышал глухой, протяжный, далекий, идущий откуда-то снизу гул...» Гудела, словно колокол, Вечность – в добре и зле, в вере и безверии, в отчаянии и надежде. Гудит, гудит колокол – бессонный страж в ночи духовного разобщения. Слушайте, люди добрые: никогда не закончится Великое НАД нами! – словно будит нас книга, выводит из равнодушного забвения.

«Что можно было противопоставить абсолютному, бесчеловечному произволу *сверху* и дикому покорству, в сочетании с безумной ненавистью *снизу*? Смелость Радищева? Любовь Пушкина? Правду Достоевского? Совесть Сахарова?.. Это не ими ли отзывается печальное эхо вечного колокола?»

Это голос автора, звучащий почти с последних страниц книги. Мы подошли к концу, хотя это не конец путешествия во времени и пространстве. Кто следующий пойдет по этому пути самопознания? Пойдет, так же страдая и радуясь, изливая гнев и зорко оглядываясь в наше **сегодня**, как это сделал Валерий Писигин? Кто? Может быть, он уже собирает свою котомку – и в путь к самому себе?..

*Светлой памяти
моих бабушки и дедушки*

«Обыкновенно народ, желая похвалить свою национальность, в самой этой похвале выражает свой национальный идеал, то, что для него лучше всего, чего он более всего желает. Так, француз говорит о прекрасной Франции и о французской славе (*la belle France, La gloire du nom francais*); англичанин с любовью говорит: старая Англия (*old England*); немец поднимается выше и, придавая этический характер своему национальному идеалу, с гордостью говорит: *die deutsche Treue*.

Что же в подобных случаях говорит русский народ, чем он хвалит Россию? Называет ли он ее прекрасной или старой, говорит ли о русской славе или о русской честности и верности?

Вы знаете, что ничего такого он не говорит, и, желая выразить свои лучшие чувства к родине, говорит только о “святой Руси”.

Вот идеал: не консервативный и не либеральный, не политический, не эстетический, даже не формально-этический, а идеал нравственно-религиозный».

В.С.Соловьев

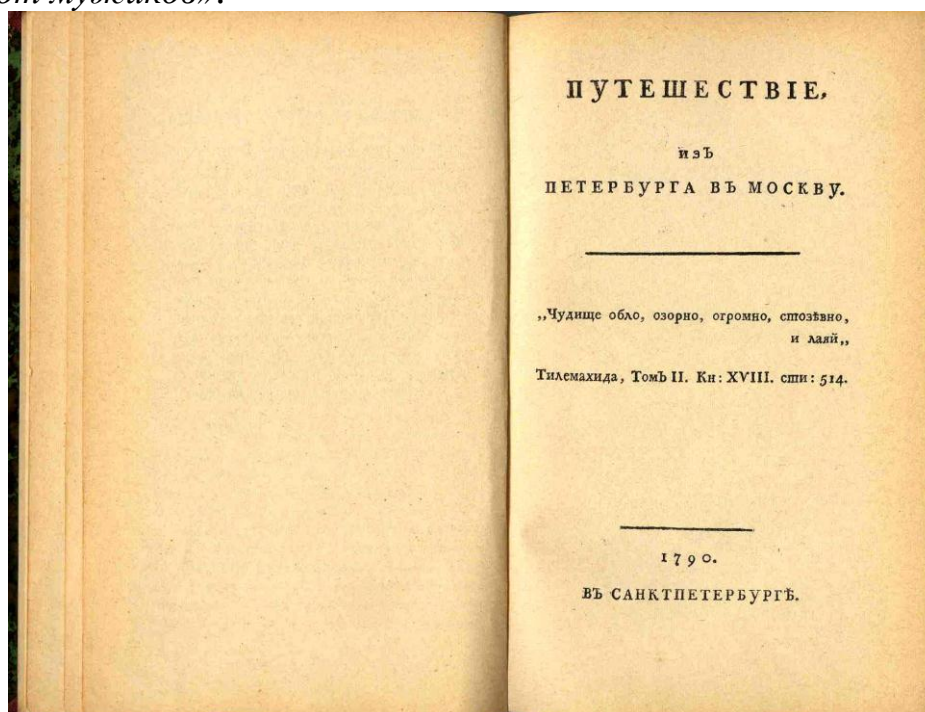
Предисловие

Две вещи могут подвигнуть на попытку совершить нечто значительное: чей-нибудь талант, соблазняющий своей мнимой легкостью, и собственная непросвещенность, делающая тебя слепым, глухим и безумным перед лицом всяких возможных трудностей.

Кто не знает о знаменитом «Путешествии из Петербурга в Москву» Александра Николаевича Радищева? Кому не известна печальная судьба этого первого русского революционера? Таких, пожалуй, нет. А кто прочел эту книгу от начала до конца, да так, чтобы еще и рассказать, о чем она?

В наших школьных программах отмечалось, что книгу свою Радищев задумал во время известного путешествия Екатерины Второй из Петербурга на юг России в 1787 году, хотя отдельные главы были написаны еще за несколько лет до этого. Путешествие императрицы было обставлено с необычайной пышностью и великолепием, на него были затрачены колоссальные средства, и именно тогда были сооружены по пути следования Екатерины знаменитые бутафорские деревни, названные впоследствии «потемкинскими». Как это в таких случаях водится, казенные писаки (по-нынешнему – официозные журналисты) восторженно сообщали о благоденствии народов России под *«материнским скипетром просвещенной Императрицы»*. Вот этому наглому обману и решил противопоставить Радищев свое собственное «путешествие», которое в известной части совпадает с маршрутом императрицы. Он начал печатать свою книгу в январе, а закончил в мае 1790 года, в небольшой типографии, расположенной в его же собственном доме на Грязной улице (ныне улица Марата) в Петербурге. Всего было отпечатано 640-650 экземпляров. Первые 25 книг Радищев отдал знакомому книготорговцу Зотову, и через несколько дней – в начале мая – в Гостином дворе, в лавках под номерами «15» и «16» по Суконной линии, началась ее продажа. Несколько книг Радищев разослал знакомым и друзьям, в том числе поэту Державину. К концу месяца первая партия книг была продана. По

городу прошел слух, что в Гостином дворе продается какое-то сочинение, в котором царям грозят плахою. Вскоре книга попала на стол к Екатерине, которая пришла в величайшую ярость, назвала автора «бунтовщиком, хуже Пугачева» и велела немедленно разыскать и арестовать сочинителя. Екатерина вроде бы сделала на полях «Путешествия» аж девяносто замечаний, и в одном из них: «...*Не любит царей и где можно к ним убивать любовь и почитание, тут жадно прицепляется с редкою смелостью*», «надежду полагает на бунт от мужиков».

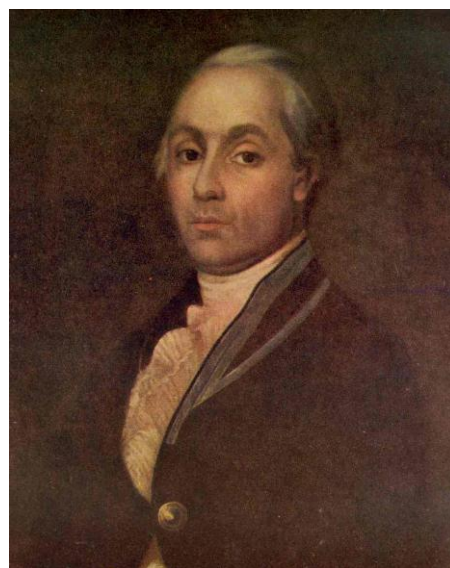

Утром 30 июня 1790 года Радищев был арестован. Допрашивал его в Петропавловской крепости известный «кнутобоек» Шешковский, который за 15 лет до того допрашивал Емельяна Пугачева. 24 июля Радищеву был вынесен смертный приговор, который, впрочем, заменили десятилетней ссылкой в Сибирь.

Такова краткая история появления «Путешествия из Петербурга в Москву». Ну а дальнейшая история этой книги сама достойна отдельного издания.

Книга, безусловно, полезная и интересная, однако степень навязывания этого возведенного в общеобразовательный канон произведения была такова, что, кроме равнодушия, к нему никто ничего не испытывал. Разумеется, мужественный Александр Николаевич тут был ни при чем, хотя слог его мог быть и более щадящим к неблагодарным и поверхностным потомкам. Во всяком случае, мне неизвестно, скольких из них сподвиг на доброе дело Радищев, но в свое время революционерами благодаря его книге стали многие. Гораздо меньше становились путешественниками.

А таких, чтобы буквально повторили само это путешествие да затем его описали, вообще вроде бы единственный. К тому же направлялся он в обратную сторону и доехал лишь до Вышнего Волочка, не дотянув даже до половины пути. Зато какой путешественник! Сам Александр Сергеевич Пушкин.

Его «путешествие» представляет собой не очень большую, в сравнении с книгой Радищева, статью-очерк, которую он писал с декабря 1833 г. по апрель 1834 года, а глава «Москва» была написана в январе 1835 года. Пушкинское «Путешествие» было опубликовано лишь спустя несколько лет после смерти поэта, в 1841 году. И то с большими цензурными правками и сокращениями.

В октябре 1833 года, накануне своей поездки в Петербург, Александр Сергеевич, имея в виду, что *«в тюрьме и в путешествии всякая книга есть Божий дар»*, зашел к своему старому приятелю, *«коего библиотекой привык пользоваться»*, и попросил у него *«книгу скучную, но любопытную в каком бы то ни было отношении»*. (Как приятно с Пушкиным иметь дело! Вот эта легкость и есть соблазн.) Приятель предложил ему довольно редкую в то время книгу — «Путешествие из Петербурга в Москву», изданную в 1790 году, и

попросил ее беречь, причем, как показалось Пушкину, сказал он это *«таинственным голосом»*.

«Книга, некогда прошумевшая соблазном (А.С. тоже был соблазнен – автор) и навлекшая на сочинителя гнев Екатерины, смертный приговор и ссылку в Сибирь; ныне типографическая редкость, потерявшая свою заманчивость, случайно встречаемая на пыльной полке библиомана или в мешке брадатого разносчика», – так кратко охарактеризовал Александр Сергеевич книгу Радищева, которую принял с благодарностью и взял с собою.

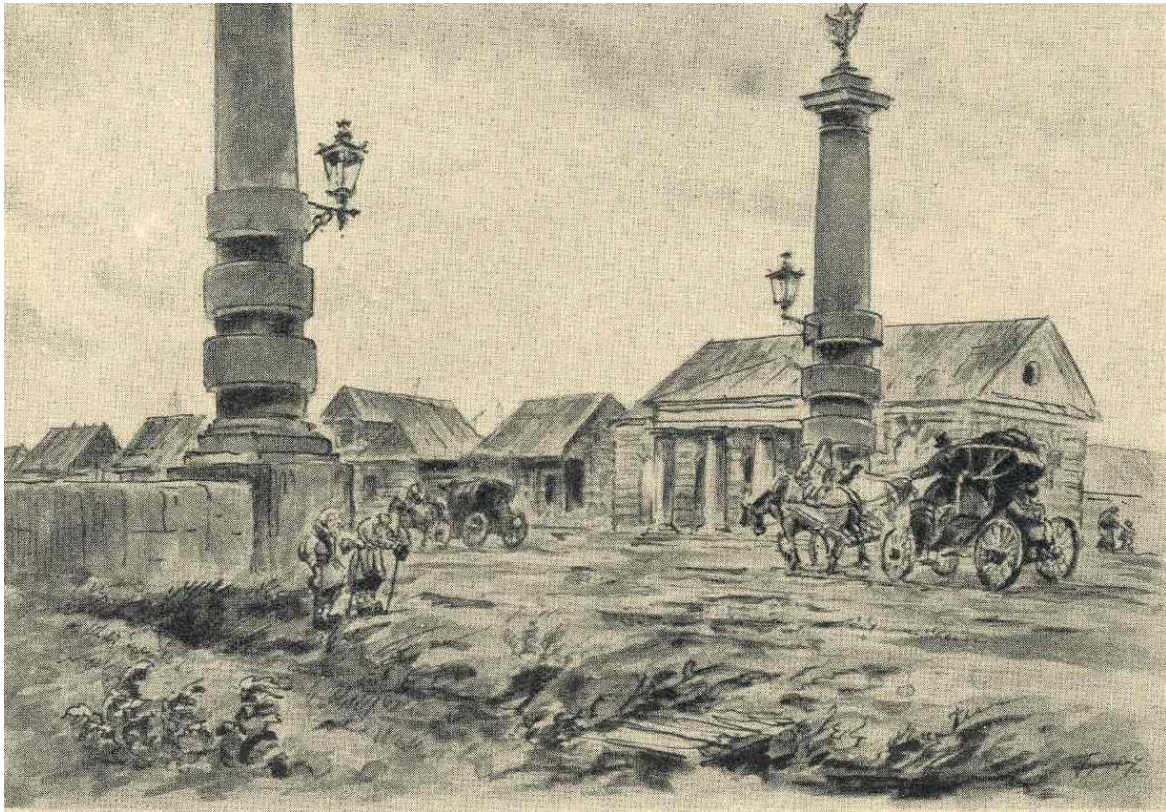
Хотя Пушкин и отметил, что «содержание книги всем известно», тем не менее он счел необходимым в своей статье напомнить, что представляет собой эта книга: **«Радищев написал несколько отрывков, дав каждому в заглавие название одной из станций, находящихся на дороге из Петербурга в Москву. В них излил он свои мысли безо всякой связи и порядка»**.

Пушкин читать книгу Радищева начал в Черной Грязи, небольшом селении близ Москвы: поскольку он перемещался в обратном, нежели Радищев, направлении, то и книгу стал читать с последней главы и таким образом заставил Радищева путешествовать с собою из Москвы в Петербург.

Выезд

Я специально не собирался в Санкт-Петербург, хотя всегда рад там побывать, и если такая возможность предоставлялась, то, конечно, я пользовался для этого поездом или самолетом. Известно, что в этом случае меньше хлопот. Но обстоятельства вынудили ехать самостоятельно, на машине. Чтобы сочетать приятное с полезным и не быть бездушным созерцателем природы, а также для того, чтобы отвлечься от шумной и столь же бестолковой столичной суеты, я взял с собой оба «Путешествия» – радищевское и пушкинское – и таким образом «заставил путешествовать» с собою и Александра Николаевича, и Александра Сергеевича.

Во времена Радищева и Пушкина из Москвы в Петербург, впрочем как и во все прочие города, добирались лошадьми: в кибитках, дилижансах, почтовых каретах, колясках. Например, постоянное движение почтовых дилижансов по Московско-Петербургскому шоссе было открыто с 1827 года, и экипажи отправлялись по четкому расписанию от главных почтамтов. Дилижанс представлял собой закрытую многоместную карету (от 4 до 12 мест) с сидениями внутри нее и на откидных скамейках позади возниц. Багаж крепился на крыше кареты и на откидных багажных полках сзади. Стоимость проезда от Петербурга до Москвы колебалась от 40 до 100 рублей, в зависимости от удобства места. Каждый пассажир мог взять с собой груз до 60 фунтов (24 кг). Разумеется, что такие поездки могли совершать только люди достаточно состоятельные. Например, молодой и начинающий сочинитель Н.В.Гоголь, снимая в 1830 г. квартиру в Петербурге, платил за нее 25 рублей в месяц, и столько же уходило «на стол»; да еще «на содержание человека» – 10 рублей; да на чай, сахар и хлеб – 20 рублей; прачке – 5 рублей; на сапоги – 10 рублей; на дрова – еще 7 рублей, а еще нужны деньги на библиотеку, на свечи, на парикмахера, на лекарство... Какие уж там путешествия!

ТВЕРСКАЯ ЗАСТАВА В МОСКВЕ В XVIII ВЕКЕ

С акварели художника Э. Бернштейна. 1949 г.

Дилижанс в пути сопровождал вагенмейстер, их смена происходила в Новгороде, Вышнем Волочке и Твери. Поэтому здесь были длительные остановки. Ямщики везли экипаж от станции до станции. Движение было круглосуточным, на больших станциях останавливались для отдыха. В одном из параграфов «Карманного почтового путеводителя», изданного в С.-Петербурге в 1831 году, говорилось: *«Дилижансы едут день и ночь, останавливаясь на короткое время, от получаса до двух часов, для завтрака, обеда и ужина там, где пожелают пассажиры»*. Путь от одной столицы до другой продолжался около четырех-пяти суток.

Сообщаю об этом для того, чтобы у читателя были более точные представления о путешествии двухвековой давности. Совсем нелишне,

если учесть, что все это уже кажется безвозвратно утерянным вместе с соответствующей культурой, правилами, языком...

«Отужинав с моими друзьями, я лег в кибитку. Ямщик, по обыкновению своему, поскакал во всю лошадиную мочь, и в несколько минут я был уже за городом», – начинает свое «Путешествие» Александр Николаевич Радищев.

«Узнав, что новая московская дорога совсем окончена, я вздумал съездить в Петербург, где не бывал более пятнадцати лет. Я записался в конторе поспешных дилижансов (которые показались мне спокойнее прежних почтовых карет) и 15 октября в десять часов утра выехал из Тверской заставы», – так начинает свое «путешествие» Александр Сергеевич Пушкин.

Такие поездки, на первый взгляд обыденные, длились несколько дней и превращали обычного пассажира в путешественника. Ведь когда едешь в кибитке, что может от тебя ускользнуть? Даже собака какая-нибудь завоет – и то высунешься, встрепнешься, а то и спросишь у первого встречного:

– А чего это она?

– Да ничего особенного. У тебя ногу отыми – и ты завоешь.

– А кто ж так, беднягу?

– Да вон, Никитка, мать его, как нажрется – так давай за собаками гоняться, а поймает какую – давай грызть ее...

Кучер, торопливо трогаясь с места:

– А лошадей твой Никитка не кусает?

– Лошадей нет. Что ж он, дурак что ли?

Разве не повод поразмышлять о жизни, откинув прочие дела?

А ведь кто на самолете или поезде – так, занятый собой, проехал бы мимо...

Но не только молча сидишь и едешь в кибитке своей. А перемена лошадей, ночлег, обеды?.. Это же всё остановки. А еще бывало, что колесо отвалится или еще что-нибудь прохудится. Тогда приходилось до ближайшей почтовой станции идти пешком, и остановки затягивались. И пока меняют колесо или ремонтируют кибитку, путешественник ходит вокруг, во все всматривается, ко всему прислушивается.

Сейчас путешествие лошадьми в кибитке или дилижансе едва ли будет кому по карману. Если и найдутся такие охотники, то это будет как из ряда вон выходящее удовольствие. Мы же отправляемся в свое путешествие на автомашине, имея в виду, что никакой другой вид перемещения не приносит столько радости. Ты совершенно одинок и также абсолютно волен в своих перемещениях. Никто и ничто не отвлекает тебя от общения с природой и не навязывает своих представлений об увиденном. Ты можешь ехать быстро или медленно, можешь завернуть в какое-нибудь селение или, если захочешь, сбавишь скорость, заметив причудливый пейзаж. А волен остановиться и зайти в церковь или встать на мосту через реку, любуясь ею сверху. Но главное – у тебя есть шанс притормозить у одинокого прохожего и завести с ним разговор.

Что такое свобода, если не возможность ехать куда хочешь? Многие ли могут позволить себе такое?

Чёрная Грязь

Здесь, ближе к вечеру 15 октября 1833 года, А.С.Пушкин достал из своего багажа книгу Радищева и приступил к чтению...

Считается, что своим названием эта деревня обязана небольшой здешней речке – левому притоку реки Сходни. Однако местные краеведы – в пику этой тривиальной версии – утверждают, что такое название селению дала сама Екатерина Вторая, которая, выйдя из кареты, нечаянно вступила своими башмаками в грязь. И поскольку эта грязь, на фоне белоснежных екатерининских ног, показалась чересчур черной, то и деревню с того времени стали именовать соответственно. А так, поверьте, грязь как грязь. И не спрашивают у нас – какая она? Спрашивают – много ли?

В этой деревне имелось большое станционное здание, построенное в XVIII веке, которое называли Путевым дворцом. Для обслуживания проезжающих на станции содержалось до 100 лошадей. Во второй половине XIX века в этом здании была открыта земская лечебница – ныне черногряжская больница Солнечногорского района. В исторической литературе сообщается, что под ямом Черная Грязь стоял в сентябре 1812 года авангард русского отряда генерала Ф.Ф.Винценгероде во главе с полковником В.Д.Иловайским. И не просто стоял, а нападал на французский корпус Э.Богарнэ и, как мог, громил его. Вот как! Кстати, *ямом* называли в старину стан на большой дороге, где происходила смена лошадей.

А еще примечательна Черная Грязь тем, что у москвичей когда-то существовала традиция провожать уезжающих в Петербург или за границу до Черной Грязи. Но сейчас об этом уже никто не помнит и потому, куда бы ты из Москвы не отправлялся, провожают в лучшем случае – до лифта.

Для современного путешественника Черной Грязи как таковой не существует. Ее проглотила современная трасса, которая перед тем развела селение на две части. Если когда-то путник, выехавший утром из Тверской заставы, к Черной Грязи подъезжал лишь после полудня,

то сейчас, если нет автодорожной пробки, от площади Маяковского до этой деревни можно доехать за тридцать-сорок минут. Причем саму деревню можно не заметить.

Выезжающий из Москвы не успел еще войти в дорожный ритм и набрать скорость; подъезжающий к Москве, наоборот, находится в предвкушении окончания пути и торопится проскочить в столицу. Радищев – не исключение, и, видимо, поэтому Черной Гязи он уделил в своей книге меньше страницы, успев все же заметить здесь *«изрядный опыт самовластия дворянского над крестьянами»*. Словом, это, с одной стороны, уже не Москва, а с другой – еще не Москва. Где-то здесь происходит соприкосновение одной России, представленной агрессивным мегаполисом, с другой – представляющей, пожалуй, все остальное. Это соприкосновение не стык и не взаимопроникновение, а, скорее, наступление одной на другую. Современники наши придумали слово еще удачнее – «наезд». Точнее, не придумали, а сумели внести в это слово эвристический смысл. Наезжает, конечно, та Россия, о которой исстари не устают говорить, что она Новая, Молодая, Бу-

душая... А другая и не спорит, молча живет себе, щелкает семечки и как бы говорит: «Ну-ну!»

И действительно, сколько лет прошло, сколько веков – все наступает, наступает, теперь вот – «наезжает», а дошла лишь до Черной Грязи...

– В Москве часто бываете? – спрашиваю у пожилой женщины.

– А чего нам туда ездить? – отвечает. – Это они сюда едут.

На автобусной остановке ни о Радищеве, ни о Пушкине, ни о самой деревне мне ничего ответить не смогли. Сам вопрос, на фоне мчащегося мимо потока автомашин и дикого шума от них, выглядел для людей неожиданным и, скорее всего, нелепым. Ну какой здесь Радищев? Какой еще Пушкин? Люди торопятся на работу в Москву...

Утром, по направлению к столице, движение очень интенсивное, часто создаются дорожные пробки. Такое же движение вечером, только в обратную сторону. Огромный город, как бы с утра вдыхает, а вечером выдыхает потоки автомашин. Здесь невозможно вообразить себе то спокойствие, тишину и размеренность, которые присутствуют в книгах наших путешественников.

Дальше, вдоль дороги, можно видеть частые вывески: «*Гриль*», «*Кафе*», «*Бар*», «*Еда*», «*Горячие сосиски*», «*Шашлыки*»... Все это написано небрежно, от руки, на какой-то фанере, а сами «кафе» расположились в таких же неприглядных киосках, будках, вагончиках, и оттого доверия ко всей этой «еде» нет никакого. В таких же вагончиках магазины «Запчасти для автолюбителей». Сейчас, правда, вокруг Москвы появляются заведения более цивилизные и комфортабельные. Новые, с импортным оборудованием, автозаправочные, при них – кафе и даже гостиницы.

Проезжающие по трассе всякий раз пристально вглядываются в странные эклектические новостройки – огромные дома, почти замки, в которых будут жить или уже проживают «новые русские». Конечно же, тема эта без конца обсуждается.

В конце 80-х – начале 90-х стали водиться у людей деньги, в том числе и так называемые «легкие». Это немалые средства, заработанные на различных разовых товарно-финансовых операциях в особую политэкономическую эпоху, которая, как и сами деньги, тоже была

разовой. И, хотя длилась эта эпоха недолго, денег у иных товарищей, ставших с того же времени именоваться господами, появилось множество, как и самих «господ». Особенно при Москве.

Я никого не порицаю уже потому, что сам не принадлежу к их числу лишь из-за того, что ничего толком делать не умею. Ведь люди сначала учились, потом трудились, напрягали свои головы и от многого отказывались. Конечно, были и такие, кому что-то перепало еще от старой советской эпохи, иной что-то купил и тут же продал, а кто-то помог подписать важную бумажку, оформить справку, договориться о встрече, свел кого надо с нужным человеком и так далее. Это в стабильное время на то, чтобы построить дом, может уйти жизнь. А бывают времена, когда через все это можно перескочить. И вот вчерашний неприметный товарищ и никудышный семьянин становится господином с деньгами. Появляется костюм, прическа, ботинки; затем дорогая импортная машина, отделяется квартира (евроремонт), покупается дорогая мебель, видеоаппаратура... Он начинает совершать семейные походы не только в супермаркеты и дорогие магазины, но и за рубеж, заказывая престижные морские круизы в дорогих каютах. А еще, чего-то наслушавшись в былой жизни, он решает обзавестись недвижимостью. Причем, это все делается быстро, с учетом изменчивости климата в стране, непредсказуемости душенастроений граждан, тяги общества к постоянному совершенствованию и улучшению политической системы и прочего, что может круто изменить или даже разрушить целеустремленную биографию. Словом, надо строить дом. Ну а дом следует строить основательно и в соответствии с окружающей действительностью, весьма и весьма суровой. Здесь если возводить стены – так потолще, окна ставить – небольшие и немного, а двери – помассивнее... И вот, уже мы видим странные архитектурные формы, с окнами, похожими на бойницы, с какими-то башенками и ротондами, и все окружено таким же мощным забором. Внутри дома желательны хотя бы минимальные удобства: сауна, два-три туалета, пара ванных комнат, и хорошо бы с джакузи, стараются также иметь камин. Ну а остальное – как у всех: спальни, кухни, столовые, комнаты отдыха, иные не прочь занять бильярдную. Хорошо бы такому дому находиться где-нибудь у реки, на участке

гектаров в двадцать-тридцать. Но приходится строить на нескольких сотках, и хорошо, когда их пятнадцать. Оттого создается представление скученности таких домов.

Так наша суровая частная жизнь неизменно отражается в архитектуре новых частных построек, которые все отчетливее приобретают вид средневековых конструкций. Так вот, даже описывать все это – нелегкий труд. А каково строить?

Представляете себе поле или лес? Туда нужно подвести газ, электричество, воду, канализацию и прочее, что на казенном языке именуется «инфраструктурой». А кто за этим всем станет ухаживать, следить за чистотой и порядком? Кто будет охранять?

Но осознание всех перечисленных объективных и субъективных трудностей приходит не сразу, и даже не после первого крупного взноса в строительство будущего дома, а чуть позже. Обычно это происходит вслед за очным знакомством с отечественной домостроительной культурой и ее яркими представителями. То есть тогда, когда отступать уже некуда. Тогда же начинают терзать и первые сомнения в предприятии, и откровения, что подобного рода вложения в недвижимость есть даже не омертвление денег, но сплошная их трата. Вся эта недвижимость, оказывается, сама требует постоянных расходов: всё, что окружает тебя (живое и неживое), то по очереди, а то одновременно вдруг начинает вопить: «Дай!» И надо давать, потому как – только чего-то запустишь, махнешь рукой – посыплется всё, что можно, а тогда беги – куда глаза глядят! Я знаю добрых и милых людей, которые, построив такой дом, с грустью признаются, что на жизнь в нём у них уже нет ни средств, ни здоровья. Проще, конечно, в какой-нибудь германской деревне. Ей, может, тысяча лет, может, больше, и там водопровод, канализация и все прочие жизнеобеспечивающие системы работают безотказно, потому что сложились воедино в результате вековых отношений, которые и формируют такое понятие как Город. Там и пожарным, и мусороуборочным, и прочим службам много веков. Войны прошли, революции и иные потрясения, прежде чем выработались такие мелочи, как культура быта, культура обитания и прочие, неведомые нам культуры. У нас же все эти этапы хотят пройти за пару месяцев и даже

быстрее. Так, запросто, выбили участки под застройку, бросили клич страждущим, когда немного набралось – свистнули строителей... Те приехали, взяли лопаты, навезли кирпича, начали строить... Закончили строить, убрали мусор. Заехали, стали жить... Думаете, получится?

Вот и стоят во множестве вокруг Москвы недостроенные, незаселенные, необитаемые дома-коробки – омертвевшая надежда на цивилизованный образ жизни. Их пытаются продать, хотя бы за те же деньги, да кто же купит мертвое? А ведь мы не затрагиваем более специфические моменты, связанные с домостроительным бумом.

Рассказывают, что много недостроенных домов из-за того, что их заказчики куда-то делись. Одних застрелили, другие сами кого-то постреляли и теперь в бегах, третьи разорились и им не до новостроек, а четвертые такие деньжищи сделали, что жить им в этих широтах просто не к лицу. Помню, показали мне в одной из здешних придорожных деревень только что отстроенный небольшой четырехэтажный замок. Еще, сказали, в нем столько же этажей под землей. Дом этот с маленькими зарешеченными окошечками и двумя башенками, куда так и просятся пара пулеметов, стоял на небольшом участке, где кроме него находилась еще и старая изба. Мне объяснили, что некие господа из какой-то фирмы заключили с добродушным владельцем участка договор, по которому эта фирма, в обмен на предоставление территории, передаст ему через три года все права на владение этим скромным четырехэтажным домиком. Фирма, сказали, такая, что больше чем на три года ей контора не нужна... Договор был подписан, и вскоре на десяти сотках, рядом с покосившейся избой хозяина участка, появился четырехэтажный особняк фирмы. После этого соседи если и здороваются со «счастливчиком», то смотрят на него как-то обреченно и почему-то совсем без зависти. Да и он, надо сказать, ведет себя, как заболевший СПИДом, хотя до окончания действия договора еще остается год с небольшим. Говорят даже, что он уже уехал куда-то, и с концами.

Ну а пока – мы проезжаем мимо недостроенных домов, современных несостоявшихся поселков и необустроенных инфраструктур. Проезжаем мимо деревни Дурыкино, где наши великие путешественники не останавливались...

Пешки

Местные предания гласят, будто бы Екатерина Вторая, возвращаясь в Петербург, доехала в карете до Красной горы и неожиданно для многочисленной своей свиты остановилась, чтобы пройтись под горку пешком. Видимо, она себе под горку шла-шла и дошла аж до самой почтовой станции. И за то время, пока мужики переменяли лошадей, Екатерина даже не присела, а все ходила и ходила вокруг, присматривалась ко всему, о чем-то думала, что-то замышляла, а потом так же неожиданно забралась обратно в свою императорскую карету и умчалась прочь. Она умчалась отсюда прочь, казалось, ничего после себя не оставив, кроме уставших и измученных лошадей, но народ окрестный оставил в памяти, что матушка-императрица не просто здесь побывала, не так, как в остальных местах, а по-особому: походила пешком, прямо по сырой земле своими царициными ногами. Так почему бы неизвестному и затерянному на бескрайних просторах селению не отразить в самом своем названии этот невероятный и удивительный эпизод? Почему бы не отметить тем самым величие царственной Екатерины и бесконечную любовь к ней народа? Так, будто бы, появилось у придорожного селения название – Пешки.

А может, что и не так. Кто сейчас проверит? А еще через некоторое время и проверять будет нечего. Старая часть деревни, та самая, по которой пешком расхаживала Екатерина, представляет собою не более двух десятков домов, в которых живут три пенсионера, коим за восемьдесят, да еще двадцать пенсионеров, которым за семьдесят. А больше в Пешках никого нет. Те частные дома, многоквартирные пятиэтажки и еще какие-то здания и административные постройки, находящиеся чуть выше старого села, – не Пешки вовсе, а обыкновенный жилой поселок при местном совхозе-птицефабрике. Там живут и рязанские, и смоленские, и туляки, и все прочие, которые меняют или покупают здесь квартиры. Они то приезжают, то уезжают

обратно. Половина из них работает здесь, половина неизвестно где. Словом, какие же это Пешки и какая там могла быть Екатерина?

Вся история деревни происходила вот здесь, где находятся одни лишь старые дома, разделенные полосой автострады. Здесь, с левой стороны, были и трактир, и почтовый двор, на котором останавливались и переменяли лошадей путники, в том числе наши Радищев и Пушкин. Именно здесь Александр Николаевич, уже предвкушая встречу с Москвой, зашел в крестьянскую избу, чтобы съесть кусок припасенного жареного мяса.

«Сколь мне ни хотелось поспешать в окончании моего путешествия, но, по пословице, голод – не свой брат – принудил меня зайти в избу и, доколе не доберуся опять до рагу, фрикасе, паштетов и прочего французского кушанья, на отраву изобретенного, принудил меня пообедать старым куском жареной говядины, которая со мною ехала в запасе. Пообедав сей раз гораздо хуже, нежели иногда обедают многие полковники (не говорю о генералах) в дальних походах, я, по похвальному общему обыкновению, налил чашку приготовленного для меня кофию и услаждал прихотливость мою плодами пота несчастных африканских невольников».

Александр Николаевич кушал жареную говядину, но взгляд его был сосредоточен на избе:

«Четыре стены, до половины покрытые, так, как и весь потолок, сажеею; пол в щелях, на вершок по крайней мере поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутый пузырь, смеркающийся в полдень, пропускал свет; горшка два или три (счастливая изба, коли в одном из них всякий день есть пустые шти!). Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; стол, топором срубленный, который скоблят скребком по праздникам. Корыто кормить свиней или телят, буде есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К счастью, кадка с квасом, на уксус похожим, и на дворе баня, в коей коли не парятся, то спит скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природою, онучки с

лаптями для выхода. – Вот в чем почитается по справедливости источник государственного избытка, силы могущества», – заключает Радищев, и буквально взрывается: «Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем?».

Не так мрачно оценивал быт российских крестьян Александр Сергеевич Пушкин, внимательно рассматривая рисунки, «присовокупленные» к книжке Радищева:

«Ничто так не похоже на русскую деревню в 1662 году, как русская деревня в 1833 году. Изба, мельница, забор – даже эта ёлка, это печальное тавро северной природы – ничто, кажется не изменилось. Однако произошли улучшения, по крайней мере на больших дорогах: труба в каждой избе; стекла заменили натянутый пузырь; вообще более чистоты, удобства, того, что англичане называют *comfort*. Очевидно, что Радищев начертил карикатуру; но он упоминает о бане и о квасе, как о необходимости русского быта. Это уже признак довольства».

...В Пешках я остановился у одной из придорожных изб, заметив возле калитки старенькую сторбленную женщину с авоськой. Ею оказалась семидесятишестилетняя пенсионерка, прожившая в этом селе почти всю свою жизнь. Она сразу же согласилась рассказать о Пешках, ответить на мои вопросы и для этого пригласила к себе в дом.

Валентина Васильевна долгое время работала учительницей в местной школе, но вот уже лет двадцать, как на пенсии. Мужа своего, фронтовика, похоронила несколько лет назад. Одиночество скрашивают кошки. Их в доме пять или шесть, сосчитать невозможно, так как они постоянно носятся, залезают на стол, подоконник, к хозяйке на руки. Я просил рассказать об истории этой деревни, о современной жизни, о себе, но разговор сразу же и определенно пошел о войне, точнее, о её непосредственном начале для жителей Пешек и для самой Валентины Васильевны.

Конечно, война началась за несколько месяцев до того. Войной люди жили, вслушиваясь в радиосводки, читая газеты, получая информацию от местного руководства и народной молвы, но пока это была война где-то там, за горизонтом. И все же она незримо и

неотвратимо приближалась, и в Пешках, находившихся на важнейшей стратегической дороге страны, это приближение чувствовали все отчетливее. Всех зрелых мужчин села мобилизовали на военный фронт, а нескольких молодых и крепких женщин призвали на фронт трудовой. Они рыли недалеко от Пешек противотанковые траншеи, участвуя в том, что в военных энциклопедиях будет отмечено как «Клинско-Солнечногорская оборонительная операция».

Была поздняя осень, вечерело рано, погода была прескверная – дождь со снегом, нескончаемый ветер, грязь, слякоть, все были по колени в глине, словом, удовольствия мало, но все же, но все же... Вокруг все свои. И речь, хоть и грубая, но родная, и места свои, родные, и лица, в общем-то, свои, и дом здесь недалеко, и порядки, пусть жестокие, но знакомые, свои... Настоящую войну, какая она на самом деле, кроме нескольких стариков-ветеранов первой мировой, здесь еще не видели. Проклятая, ненавистная, страшная, но еще не виденная, она с каждым днем становилась ближе. Где-то там, на фронтах, воюют твои родные, близкие: мужья, сыновья, отцы, братья, а ты роешь траншеи и постоянно думаешь о них, находясь в тылу. Пока еще в своём. Все ведь знали, что Красная Армия отступает. А что станет с тобой потом, когда прокатится через твое село, через тебя саму кровавый фронт? В тылу своих – это одно, а в тылу у немца – совсем другое!.. Вот какие чувства переживали жители Пешек в те дни. Это было страшное и все более нарастающее ощущение войны и приближения смерти: к твоему дому, к тебе самому...

Поскольку здесь проходит дорога, то можно было наблюдать все увеличивающуюся суету, ощущать по часам возрастающую тревогу и слышать все новые и новые сведения, слухи, домыслы: *«Фашисты уже в Клину!»*, *«Они въехали на мотоциклах в Солнечногорск!»*, *«Уже совсем недалеко идут бои...»* Везде, на всех постах, мостах, дорогах, стояли суровые патрули: никого никуда не пропускали, и даже попасть к себе в избу было для Валентины Васильевны делом непростым...

Но вот внезапно наступила тишина, на мгновенье всё вокруг опустело, стало тихо и как-то даже торжественно... А затем, со стороны железной дороги, началась жуткая стрельба, грохот орудий, залпы, снаряды... Начался бой. Так пришла сюда, в Пешки, война. И не

пешком, как Екатерина, а на мотоциклах с колясками, на странных «не наших» машинах, в каких-то страшных касках, в тоненьких шинелях и коротких сапогах на большом каблуке.

Всю ночь шел бой, и люди старались спрятаться, где только можно. Но где же спрячешься, когда все избы деревянные, а само село как на ладони? Тогда все, кто мог, и верующие и атеисты, потянулись в церковь: поближе к Богу. Не потому, что уверовали, а больше потому, что стены там были толстыми, кирпичными. К ночи в церкви скопилось столько народу, что даже повернуться было невозможно. Не так ли в древних русских соборах спасались от врага? И часто бывало, что гибли все вместе – от княжеской семьи до простых смертных. Соборно жили, соборно и умирали...

Кстати, чем отличается село от деревни?

Село – это большое крестьянское селение, хозяйственный, административный и, главное, религиозный центр близлежащих деревень. Это значит, что в селе, в отличие от деревни, есть церковь. Так что Пешки были все же селом...

Итак, наутро решили посмотреть: кто в селе? Оказалось – наши с боем отступили, а в Пешках – фашисты! Всё чужое, всё не своё, непривычное. Язык не тот, суета не наша, порядок не свой... Вот такое первое впечатление от пришедшей войны. Кто-то из стариков, воевавших еще в первую мировую, заметил: не только немец здесь, есть еще финны, венгры, румыны, чехи... А среди немецких солдат, как показалось, в основном пацаны – по пятнадцать-шестнадцать лет.

– Зашли они в избу, – рассказывает Валентина Васильевна. – Главный их офицер – в очках. Вся эта ихняя молодежь сразу кинулась греться. Наши старушки тут стоят, и эти немцы тоже к печке жмутся. Вообще они были страшно голодные. Почему-то у них ничего не было. Они ходили по уцелевшим домам, лазили в печки, искали еду и требовали: «Матка, супу!» Они сами доили коров и, конечно, всех гусей и кур в Пешках порезали. Там, где сейчас памятник воинам, на краю села, раньше было картофелехранилище. Наши, когда отступали, эту картошку облили бензином и сожгли, чтобы немцу не досталась. И шоссе, при отступлении, тоже взорвали. Так всё было перепаханно, вздыблено, что на другую сторону села нельзя было попасть. А потом, к

вечеру, опять такой был бой! Трассирующие пули летели, как из лейки. Думаешь, палец высунешь – в мочало сразу же превратится. Наши поставили свои орудия на Красной горе у села Есипово и оттуда лупили по немцам. Немцы поставили свои пушки прямо у храма и били по Красной горе. А жители Пешек находились между двух огней. Прятались опять в церкви. Там был подвал, куда жители сложили свой скарб: вещи, чемоданы, котомки. И вот в купол попал снаряд, и этот купол упал прямо при входе в церковь и завалил подвал.

Это было самое критическое для страны время. Где-то у разъезда Дубосеково стояли насмерть панфиловцы, недалеко отсюда у деревни Крюково погибал взвод, умирали на подступах к Москве тысячи и тысячи других героев. Это было в те самые дни и даже часы, о которых сейчас рассказывает Валентина Васильевна.

Оккупация Пешек была недолгой. Вскоре, всё с той же Красной горы, откуда когда-то шла пешком Екатерина Вторая, наши погнали фашистов из Пешек, а потом и вообще из России...

Вот о чем рассказала Валентина Васильевна. Значит, из всего того, что она знает о своих Пешках, самым важным для неё является начало войны, тот день или, точнее, вечер, когда после неожиданной и странной тишины вдруг началась страшная стрельба. Так что, проезжая по этим мирными и тихим сегодня местам, мимо малозаметных Пешек, мимо других неказистых сел и деревень, вспомним, что здесь нет такого клочка земли, который бы не был полит кровью наших солдат, ополченцев и простых жителей. В память о том времени – памятники нашим солдатам, венки и цветы у их подножий. И так на всем нашем пути от Москвы до Санкт-Петербурга. Сбавим ход, притормозим, вспомним павших и поклонимся им...

– А как живется вам теперь? – спрашиваю у Валентины Васильевны. – Помните, Радищев в Пешках описывал крестьянскую избу? И Пушкин о крестьянском быте рассуждал тоже здесь, в Пешках.

– Конечно, помню, – говорит Валентина Васильевна. – Здесь Радищев обедал и даже дал крестьянскому мальчику «боярского кушанья» – кусочек сахара.

– А можно ли сравнивать: как вы живете сейчас и как жили простые люди тогда, во времена Радищева?

– Да что вы? Какое может быть сравнение? У меня есть электричество, телевизор, вода в колонке через два дома... Какое сравнение! Печка у меня есть, паровое отопление. Там, на чердаке, котёл, в который я заливаю воду, и она по трубам бежит и греет. Топим дровами. Как сельскохозяйственным работникам, нам положено десять кубометров на отопительный сезон. У нас в Солнечногорске есть отдел, который малоимущим и одиноким пенсионерам, а мы тут в Пешках почти все одинокие, дает льготы по отоплению и освещению. Правда, дрова приходится доставать с большим боем. Надо самим ходить, искать трактор, нанимать тракториста, а этому трактористу нужно бутылку... У меня есть огород, так что я обеспечиваю себя и картошкой, и огурцами, и капустой. Какое сравнение может быть! Есть еще участок – двадцать пять соток, у дороги, но там ничего не растет из-за автомобильного газа. Пенсии у нас небольшие. У меня – двести шестьдесят тысяч.

Когда я зачем-то спросил, что думает Валентина Васильевна о политике, она буквально переменялась в лице, а голос стал жестким и суровым.

– Знаете что! Я так скажу. Я не обвиняю правительство. Они все правильно делают. Но народ до того распустился, разболтался, ничего не хочет понять. Ничего! Работать никто не хочет, хотят все быть какими-то кооперативщиками, какими-то предпринимателями, всем надо какую-то валюту... Я вот тут на днях была в Солнечногорске и зашла узнать насчет платы за электричество, так там, смотрю, такая очередь! Я думала за электричество люди пришли платить, а там, оказывается, стоят доллары менять на наши рубли. И где только, скажите, они берут эти доллары? Потом, все эти «челноки»... Они нигде не работают, а только ездят за границу, покупают там всякий хлам и везут его сюда продавать. Вы поезжайте в Солнечногорск. Там они стоят и чего только не продают... Там есть такой хлебокомбинат, и они выпекают и тут же продают горячий хлеб. Много всяких сортов. *(Голос Валентины Васильевны вновь стал мягким и спокойным.)* Такие есть булочки и такие батоны, прямо, такие вкусные. Туда все стараются ездить и покупать...

– Так это же хорошо, – говорю я.

– Хорошо-то, хорошо, но не по карману... Я против всех этих Дум (*голос опять стал жестким*). – Две Думы у нас – нижняя и верхняя. Зачем они такие нужны? Только спорят между собой и никак не договорятся...

После «политического разговора» я осторожно попросил Валентину Васильевну показать ее дом.

– Конечно, конечно, – Валентина Васильевна встала из-за стола, но вдруг глаза ее наполнились слезами, а голос вновь поменялся: стал каким-то глухим, низким и тихим, словно задышающимся.

– Вы меня простите, у меня ведь недавно сына машиной убило вот на этой самой дороге... Похоронили месяц назад, тут на кладбище... Он ремонтировал всем телевизоры, был такой безотказный, такой добрый... Сейчас ведь если телевизор сломается, то новый уже не купить. И в тот вечер соседи попросили его прийти к ним, посмотреть телевизор и, если можно, отремонтировать. А жили они через дорогу. Он пошел к ним, а машина его сбила...

Мы помолчали и пошли осматривать дом.

Деревянная изба, которую отстроили после войны, состоит из крыльца, небольшой прихожей, в которой происходила наша беседа, кухоньки, разделенной с прихожей печкой-шведкой, комнаты-гостиной, где стоит старенький телевизор и, кажется, еще более старые шкаф с посудой, стол и диван. На стене старые советские часы, которые исправно ходят, рядом развешаны фотографии, среди них – портрет погибшего сына... Когда-то здесь было живо и весело, приходили гости, пили, ели, пели песни, вспоминали прошлое, строили планы на будущее. Теперь здесь тихо и темно, и что останется от всего этого еще через десять лет – неизвестно. Есть еще одна маленькая комната-спальня, разделенная с гостиной стенкой из фанеры. Там обычная кровать, тумбочка, какие-то вещи. Ни в гостиной, ни в спальне отопления нет, потому что Валентина Васильевна живет вместе со своими кошками в маленькой отапливаемой прихожей. Скоро зима.

Я попрощался с Валентиной Васильевной, а она посоветовала заехать в Солнечногорск, в местный краеведческий музей, чтобы побольше узнать о Пешках. Можно бы, да только какой музей заменит саму Валентину Васильевну?

* * *

На 74-м километре, уже после Солнечногорска, справа от дороги небольшой памятник: простенький постамент и на нём – каменный диск в виде хоккейной шайбы. На нем надпись: **«Здесь погасла звезда русского хоккея Валерий Харламов».**

На постаменте увядшие цветы, памятный вымпел от провинциальной хоккейной команды и несколько конфет, которые, видимо, положили дети.

...Я видел Харламова несколько раз, когда в начале семидесятых великая команда ЦСКА приезжала в Свердловск на игры с местным «Автомобилистом». Это были праздники для каждого, кто любил хоккей. Харламов был в зените славы. Помню, достались нам с моим школьным другом Володей Колмогоровым места в первых рядах, прямо за спинами скамейки армейских хоккеистов, и я мог наблюдать за Харламовым вблизи, не отрывая глаз. Нас поразило то, как жестко, рискованно, безоглядно он играет. Было впечатление, что он вышел на свою последнюю игру, проводит последнюю атаку. Его партнеры –

Борис Михайлов и Владимир Петров – также работали как прокаженные. Они не щадили ни себя, ни соперника, и я был шокирован этим безумным азартом, хотя сам в то время играл в хоккей и знал, что это такое. От Харламова разлеталось всё по сторонам, как рассыпаются искры от режущегося металла. Мы болели, конечно, за

своих, и нам было их жаль, потому что Харламов никого из них не щадил. Сейчас его друзья пишут и говорят о том, что Валерий Харламов был всецело поглощен хоккеем, жил им. Но я видел, как сам хоккей нещадно поглощался Харламовым. И это было зрелище незабываемое.

Для советских людей, оторванных от того, что принято называть цивилизацией, и живших во лжи и лицемерии, наш хоккей, с его мировой славой, был, быть может, единственной Правдой, с которой мы преодолевали отчуждение от остального мира. Отсюда наша всеобщая беззаветная любовь к хоккею в пресловутые «застойные годы».

Вот и хоккей для нас был больше чем хоккей, и Валерий Харламов – больше чем хоккеист!

Клин

Упоминание об этом древнем городе содержится еще в Суздальской летописи, датированной 1234 годом. Уже тогда он назывался Клином, но почему именно – никто не знает и поныне. Оттого много домыслов и предположений.

Так, мне рассказывали местные жители, что название это, как и название Пешки, связано с именем Екатерины Второй. Будто бы, во время своего путешествия на юг России, императрица, при выходе из кареты, неосторожно зацепилась за что-то острое своим платьем и порвала его таким небольшим клинышком. Никто не знает, на каком именно месте произошел разрыв платья, но даже если и на самом незаметном, то все равно это не осталось незамеченным и народная молва нарекла город Клином. И хотя очевидно, что Екатерина к названию города никакого отношения не имеет, все же легенда эта выросла не на пустом месте. Видимо, когда-то давно, может быть в самые древние времена, когда еще и государства русского не было, а в лесах здешних жили лешие и ведьмы, на этом месте стояло славянское поселение. И, быть может, какая-нибудь знатная красавица с длинной светлой косой, скорее всего дочь местного князя, играя со своими подружками, зацепилась за что-нибудь своим красивым одеянием и нечаянно порвала его. Причем, клинышком. Она рассмеялась от такой неожиданной напасти, и все вокруг рассмеялись, и даже сам суровый князь, поначалу рассердившийся, тоже стал смеяться себе в бороду, и потому долго об этом необычном случае говорили, так долго, что остался этот эпизод в народной памяти. И потом, по прошествии многих веков, он уже соотносился с какой-нибудь другой особой, ассоциировался уже с другими персонажами, с которыми была связана история города Клина. Так дошел древний эпизод до времен Екатерины Великой и, уже оказавшись связанным с нею, добрался до нас.

С Клином, так или иначе, связаны многие знаменитые люди России: композиторы П.И.Чайковский и В.И.Танеев, художник

А.М.Васнецов, писатель Андрей Белый, ботаник К.А.Тимирязев, где-то тут, в уезде, простым агрономом работал М.М.Пришвин. Все – неординарные! Например, живший здесь неподалеку Д.И.Менделеев, прознав, что грядет в этих краях солнечное затмение, подсказал местным мужичкам пару-тройку химических элементов, и те, покумекав для виду, надули ему шар, привязали корзину, и он, поднявшись ввысь, наблюдал за солнцем уже не как все, а свысока...

Славился Клин также своими производствами, среди которых особо крупными были чугунолитейный завод Чепеля и стекольный завод, принадлежавший в свое время фабрикантам Орловым. Старая часть города, где некогда находился почтовый двор и где останавливались и переменили лошадей наши путешественники, находится справа от трассы. Здесь почти в неизменном виде сохранились старинные торговые ряды – крепкие из красного кирпича традиционные постройки, образующие квадрат.

Как и в старые времена, здесь идет торговля, и добрая половина торговых рядов занята винными и пивными лавками. Клинское пиво славится особенно и, наряду с Чайковским, является предметом гордости горожан. Но если великим композитором клинчане в основном только гордятся, то пиво свое они еще и пьют. Позади торговых рядов находится небольшой сквер с памятниками двум ильичам: Петру и Владимиру. Причем, Владимир, хоть и слывет любителем музыки, к Петру стоит спиной, с полным к нему безразличием. А вот Петр Ильич... Своей восточной частью торговые ряды выходят на площадь, некогда самый центр жизни города.

«Как было во городе во Риме, там жил да был Евфимиам князь...» – услышал здесь Радищев песню, которую напевал «слепой старик, сидящий у ворот почтового двора, окруженный толпою по большей части ребят и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, вид спокойствия, в лице его зримого, заставляли взирающих на певца предстоять ему со благовением. Неискусный хотя его напев, но нежностью изречения сопровождаемый, проникал в сердца его слушателей, лучше природе внемлющих, нежели взращенные во благогласии уши жителей Москвы и Петербурга внемлют кудрявому напеву Габриелли, Маркези или Тоди. Никто из предстоящих не остался без зыбления внутри глубокого, когда клинский певец, дошед до разлуки своего ироя, едва прерывающимся ежесекундно гласом изрекал свое повествование. Место, на коем были его очи, исполнилось исторгающихся из чувствительной от бед души слез, и потоки оных пролились по ланитам воспевающего. О природа, колико ты властительна! Взирая на плачущего старца, жены возрыдали; со уст юности отлетела спутница ее, улыбка; на лице отрочества явилась робость, неложный знак болезненного, но неизвестного чувствования; даже мужественный возраст, к жестокости толико привыкший, вид воспринял важности. О! природа, – возопил я паки...»

Неизвестно отчего, может из жалости к потомкам, коим в школьные программы может попасть оное произведение, но Солнце

русской поэзии после прочтения этих строк *«остался без зыбления внутрь глубокого»*. Александр Сергеевич, кажется, даже разозлился:

«Вместо всего этого пустословия, лучше было бы, если Радищев... поговорил нам о наших народных легендах, которые до сих пор еще не напечатаны и которые заключают в себе столь много истинной поэзии».

Отчего же так рассердился Пушкин?

Не будем вторгаться в споры великих. Поедем дальше по старой части города. Проезжая по одной из улиц, неожиданно увидел мемориальную табличку на одном из домов. На ней начертано:

Аркадий Петрович Гайдар
жил в Клину в 1938-1941 гг.
Детский писатель. Написал
«Чук и Гек», «Тимур и его команда»,
«Дым в лесу» и др.

Могла ли не остановить меня такая находка?

Я зашел во двор двухэтажного здания в надежде побывать в музее писателя, но, оказывается, здесь находится вовсе не музей, а призывной пункт. Поднявшись на второй этаж, я оказался в «Учебном классе призывника», стены которого были увешаны плакатами, схемами оружия и разными таблицами. Из соседней комнаты мне на встречу вышел начальник этого призывного пункта – опрятный офицер, лет сорока пяти, с хорошей русской речью и довольно утонченными для военного человека манерами.

Я представился и сказал, что обязан своим внезапным визитом лишь недоразумению. Однако Валентин Михайлович, так звали офицера, сначала объяснил, где находится музей знаменитого писателя, а затем любезно пригласил меня в свой кабинет. Вообще, с первых минут разговора, клинский офицер существенно поколебал мои представления о служащих призывных пунктов, сформированные более двадцати лет назад в военкоматах Свердловска, откуда я призывался на срочную службу.

В маленькой комнате на стене висел портрет Ленина: наверное, для того чтобы входящим были очевидны политические пристрастия офицера. Когда я присел, то увидел за его спиной небольшой плакат, призывавший на прошедших президентских выборах голосовать за лидера коммунистов. Письменный стол, несколько стульев, телефон. Валентин Михайлович был не прочь поговорить о проблемах призыва в армию, и это было бы кстати, учитывая, что Радищев и по его следам Пушкин обсуждают эту тему в Городне, до которой полчаса езды.

Несмотря на свои политические пристрастия, в отношении армии Валентин Михайлович придерживался позиции сугубо реформаторской, считая, что армия в России должна быть профессиональной, и ему, как офицеру, работающему с призывниками, это очевидно больше, чем кому-либо.

– Посмотрите, – с горечью говорил офицер, – в каком состоянии находится наша армия. У нас много кадровых дивизий и полков, которые находятся в плане обороноспособности на таком уровне, что... напоминают пепел на ладони. Вот американская армия вьетнамскую кампанию проиграла, но буквально через десять лет это была уже другая армия. И операцию «Буря в пустыне» против Ирака они уже вели как штабную игру. Вот это уже профессионалы! У них на реформу ушло десять лет, и сейчас служить в армии там стремятся даже девочки. А я веду набор и знаю, что в семнадцать лет все мальчишки настроены против того, чтобы служить. Средства массовой информации, телевидение настроили население против армии. В свое время считали, что, если парень не прошел армию, значит, он дефектный. Это было просто позорно. А сейчас все стараются, не люблю это слово, «отмазаться» от армии. И родители в этом помогают.

По словам Валентина Михайловича, в армию идут сейчас в основном сельские ребята, желающие как-то вырваться из деревни или пытающиеся таким образом самоутвердиться. Городских призывается мало. Одни стараются увильнуть через какую-нибудь болезнь, другие – через ОВИР. Бывает, ищут призывника, а он уже давно в Канаде или в США. И военкоматы ничего не могут с ним сделать. А из самой армии часто бегут из-за неуставных отношений.

– Что такое сегодня «неуставные отношения»? – задается вопросом и сам же на него отвечает Валентин Михайлович. – Это издевательства, побои, унижения, доведение молодых солдат до скотского состояния. И так везде. Вон сколько случаев, когда солдаты не выдерживают надругательств и берут в руки оружие. Даже из Кремля, из президентского полка, солдаты бегут! Вот он сбежит из армии, придет домой, отлежится и приходит сюда в военкомат. Мы заставляем его писать объяснительные. Читаешь – и за голову берешься. Там в ротах нет ни старшин, ни командиров взводов, ни командиров рот... Они предоставлены сами себе, и распорядок там устанавливают сами. Сейчас на службу призывают бывших уголовников, которые из армии делают подобие зоны, со своими правилами и законами. Просто садизм. Но ведь начинается этот садизм еще здесь, на гражданке. Посмотрите, что творится в наших профтехучилищах. И все это автоматически переносится в армию.

Я спросил у Валентина Михайловича, не может ли командир посадить кого-то за «дедовщину»? Ведь это было когда-то действительно: несколько человек посадят – и в полку пару лет более-менее тихо.

– Сейчас не так, – отвечает Валентин Михайлович. – Законы не работают не только на гражданке, но и в армии. Скажем, сбегают солдат и бегают полгода, а то и больше. Мы его ловим, доставляем в часть, и его тут же увольняют, чтобы не было хлопот. А ведь ему положен срок. Или вот, курьез. Сбегают солдаты из частей на Дальнем Востоке, как-то добираются на перекладных сюда, домой. Мы их ловим, даем в часть телеграмму, а нам оттуда сообщают: *«Если можно – доставьте нам беглеца, потому что нет денег выслать за ним офицера или прапорщика»*. Вот как бывает сегодня! Билет до Владивостока сколько стоит? В общем, никто сейчас не хочет связываться с подобными ситуациями, и до суда дело не доходит.

– Как ведут себя родители? – спросил я. – Ведь все напуганы войной в Чечне. Кому охота свое дитя отдавать на верную гибель?

– Это вам надо приехать, когда идет призыв. Тут и слезы, и крики, и истерики... Мы ведь не знаем, куда попадут наши ребята. На областной пункт привозим, вроде была одна команда, а там все меняется. Этой весной формировали Северокавказский военный округ.

Многие наши мальчишки прошли и через Чечню. Сейчас, слава Богу, их оттуда выводят.

Несколько удивленный несоответствием между тем, что говорит Валентин Михайлович, и коммунистической атрибутикой его кабинета, я поинтересовался, как он относится к нынешней власти, и, честно говоря, не сомневался, что сейчас Валентин Михайлович на этой власти отыграется. Речь же пошла совсем о другом.

– Меня волнует больше всего российский генофонд. Послушайте язык молодых ребят! Сейчас они говорят на языке, которого еще несколько лет назад не было. Это даже языком трудно назвать. Членораздельная речь у них отсутствует вовсе, и, чтобы их понять, нужен специальный переводчик. Вот, посмотрите. Сейчас восемьдесят процентов ребят-призывников нигде не работают. Они просто болтаются сами по себе. Потом начинают заниматься извозом, какими-то ларьками, крутятся вокруг киосков, рынков... Чем-то серьезным, профессиональным никто из них не занимается. Учиться какой-либо профессии они не хотят, не видят смысла. А мы ведь знаем – Советский Союз, СНГ или Америка, – чтобы жить, кормить семью – надо работать, надо хоть что-то уметь. Если мужчина выбрал профессию, скажем, токаря, то к сорока годам это профессионал. Также и классный водитель, и комбайнер, и тракторист... На профессионалах зиждется становой хребет любой страны, и России тоже. А сейчас идет какое-то размывание самого понятия о профессии... Посмотрите! – продолжал Валентин Михайлович. – У нас сейчас в Клину стоят многие заводы. Термоприбор – стоит. Станкозавод – стоит. Химволокно – кое-как кувыркается. Стеклозавод – то же самое... Что толку учиться в профтехучилищах при этих заводах или идти в какой-нибудь техникум, если завод стоит и никаких денег там не зарабатываешь? Ребята туда не идут, и их можно понять. И вот, пока до армии какое-то время остается, они носятся по этим палаткам, охраняют их или сами становятся рэкетирами. Потом, если не сядут в тюрьму, идут в армию. А отслужат, придут домой – и опять вопрос: куда идти? на что жить? как создавать семью? С жильем проблема, с устройством проблема, с учебой тоже... Смотришь, стоит здоровый русский парень и торгует на рынке колготками или сникерсами... Или гоняет автомобили из Белоруссии,

или еще чем-то подобным занимается... Я их спрашиваю: *«Когда же будете всерьез работать?»* А они в ответ только ухмыляются... Можно ругать сколько угодно и Советский Союз, и коммунистическую систему, – Валентин Михайлович кивнул на портрет Ленина, – но, согласитесь, физик был физиком, математик – математиком, а токарь – токарем... Тут идеология ни при чем. Может быть, обществоведы были непрофессиональны из-за своей идеологизации, но плотник – он всегда, при любой системе, плотник! А сейчас? Кто из них борется за профессию? Вот что нас должно беспокоить. Ведь пройдет двадцать лет, и мы с вами станем людьми преклонного возраста, а будущие сорокалетние мужчины, те, которые должны будут составить опору страны и общества, – кем они будут? Они сейчас привыкли к легким, дармовым и, чего греха таить, к преступным деньгам, причем безнаказанно. В сорок – у них будут семьи, а значит – им нужны будут деньги, чтобы их кормить. Но они ничего не умеют, кроме как «добывать» деньги сомнительным способом... Вот о чем я больше всего думаю: кем они будут? Среди кого будут жить наши дети?.. Вот вы, – обращался Валентин Михайлович с вопросом уже ко мне, – объясните: в стране, где идет какая-то реформа, что, как не молодые и сильные руки, в цене? Ведь сама реформа – дело людей молодых. Ну, оказались не нужными старики, не понимают, не принимают, нет сил, нет воли, не хватает задора... Но молодые-то. Почему без них?..

А что я могу ответить Валентину Михайловичу, если и сам задаю себе такие вопросы?

Впрочем, почему «без них»? Обратите внимание, сколь много у нас здоровых и сильных молодых людей ходит в защитной форме по улицам городов. Ходят ночью, ходят днем. Уверенно, вразвалочку, с радиотелефонами. Из них формируются подразделения, роты, полки. Им платят жалование, вооружают, учат стрелять, бить, колоть... Вот их руки нужны, они востребованы. Человек с ружьем вновь в цене, вновь в героях дня. Не такие ли могут в один момент зажать рот обществу, а затем и растоптать сапогом его лицо?

А ведь клинский офицер прав: с кем и где придется доживать нам, сорокалетним? В каком обществе будут жить наши дети? Кого потом винить? Опять Ленина со Сталиным? С этими тяжелыми

вопросами я попрощался с Валентином Михайловичем и направился к музею А.П.Гайдара. Он ведь в четырнадцать лет полком командовал!..

Музей Аркадия Гайдара, находящийся на одноименной улице, по случаю вторника оказался закрыт. Зато на все четыре стороны развернулся другой музей – имени его внука. Может, самый большой «музей» в мире. И, думаю, не скоро закроется.

Главный раздел экспозиции – городской рынок. Здесь есть все: мясо, колбасы, сосиски, сыры, макароны, одежда, обувь, носки, джинсы, варежки, куртки, куры, сигареты, цветы, кофе, вино, водка... Что еще? Рыба, овощи, масло, колготки, кефир, сметана, молоко... Что еще? Булки, печенье, конфеты, цветы, сало, лук, чеснок, саженцы... Все в куче, вперемешку, рядом. И над всем этим непрерывно звучит песня: *«Мама, я русского люблю...»*

Вокруг и внутри этого странного «музея» копошится огромное количество возбужденного народа: стоят, ходят, курят, крутятся, что-то обсуждают, словом, заняты делом. Одни товар привозят, другие стоят и продают, третьи охраняют этот товар от четвертых... В супермаркете всем этим занимаются пара-тройка продавцов, здесь же включены в процесс сотни и тысячи трудоспособного населения. А по стране – миллионы! Рядом с базаром – магазины: *«Молоко»*, *«Кондитерские изделия»*, *«Хлеб»*, *«Вино»*, *«Воды»*, *«Домовая кухня»*, а для полноты счастья вечером этого же дня в кинотеатре *«Мир»* будет концерт популярного в народе комика. Улица, на которой всё это происходит, носит имя Юрия Гагарина. На почте на дверях реклама: *«Российский Луна-парк. В парке – карусели, качели, надувные батуты, пещера ужасов, мотошоу по вертикальной стене, комната смеха, призовые аттракционы, детская железная дорога... Все эти развлечения – ежедневно»*. Много ли человеку надо?

Здесь же находится еще один музей, уже настоящий – краеведческий. Он тоже закрыт по случаю вторника, но в музее этом я уже был год тому назад и вот о чем сейчас вспомнил. Во время Великой Отечественной войны Клин находился в оккупации. И хотя эта оккупация была непродолжительной – меньше месяца, – война оставила здесь свой страшный след: Клин был основательно разрушен,

а многие его жители погибли, защищая город. И вот, в краеведческом музее, я увидел, с какой тщательностью, трепетом и любовью его сотрудники хранят память о каждом воине, оберегают фотографии и вообще все предметы, связанные с погибшими солдатами. Маленькая и совсем седая старушка – хранительница этой памяти – называла погибших солдат святыми. Она говорила, что мы живем благодаря воинам, отдавшим за нас жизни, а сами не бережем о них память, и жаловалась на то, что у музея, расположенного на первом этаже жилого дома, хотят отобрать и уже отбирают помещение. И я видел, что многие экспонаты были уложены в коробки: «до лучших времен». Но настанут ли они? Тогда-то старушка и сказала мне о том, что, мол, Радищев увидел тут одного слепого, но доброго, а сейчас – все слепые и злые. И некуда пожаловаться.

Каково сейчас в этом музее? Увы, узнать не удалось.

На почте я приобрел две газеты: свежий номер солнечногорской «Сенеж» и клинскую «Серп и Молот» за октябрь. Между прочим, вторая исправно выходит еще с 1918 года. Солнечногорская газета, к моему удивлению, сообщает о путешествии на яхте «Апостол Андрей» некоего Александра Павлова. В подзаголовке сообщается:

«В нашем сознании прочно утвердилась вдолбленная со школьных лет книга первого российского революционера Александра Радищева “Путешествие из Петербурга в Москву”. Озабоченный поиском язв и пороков, он как-то совершенно оставил в стороне простую и очевидную истину: всякое путешествие – это прежде всего увлекательнейшее и интереснейшее занятие».

Чуть выше крупным шрифтом напечатано любопытное поздравление:

«Правление Солнечногорского городского общества инвалидов поздравляет всех членов своего общества с Международным днем инвалидов».

Уважаемые инвалиды, мы понимаем, что вы переживаете трудный период в своей жизни. Со своей стороны, мы хотим заверить вас, что ваши беды и боль мы воспринимаем как свои собственные. Только за этот год наше общество оказало материальную помощь малоимущим инвалидам на сумму 8 млн. рублей. Мы ощущаем

постоянную поддержку и заботу администрации нашего района. Желаем вам крепкого здоровья и счастья в личной жизни».

Кроме этого поздравления, инвалидам района посвящена вся вторая полоса газеты. Ну а нам, чтобы по достоинству оценить «поддержку и заботу» властей, надо разделить 8 миллионов рублей на количество малоимущих инвалидов в почти стотысячном городе. Даже если таковых всего сто человек, то в месяц каждому оказано «помощи» аж на 6 тысяч 600 рублей! А вот газета «Серп и Молот» почти полностью посвящена Дню учителя. На первой полосе, как это и положено, поздравления ответственных лиц и уважаемых организаций:

«Ваш нелегкий, неустанный, но такой необходимый труд по воспитанию подрастающего поколения вызывает уважение и признание всех клинчан», – поздравляет учителей глава района.

Здесь же – поздравление местного «Комитета социальной помощи населению»:

«...В структуре комитета работает немало талантливых педагогов, педагогов-организаторов, воспитателей, мастеров производственного обучения. Коллективы центра детства “Жемчужинка”, социального приюта “Гнездышко”, реабилитационного центра для ослабленных ребят “Радуга”, центра для несовершеннолетних “Радость”, центра трудовой реабилитации подростков “Надежда”, летних оздоровительных центров “Родник” и “Костер” отдают все свои знания, опыт, мастерство формированию духовного мира детей и подростков, оздоровлению окружающей их микросреды, социализации подрастающего поколения в обществе».

Этот же Комитет в небольшом объявлении, напечатанном сразу же под поздравлением главы Клинского района, *«приглашает малоимущие семьи с детьми, сдавшие справки о доходах, в муниципальный магазин для приобретения продуктов питания по льготной цене».*

На первой полосе, под поздравлением учителям и объявлением Комитета социальной помощи населению, напечатана «Криминальная хроника». В ней сообщается о злостных кражах в районе. Так, 24 сентября с поля Акционерного общества закрытого типа «Дружба» (поселок Решоткино) клинчанка, 1940 года рождения, похитила 12 кг

картофеля на сумму 36 тысяч рублей, а с поля Товарищества с ограниченной ответственностью «Клинское» (деревня Фроловское) в этот же день жительница Солнечногорского района похитила 20 кг моркови на сумму 40 тысяч рублей, – и им, сообщается в комментарии, еще повезло, потому что 21 сентября один високовский бомж до того увлекся сбором урожая картошки с плантаций Общества с ограниченной ответственностью «Масюгинское», что случайно попал под работающий трактор и погиб. Есть в криминальной хронике и другие происшествия, но мы ограничимся упоминанием этих и оставим древний город Клин, хотя было бы очень интересно посмотреть на то, как происходит «социализация подрастающего поколения» в обществе с ограниченной ответственностью.

Завидово

Из всех сёл и деревень на пути в Санкт-Петербург нигде вы не встретите такого обилия продовольственных товаров, как в Завидово. По обеим сторонам трассы – а село это растянулось на несколько километров – стоят десятки жителей в надежде продать проезжающим часть своего урожая. Что продают? Картошку, морковь, капусту, чеснок, лук, кабачки и тыкву, свеклу, солёные огурцы и помидоры, закрученные в банках, солёные и маринованные грибы, самые разные варенья и компоты, большие желтые яички, мясо, хрен, молочные изделия, рыбу и прочее.

Чем такое изобилие вызвано – не знаю. Быть может, на редкость плодородными землями в этих местах, что, как гласит одно из преданий, приводило жителей окрестных сел и деревень к зависти: отсюда вроде бы и название села – Завидово; а может, оттого, как рассказал мне местный учитель истории Борис Иванович, что в этом селе никогда не существовала крепостная неволя.

Не было здесь и помещиков. Окрестный народ обслуживал почтовую станцию, находившуюся рядом с мостом через речку Дойбицу. Остатки этой почтовой станции были уничтожены лет пятнадцать назад, а она была здесь знатной. Например, лошадей содержалась целая сотня: в два раза больше, чем в Клину, и на тридцать, чем в губернской Твери. Так что путники в Завидове особенно не засиживались, а случай с Радищевым – явное недоразумение и еще один пример того, что писателей, журналистов и прочую пишущую братию обижать ни в коем случае нельзя. Не дашь вовремя лошадь, не нальешь доверху стакан, не примешь с улыбкой – они тут же о том напишут, и будут потом все вокруг говорить, что вот, мол, в Завидове и лошадей вовремя господам не переменяют, – а здесь-то как раз всё было в порядке.

Тут же рядом, в соседней деревне Шорново, местные умельцы – шорники мастерили различные дорожные изделия: уздечки, сбрую,

упряжь, батоги и сами шоры – этакие боковые щитки на уровне глаз животного, не дающие возможности глядеть по сторонам.

Церковь здесь знаменита тем, что в один из холодных ноябрьских вечеров 1825 года в неё привезли и оставили на ночь гроб с телом покойного Александра I. Его везли из Таганрога в Петербург. В храме до сих пор сохранился специальный постамент, на котором стоял гроб с императором, которого при жизни называли «Незримый путешественник».

Поскольку Завидово неоднократно передавалось из одного административного субъекта другому, то с архивами произошла какая-то чехарда, и сегодня уже неизвестно, когда это село возникло. Все знают, что давно, а вот когда именно, уже, наверное, никто не ответит. И в архивах, как мне сообщил все тот же учитель истории, ничего найти не удастся.

Известно село и тем, что здесь существует с еще до-революционных времен фабрика плетеных изделий. По рассказам местных жителей, главной продукцией этой фабрики была резинка для трусов – вещь столь же прозаическая, сколь и необходимая. Белая, как лапша, резинка эта была известна в нашей стране каждому и сопровождала советского человека с раннего детства до глубокой старости, потому что без отечественных трусов в СССР не обходился ни один гражданин, будь то член Политбюро или пораженный в правах осужденный. И не только на поддержание трусов шла такая резинка – а различные шаровары и куртки, а женские кофточки, юбки и знаменитые платица с рукавом-фонариком, а многочисленные детские вещи? Все это также было немыслимо без упомянутой резинки. Эти обстоятельства на многие годы предопределили стабильность и высокую рентабельность фабрики, а значит, и высокий уровень жизни ее работников. Здесь не жаловались на зарплату, а кроме того, в Завидове много строили жилья, причем не только обычные деревенские избы, но и кирпичные многоквартирные дома. Построили здесь также большую современную школу и приличный Дом культуры.

Входили в завидовское хозяйство и несколько колхозов, которые при Хрущеве были объединены в огромный совхоз, чьи владения простирались на десятки километров в округе. Еще была в Завидове

фабрика ёлочных игрушек. Делали их здесь со знанием, любовью и гордостью. Один из бывших работников этой фабрики рассказывал мне, как привозили заготовки – стеклянные метровые трубки. Затем их нагревали на специальных горелках, после чего местные умельцы выдували из них всякие замечательные штучки и, пока они оставались горячими, выдавливали на них специальными штампами различные рисунки или узоры. Потом, уже вручную, раскрашивали. Получались очень красивые фонарики, разного цвета и размера шарики, этикетки смешные сосульки, уникальные стеклянные бусы и прочие радующие глаз хрупкие изделия. Их даже экспортировали за границу, в частности в Италию. Всё это было когда-то очень родным для миллионов людей, добрым воспоминанием о туманных и несостоявшихся ожиданиях...

Всему, однако, приходит конец. Здесь он наступил и неожиданно, и повсеместно. Фабрика, выпускавшая резинки для трусов, практически перестала существовать, потому что разрушился СССР и вместе с ним пресловутый «железный занавес», а развращенное Западом население надежным отечественным трусам предпочло какую-то импортную дрянь. Совхоз акционировали, и теперь он называется Коллективно-долевым предприятием (КДП), коэффициент полезного действия (КПД) которого сегодня весьма низок. От фабрики елочных игрушек не осталось и следа. Она давно закрылась, а здание уже не единожды перепродавали. Естественно, что при таких производственных потерях вопрос о рабочем месте – один из самых острых в Завидове.

Пока селяне выживают благодаря своему огородно-садовому потенциалу и за счет естественной близости к трассе Москва – Санкт-Петербург. На сколько всего этого хватит, сказать никто не берется. Во всяком случае, местные жители уже не единожды грозились выйти на трассу, чтобы остановить движение и таким образом обратить внимание начальства на свои беды.

Многие жители нашли спасение в соседней деревне Спас-Заулок, где с недавнего времени открылся небольшой винный заводик. Именуется он Акционерным Обществом «Спас». Выпускает этот «Спас» простую русскую водку, и никого это не смущает, так как винзавод действительно спасает многих жителей Завидова от нищенского существования. С учетом того, что рядом, в поселке Новозавидовском, уже есть один винзавод, можно предположить, что и само Завидово, и вся округа без алкоголя не останутся.

Что еще может привлечь внимание путника?

Может, взорвавшийся год тому назад жилой двухэтажный дом? Тогда при страшном взрыве погибли три человека и еще многие были ранены. Этот разрушенный дом так и стоит, напоминая о недавней трагедии. Огромная, красной краской выполненная надпись на уцелевшей стене гласит: «Внимание! В дом не входить! Опасно для жизни!» Интересно, надпись эту сделали до взрыва или после?

Александр Сергеевич Пушкин почему-то пропустил в своей статье это, вытянутое вдоль дороги, село. А вот Радищев здесь едва не стал жертвой традиционного начальственного произвола, когда у него хотели отобрать лошадей для следующего через Завидово какого-то крупного начальника. Тому было необходимо тотчас заменить аж пятьдесят лошадей! Для Радищева, впрочем, все обошлось, и он даже смог описать выезд высокого начальника.

«...Спор мой с гвардейским полканом (службой прибывающего начальника – авт.) прерван был приездом его превосходительства. Еще издали слышен был крик повозчиков и топот лошадей, скачущих во всю мочь. Частое биение копыт и зрению уже неприметное обращение колес поднимающеюся пылью толико сгустили воздух, что колесница его превосходительства закрыта была непроницаемым облаком от взоров ожидающих его, таки

громовой тучи, ямщиков. Дон-Кишот, конечно, нечто чудесное тут бы увидел; ибо несущееся пыльное облако под знатною его превосходительства особою, вдруг остановясь, разверзлося, и он предстал нам от пыли серовиден, отродию черных подобным.

От приезде моего на почтовый стан до того времени, как лошади вновь впряжены были в мою повозку, прошло по крайней мере целый час. Но повозки его превосходительства запряжены были не более как четверть часа... и поскакали они на крылах ветра. А мои клячи хотя лучше казались тех, кои удостоились везти превосходительную особу, но, не бояся гранодерского кнута, бежали посредственною рысью».

Современник наш, живущий в Завидове и не раз видевший эскорты нынешних «превосходительных особ», мог бы возразить: *«Ах, Александр Николаевич! Разве ж это выезд?»*

Представьте на миг московский Кремль в пятницу, к трем часам пополудни. Огромные, высоченные стены с характерными зубцами и башнями, одна из которых – с курантами; внутри Кремля – исторические здания и памятники старины, Царь-пушка, Царь-колокол, белокаменные соборы, а еще: особо охраняемые госучреждения, в главном из которых, на самом охраняемом этаже, в самом охраняемом кабинете, от самого главного и ответственного кресла во всей нашей Державе – отрывается самый важный зад. А надо добавить, что для очень многих служащих на той же исторической территории этот зад еще и самый дорогой и наиболее любимый. Так вот, он еще только-только оторвался, только вознамерился двинуться к услужливо открытой особо важной двери, а Тверская улица уже перекрыта и в районе Пушкинской площади автомашины простых и не совсем простых смертных стоят и безропотно ждут... Из уже упомянутого нами главного кабинета путь к самому главному автомобилю лежит через кабинет меньший, но оттого не менее важный. Мы смеем предположить, что он даже поважнее кабинета большого, из которого только что вышел обладатель счастливого зада, потому что в этом меньшем кабинете могут совершаться (и совершаются!) дела тайные и доверительные, а значит, более важные и существенные. И пока проходит по этому небольшому кабинету обладатель могущественного

зада, пока помощники и телохранители надевают на него плащ, шляпу или что-нибудь еще, улица перекрывается уже до Белорусского вокзала, до того места, где когда-то находилась Тверская застава, и даже чуть дальше... Все тише становятся улицы столицы, все напряженнее и величавее вид постовых. Он же, самый высокий начальник, в это время идет дальше, проходит по специальному, самому охраняемому коридору, входит в самый надежный лифт и, как можно предположить, опускается вниз, к машине. Но назвать это «опусканием» могут лишь люди непросвещенные, недостаточно знающие и не понимающие действительного положения вещей. Дело в том, что персоны упомянутого масштаба и величия не могут опускаться в принципе. Они всегда только поднимаются и лишь в худшем для себя случае могут очень непродолжительное время находиться в состоянии покоя. Спецлифт – как раз такой редкий случай. Правильнее предположить, что, войдя в этот лифт, они как бы на некоторое время замирают, позволяя всему остальному слегка приподняться и таким образом дотянуться до себя. Ощущение такое, что весь мир, включая Кремль с его историческими постройками, Царь-пушкой и Царь-колоколом, поднимается на соответствующий уровень. Вместе с этим миром поднимается и спецавтомобиль. Далее идет погрузка спецобъекта в спецавтомобиль, после чего к нему с разных сторон пристраиваются еще несколько автомашин с мигалками. И вот, сформированная кавалькада отправляется прямо в Завидово, на активный отдых. Впереди кортежа, километра на два, на огромной скорости едет автомобиль помельче. Он тоже снабжен спецсигналами и мигалками – это предтеча главного... С таким вот предтечей – «воином в гранодерской шапке» – столкнулся Радищев в Завидово...

Вот строчка из дневника одного выдающегося государственного деятеля: *«Завидово 4 утки – 33-я кабан – 21 таскали»*. (Орфография соблюдена). Генерал-историософ Д.Волкогонов, впервые опубликовавший сей дневник, сокрушался после этой бесхитростной записи, как теолог над кумранскими свитками: *«Что сие значит? Спросить теперь уже не у кого»* (см. Совершенно Секретно. № 5, 1994).

Да как не у кого? У жителей Завидово спросите. Ведь из начальства нашего, кто только чего здесь не «таскал»? Вот,

пожалуйста! Справа от дороги выкрашенное в белый цвет небольшое кирпичное одноэтажное здание – бывший музей В.И.Ленина. Теперь здесь библиотека, которая почему-то почти всегда закрыта. Рядом несколько посаженных елок и небольшая стела, на которой начертано:

15 - 16 мая 1920 года
в окрестностях села Завидово
находился на отдыхе и охотился
Владимир Ильич Ленин.

Спрашиваю у прохожего старика, где тут охотятся наши начальники?

– А это у нас есть такой район, специальный, в Козлово. Там они и отдыхают, – ответил старик и предупредил: – Только туда вас никто не пустит. Ленин-то здесь в Завидове уток стрелял, а эти, нынешние, подальше... Брежнев ездил на машине, а Ельцин – на вертолете летает...

– А как вы думаете, почему они так любят охотиться?

– Они не охотиться любят, а убивать. Настоящая охота – это когда ты сам выслеживаешь, подстерегаешь, стреляешь, и то если это по нужде, на пропитание, или бывает, что волков разведется много... А эти убивают для удовольствия, с жиру бесятся. Им егеря подводят зверя под самый ствол, а они только на курок нажимают. Вот и вся «охота». Я думаю, – продолжал старик, – что если у человека очень много власти и денег, то его уже никакое другое удовольствие не интересует, кроме как кого-то убивать. Людей вроде нельзя – так они животных...

Активный отдых кремлевского начальства, видимо сам того не подозревая, выразил сельский поэт. Во всяком случае, когда я увидел в местной школе его стихи, передо мной возник тучный образ высоких кремлевских охотников, а не завидовцев, стоящих на дороге в надежде продать свой урожай. Я даже склонен предположить, что это не стихи, а песня, и даже больше – это настоящий гимн, который не без удовольствия могут напевать наши начальники, выходя утром на крыльцо своей завидовской резиденции:

*Завидово. Завидово.
Завидуют ли мне?
Что я живу не в городе,
А в сельской стороне.*

*Там в городе сумятица,
Сплошная толчея...
Здесь – время будто пятится,
И молодею я.*

*Здесь и прогулки лыжные,
И летний моцион,
И нервы укрепляются,
И без кошмаров сон...*

*Завидово. Завидово.
Завидуйте же мне,
Что я не в шумном городе,
А в сельской тишине.*

Закончим главу о Завидово радищевской горькой иронией:
**«Блаженны в единовластных правлениях вельможи.
Блаженны украшенные чинами и лентами. Вся природа им
повинуется».**
Добавить к этим словам нечего.

Городня

После Завидово природа преображается. Появляются озера, реки, леса, а главное – открываются бесконечные волжские просторы. Во всякую погоду здесь красиво, в любое время года. Волга в этом месте разливается, образуя Иваньковское водохранилище. Сюда впадают множество рек, речек и речушек. А какие названия! Вот у города Конаково течёт какой-то Сучёк, чуть выше, на север, – речка Бабенка, а повыше Бабенки протекает еще одна речушка – Чернавка, она впадает в речку Сосца; эта Сосца впадает в реку Созь, и уже та, собрав всех, – в Волгу. А с другой, западной, стороны водохранилища речка Литожица впадает в Шошу, а Шоша, объединившись с Ламой, уже вдвоем впадают в Волгу.

Вдоль дороги стоят многочисленные торговцы. Они развешивают рыбу на специальных подставках, чтобы проезжающим было лучше видно. Какая рыба? Судак, щука, лещ, плотва, окунь. Свежий осетр, который тоже висит рядом, здесь не водится, но его, видимо, кто-то поставляет. Рыба обычно трех видов: свежая, копченая и вяленая. Особенно много её у поселка Радченко. Холодно, моросит дождь, и, чтобы согреться, торговцы жгут костры. Товара гораздо больше, чем покупателей, поэтому стоять приходится с утра до позднего вечера. Удовольствия в этом мало.

Современная трасса обходит Городню немного стороной. Когда-то, давным-давно, на месте этого села стоял город Вертязин. Но в XV веке, когда Тверь была покорена Москвою, город этот стал селом Городней. «Отметился» здесь и Иван Грозный. В 1569 году он учинил кровавую расправу: село разорил, а многих жителей перебил...

Из всех построек, которые видели Радищев и Пушкин в Городне, сохранились лишь старинная церковь Рождества Богородицы да бывший постоялый двор, в котором некогда останавливалась Екатерина Вторая. На этом же дворе меняли лошадей наши путешественники. Сейчас здесь размещается местная участковая больница.

Церковь в Городне небольшая, но ухоженная, опрятная. Кресты и купол покрыты золотом. Колокольня высокая с открытой папертью под ней, завершенная шатром со слухами, наподобие колоколен московских церквей XVII века. Небольшой купол на колокольне тоже золоченый. Ограда вокруг церкви солидная, с узорчатыми решетками, все свежевывкрашено, ворота блестят, и на них имеется свой маленький золоченый куполок. Всё в одном стиле, в одних тонах, словом, очень красиво. И внутри тоже все подстать. Стоит церковь на высоком берегу Волги, поэтому видна издалека. А уж история у неё такая, что и специальной книги будет мало, чтобы всю изложить. Считается, что это единственная уцелевшая постройка некогда могущественного Тверского княжества. Известно также, что храм Рождества Богородицы получил молитвенное благословение от преподобного Сергия Радонежского, который искал спасения здесь после нашествия Тохтамыша на Москву. И еще много имен связано с этой церковью.

Когда я в неё вошел, там были только старушки. Тихо стояли и молились. Рядом с церковью – небольшое кладбище, где на самом почетном месте похоронены солдаты, погибшие во время Великой Отечественной войны. Им поставлен небольшой памятник – склонивший голову и опустивший знамя воин. За могилой и памятником селяне с любовью ухаживают.

Где-то здесь, в самом центре села, Радищев мог быть свидетелем описанной им картины:

**«Въезжая в сию деревню,
не стихотворческим пением слух
мой был ударяем, но
пронзающим сердца воплем**

жен, детей и старцев. Встав из моей кибитки, отпустил я ее к почтовому двору, любопытствуя узнать причину приметного на улице смятения.

Подошед к одной куче, узнал я, что рекрутский набор был причиною рыдания и слез многих толпящихся. Из многих селений казенных и помещичьих сошлись отправляемые на отдачу рекруты. В одной толпе старуха лет пятидесяти, держа за голову двадцатилетнего парня, вопила:

“Любезное мое дитятко, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь дом родительский? Поля наши порастут травой, мхом наша хижина. Я, бедная престарелая мать твоя, скитаться должна по миру. Кто согреет мою дряхлость от холода, кто укроет ее от зноя? Кто напоит меня и накормит? Да все то не столь сердцу тягостно; кто закроет мои очи при издыхании? Кто примет мое родительское благословение? Кто тело предаст общей нашей матери - сырой земле? Кто придет вспомнать меня над могилою? Не канет на нее твоя горячая слеза; не будет мне отрады той...”»

Напротив церкви расположен сельский магазин с единственным продавцом – Ириной. Она же здесь и заведующая, и уборщица. В руках у Ирины книга о Пречистой Деве Марии. Покупателей мало. В Городне если что-то и покупают, то только самое необходимое. В основном хлеб, которого берут помногу. Спрашиваю о Радищеве и Пушкине. Ирина сразу же советует идти в больницу и разыскать там детского врача Галину Степановну. Направляюсь туда.

Бывший екатерининский путевой двор представляет собой небольшую замкнутую территорию с двухэтажным обветшалым зданием, в котором и расположена больница; слева от него, в бывшей столовой двора, находится котельная; справа, в бывших конюшнях, – детское отделение. Весь этот комплекс, с входящим в него двором, огражден сохранившимся в некоторых местах кирпичным забором – свидетельством былой роскоши. На стене у входа в здание висит мемориальная табличка:

Выдающийся революционер,
писатель и философ
Александр Николаевич Радищев
в январе 1775 года посетил село Городню.
Впечатления об этом отражены в книге
"Путешествие из Петербурга в Москву".

Девушки-медсестры на мой вопрос о Пушкине и Радищеве, также как и продавец Ирина, порекомендовали встретиться с Галиной Степановной, заместителем главного врача, педиатром, которая, как мне сказали, «все у нас знает». Через несколько минут я уже разговаривал с худощавой светловолосой женщиной лет пятидесяти на вид, очень подвижной и энергичной.

Кабинет Галины
Степановны

находится там, где некогда была конюшня. Светлая просторная комната с печкой. В комнате два стола, стулья, больничная кушетка, весы для новорожденных, на стенах развешаны детские рисунки – все как в обычной сельской клинике, как десять, двадцать, тридцать лет назад... Вдоль окон кабинета проходит «*пушкинская тропинка*», по которой Александр Сергеевич выходил на берег Волги, а прямо перед окном – колодец, из которого он пил воду. Жители окрестных домов благополучно пользуются им до сих пор.

Галина Степановна приехала в Городню пять лет назад с одной лишь сумкой. До этого жила где-то в Якутии. Из рассказанного я понял, что для Галины Степановны «другая жизнь» началась со смерти мужа. В той, прежней, жизни, по ее словам, она имела все: семью, детей, квартиру, хорошую работу, высокую зарплату, почет и уважение. Была

перспектива, строились планы, вынашивались мечты, словом, как у всех благополучных людей. Но внезапно случилась беда, и, скорее всего, не одна. Благополучие в одночасье лопнуло, перспективы исчезли, мечты растворились, а сама Галина Степановна очутилась здесь, в Городне. Одна. Надо было все начинать с начала.

– Я теперь готова ко всему, – очень быстро, как бы защищаясь, говорит Галина Степановна, – и считаю, что ту жизнь, в которой живем, мы сами заслужили. Теперь нужно и самой выживать, и помогать выживать другим. Это, я считаю, и есть христианство. Раз у нас есть земля, есть руки, голова – значит, мы с голоду не умрем... Тут нам однажды привезли гуманитарную помощь: какие-то консервы, печенье, кофе... Я все время удивлялась: почему? Что, у нас нет земли, нет рук, чтобы держать скот, пахать, выращивать урожай, строить дома?.. Почему это Россия опустилась до гуманитарной помощи? Почему такое с нами случилось? Как это произошло?..

Вопросы эти Галина Степановна задает, скорее всего, не себе. Очутившись в неведомом месте, за тысячи километров от привычной и родной среды, без близких, без друзей, да еще в такое время, когда ломаются все привычные представления и убеждения, а жестокие колеса повседневности перемалывают даже самых крепких, она главные вопросы для себя решила. При этом не сломалась. Предвидя трудности «переходного периода», Галина Степановна не сидела сложа руки, а поступала в соответствии с совестью и законами рыночной экономики: вкладывала каждый накопленный рубль в себя, в свое образование. Будучи врачом, она знала, что для уверенности в будущем необходимы дополнительные знания, и потому сумела закончить специальные курсы в Твери, которые помогли ей существенно повысить квалификацию.

– Я теперь знаю, что при любых условиях смогу прожить сама. Разве можно позволить себе надеяться на наше государство? Я – человек! И, имея разум, должна думать о своем будущем. Кроме основной работы, я обрабатываю еще кусок земли. Здесь у меня есть огород, небольшой садик, и я с него кормлюсь. Вот сейчас немного чеснока продала, двадцать луковиц...

Главная забота Галины Степановны – беспризорные дети. Впрочем, не совсем они беспризорные. Здесь нечто другое. В селе есть дети алкоголиков, которые попросту заброшены, и никому до них нет дела. Галина Степановна говорит, что они с такими дикими глазами ходят, как дебилы, и их за людей, в общем-то, не считали.

– Мне было непонятно, – продолжала Галина Степановна, – как это так? Ведь на самом деле эти дети очень хорошие. И подготовлены к жизни гораздо лучше, чем дети из благополучных семей, потому что видели нищету и голод. Они работают и, чтобы заработать на кусок хлеба, ходят к соседям, пропалывают огороды, еще что-то делают. Они не надеются на папу с мамой.

Один пятилетний мальчик пожаловался однажды Галине Степановне, что те деньги, которые государство выделяет родителям в качестве компенсации – их здесь называют «детскими», – они тут же пропивают, а ему не дают даже хлеба. И таких детей оказалось немало. И не только в Городне. Сумма такой компенсации на то время, когда мы пишем эти строки, составляет 52-54 тыс. рублей в месяц за одного ребенка. Это чуть меньше десяти долларов. Кажется, совсем немного, но ведь чем больше детей – тем больше и сумма. Эта простая арифметика приводит к тому, что все большее число родителей заводят детей с единственной целью – получать за них пособия. Так, едва родившись, младенцы становятся кормильцами у взрослых. Это еще один наш парадокс! Что же делать с этим?!

Галина Степановна обращалась в сельсовет, в другие официальные госучреждения. За несколько лет государство в лице сельсовета выделило ей аж десять тысяч рублей: *«на помощь одиноким детям»*. Тогда она пошла в церковь. А куда еще идти?

– Я подошла сначала к матушке и рассказала ей о том, что у нас есть такие хорошие и добрые детки, но ходят раздетые, босиком... Матушка захотела убедиться, правду ли я говорю. И мы с нею зашли в такие вот семьи алкоголиков. Матушка посмотрела детям в глаза, увидела, какие они добрые, хорошие, и поняла, что их надо спасать. И сейчас одиннадцать детишек из этих семей определены в церковно-приходскую школу. Батюшка договорился, чтобы их ежедневно в школу возил автобус. Учительница у них хорошая, молодая. Два раза

мы их кормим. Перед едой они читают *Отче наш*, а после еды благодарят Господа. В перерыве занятий забегают в церковь и смотрят, как служат, как венчаются, как отпевают...

В это время в кабинет заглянул черноглазый мальчуган лет шести. Увидав меня, сразу исчез. Это еще один воспитанник, которого Галина Степановна недавно приютила в больнице.

— ...Вот, пожалуйста. Это Георгий. Отец с матерью сидят в тюрьме за воровство, а он попал ко мне с абсцессом бедра и температурой сорок градусов. Позвонила в Конаково, в районную больницу, дескать, ребенок серьезно болен, температура сорок... А они отвечают, что лечить нечем. Нет лекарств. Куда идти за помощью? Опять в церковь, к батюшке. Батюшка дал двадцать тысяч рублей, я купила новокаин и пенициллин, положила мальчика сюда в больницу и вылечила. А батюшка говорит: «*Веди его в нашу школу*». Так что сейчас он у нас ученик. Купили ему портфель, учебники, школьные принадлежности. Вожу его третий месяц в нашу школу, а вечерами занимаемся с ним. Он ожил, стал нормально разговаривать. Хороший, добрый мальчик...

Георгий, постояв какое-то время за дверью, решился войти в кабинет. Он подошел и встал рядом с Галиной Степановной. Ему оказалось восемь лет. Он был одет в старенькую выцветшую фланелевую рубашку и в столь же выцветшие голубые штаны. На ногах его были белые девичьи сандалии, а в руках он держал две сушки, которыми его угостил кто-то из взрослых. Говорил мальчик очень плохо, и трудно было понять, что именно он произнес. Галина Степановна объяснила, что еще пару месяцев назад было много хуже.

– Я даже не стану говорить о том, что пережил этот мальчик, – говорит Галина Степановна. – И он ведь не один такой у нас.

Отправив Георгия погулять, она рассказала о том, как в больницу пришел мужчина, лет семидесяти на вид, весь грязный, оборванный, пропитый, и стал грозить, что сейчас же покончит с собой. А дело в том, что у него только что дома родила жена, и в доме нет даже куска хлеба, изба не топлена, а кроме новорожденного есть, оказывается, еще двое маленьких детей.

– Я пошла к ним и увидела такой кошмар! Немедленно увезла эту несчастную мать в роддом. Стала следить за этой семьей, пыталась отучить от пьянки, молилась за них. И вот, с Божьей помощью, нашлась одна женщина... Однажды пришел ко мне корреспондент писать какой-то очерк. Я им рассказала о беде, и в «Тверских вестях» появилась заметка об этой несчастной семье. Вскоре откликнулась пожилая женщина, пенсионерка. И вот уже три года она им безвозмездно помогает. Семья эта постепенно встала на ноги, мать устроилась куда-то на работу, не пьют, а тому младенцу уже три с половиной года. Старшенькие же двое – ходят в нашу церковно-приходскую школу.

Когда проходишь по коридорам и лестницам бывшего екатерининского постоялого двора, невольно возникает вопрос: как в таких условиях удастся лечить людей?

Галина Степановна отвечает, не задумываясь:

– С Божьей помощью. Я на себя ничего не беру. Можете считать меня сумасшедшей, но, если надо решить проблему, я говорю: *«Господи! Помоги мне, Ты же все можешь!»* И Господь помогает. Вот я вчера слегла, а у меня нет ни одного кочегара. Один запил, другой куда-то пропал, третий просто залег тут в больницу и говорит, что работать не будет. Я говорю: *«Господи, помоги мне!»* – и вот сегодня пришли устраиваться кочегарами сразу двое мужиков, хотя я и не приглашала никого. Господь всё посылает. Надо только верить...

Один из этих кочегаров – Владимир Валерьевич из соседнего Радченко, научного городка, где находится институт, создающий машины по переработке торфа. Он закончил в свое время Калининский политехнический институт, имеет высшее образование и тридцатилетний стаж работы в этом радченковском научном институте.

Сейчас, по его словам, институт «почти закрыли», всех сотрудников разогнали, и он случайно оказался в Городне.

— А чего вы удивляетесь? — сказал он. — Когда сюда ехали, рыбаков видели? Так это все наши бывшие работники. Там не то что я — кандидаты наук рыбу ловят! А потом на дороге продают. У меня и сестра закончила институт, а сейчас вот продавцом в киоске работает, и то лишь в ночную смену. На большее не тянет.

В больнице есть еще несколько одиноких престарелых жителей Городни. Персонал больницы ухаживает и за ними, делают что могут, стараются облегчить последние дни старикам.

— Я сейчас живу как бы на стыке, — продолжает рассказывать Галина Степановна. — Вижу, как человек рождается и как уходит из жизни. И всякий раз наблюдаю одно и то же. Когда человек находится на смертном одре, он начинает думать и говорить о Боге: *«Почему же раньше я об Этом не знал? Так хочется побольше узнать о Христе, читать книги о Нем, но уже не осталось ни сил, ни времени»*. Почему же у нас, чтобы открылись глаза и душа, обязательно нужна какая-то личная трагедия или приближение смерти?..

Галина Степановна очень благодарна тем жителям Городни, которые, зная, что есть нуждающиеся дети и старики, приносят свои старые вещи. Но и эту помощь она относит на счет Бога.

Спрашиваю у нее:

— Ну, хорошо, Бог вам помогает. Но есть ли то, что мешает?

Отвечает опять с ходу:

— Мне никто не мешает. Я благодарна каждому, кто хочет мешать, потому что он меня этим толкает еще выше. Я всегда отвечаю только добром, как и положено в православии... Однажды приехала по вызову — у нас тут одна молоденькая женщина родила. Лежит в доме одна, без мужа. Ничего нет. Ни во что ☐ запеленать этого ребенка, ни чем его умыть, ни чем накормить... Сама она ни к чему не приучена. Мы её, конечно, отправили в роддом, привели в порядок, — и что вы думаете? Я еще никому ничего не говорила, а смотрю — приезжает бабушка с большой коробкой и говорит: *«Вот вам вещи для новорожденного, может, найдется для кого»*! А через день, вдруг, соседи принесли детскую кроватку: *«Может, найдется для кого»*. А

ведь я никому не говорила, что у меня есть мать с новорожденным. Я просто просила у Бога: *«Господи! Помоги этой женщине. Ей еще только восемнадцать лет, она нигде не работает, нет мужа, совсем разута, раздета...»* Я просто верю, и вера меня спасает.

Галина Степановна куда-то уходит и через несколько минут возвращается, чтобы показать мне самые дорогие свои реликвии – большую цветную фотографию Иерусалима (вид с Елеонской горы) и карту с обозначением мест, где проходила земная жизнь Христа. Этот дорогой подарок привезла ей матушка из Святой Земли.

– Вот видите, крестиком отмечено? – осторожно показывает мне Галина Степановна. – Здесь находится Храм Гроба Господня. На том самом месте, где Он был распят, на Голгофе.

Я благодарю Галину Степановну за рассказ, но она не спешит прощаться, а зовет меня за собой, ведет «пушкинской тропинкой» мимо

знаменитого колодца и выводит прямо на крутой берег, с которого открывается удивительный вид на уходящую в бесконечность Волгу и на такие же бесконечные леса вдоль её берегов. Слева, как на ладони, видна церковь

Рождества Богородицы. Все это сливается с синим небом и с вышедшим после дождя осенним солнцем.

Село, больница, брошенные дети, несчастные старики – все вмиг куда-то делось. Так прячет наша бескрайняя природа наши бессчетные напасти...

Что же здесь изменилось за последние два века? Вот так же на этот (именно на этот!) волжский утес выходила и о чем-то думала матушка-императрица, здесь размышлял о жизни Радищев, стоял и грустил Александр Сергеевич...

За нами увязался маленький Георгий. Слыша, как я то и дело задаю вопросы про «пушкинскую тропинку», про колодец, про Екатерину, мальчик спрашивает у Галины Степановны: *«А почему дядя такой большой, а совсем ничего не знает?»*

— Я так благодарна Богу, что под старость Он мне послал эту землю, — говорит, прощаясь, Галина Степановна. — Я обрела здесь новых людей, занялась добрым делом. Ведь если мы с батюшкой доведем до ума эти семьи, этих детей — я буду считать, что не зря прожила на свете. Ведь я живу в самом центре России. Городня — это очень древняя земля, она появилась даже раньше княжества московского. Здесь зародыш всей Русской земли. Где же еще жить, как не здесь?

Дорогой читатель, посмотрите, кто у нас в героях дня? Кто мелькает на телеэкранах? О ком пишут газеты и журналы? Кто в первых рядах столичного партера? Видели ли вы там врачей из таких вот сельских больниц? Впрочем, в героини-однодневки они, пожалуй, и не подойдут. Они работают для людей не день, не два, а всю жизнь: детский врач Галина Степановна Гребнева, главный врач Валерий Павлович Зенин, фельдшер Галина Александровна Немчурина, старшая медсестра Галина Александровна Варфоломеева, младшая сестра Нина Ивановна Медведева, зубной врач Вера Сергеевна Тимофеева, акушерка Любовь Яковлевна Грибкова, лаборант Татьяна Николаевна Салиева, дворник и кочегар Геннадий Михайлович Акимов и многие многие другие...

Галина Степановна постоянно благодарит Бога за то, что Он в такой трудный и жестокий для нее период жизни оказался рядом, не забыл ее и послал ей, одинокой и слабой, Городню. А мы можем сказать, что и саму Галину Степановну Бог тоже послал, и не только этому старинному селу.

Недалеко отсюда по пути в Тверь есть еще одно село, со странным для России названием – Эммаус.

«...В тот же день двое из них шли в селение, отстоящее стадий на шестьдесят от Иерусалима, называемое Эммаус... И когда они разговаривали и рассуждали между собою, и Сам Иисус приблизившись пошел с ними; Но глаза их были удержаны, так что они не узнали Его... ..И приблизились они к тому селению, в которое шли; и Он показывал им вид, что хочет идти далее. Но они удерживали его, говоря: останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру. И Он вошел и остался с ними. И когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им. Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его». (Лк.: 24. 13-35)

Вспомнились строки из «Жизни Иисуса» Франсуа Мориака:

«Кому из нас не знаком путь в Эммаус? Кто не шел по этой дороге однажды вечером с сознанием, что все потеряно? Христос умер в нас. Его отняли у нас мир, философы и ученые, наши страсти. Не стало Иисуса для нас на земле. Мы шли по дороге одни, но Кто-то шел рядом. Мы были одни – и в то же время не одни. Наступает вечер. Вот дверь, открытая в полутемную комнату гостиницы, пламя очага, которое освещает лишь земляной пол и шевелит тенями. О преломленный хлеб! О частица хлеба, вкушаемая вопреки такому горю! “Останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру!”»

Будете проезжать вечером мимо этого села у самой Твери, притормозите и вспомните одинокого путника, Который преломлял хлеб, и оглянитесь вокруг: нет ли Кого?

Тверь

Некоторые исследователи утверждают, что лишь случайно Москва стала центром государства Российского. Мол, Твери в чем-то не повезло, и она как столица не состоялась.

Вообще, Тверь слишком значительный город, чтобы запросто взять и написать о нём. Здесь, кстати, к нам мог бы подключиться еще один путешественник – Афанасий Никитин, который именно из Твери отправился в свое «Хождение за три моря». Но Афанасий Никитин, в отличие от нас, путешествовал по-крупному, к тому же предпочитал не ехать, а плыть.

Недалеко от Твери я притормозил машину и открыл «Путешествие» Радищева, главу «Тверь». В ней речь шла о стихосложении. Александр Николаевич даже поместил сюда сокращенный вариант своей знаменитой оды.

*О! дар небес блаженный,
Источник всех великих дел;
О вольность, вольность, дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел...*

Там же, перед стихами, упоминается какой-то «Наказ о сочинении нового уложения», где сказано, что «Вольностию должно называть то, что все одинаковым повинуются законам». А мне, к этому «повиновению законам», дай возможность вот так путешествовать. Третью часть пути еще не проехал, а, оказывается, вот в чем настоящее ощущение вольности! Даже в том, что можно вот так, на несколько минут, притормозить и раскрыть книжку, полистать и двинуться дальше. На самолете или поезде так не получится. Какое там может быть «путешествие»? Сел, пристегнул ремни, вздремнул... Вот и все. Главное вовремя добраться до самолета, а потом – от самолета куда надо. Все

предельно просто. Хотя, можно и из этого сделать «путешествие», если подробно все описать, разложить по полочкам, изложить детали, нюансы, штрихи.

Человек во время такой поездки занят исключительно собой и решает задачу своевременного перемещения тела в определенное место: надо спешить на регистрацию, потому что зазевавшихся и опоздавших могут сменить на более проворных; затем надо успеть раньше других пройти досмотр багажа и пройти на посадку; затем – первым войти в автобус, доставляющий пассажиров непосредственно к самолету; потом надо раньше других сесть в самолет, на свое место (были случаи, что и с самолета людей высаживали). В самолете тоже надо быть предельно внимательным и сверх меры не облакачиваться, не вытягивать ноги, не упираться коленями, чтобы никому не мешать. А после приземления, или еще до того, мысли и действия заняты тем, как первым выйти из самолета, получить багаж. Далее тревога за то, как от аэропорта добраться до места назначения...

А добавьте к этому проблемы физиологического свойства, например, когда пассажиры, прошедшие регистрацию и собранные в специальные предполетные аэроемкости – накопители, – хотят в туалет, особенно когда немного морозит (а когда у нас не морозит?). А туалета нет, он остался вместе с провожающими и будет теперь только в самолете, и не сразу, а после взлета, и опять не сразу, а после набора высоты, и только один на сто человек. Что же, описывать все это? Можно, конечно, и даже получить забавную картину: кто как себя ведет, как пробирается к месту, как садится, как сидит, какие лица вокруг, словечки, поведение...

Помню, я летел в Екатеринбург, а рядом сидел приличный и спокойный с виду человек. Вел себя тихо, не толкался локтями, не сопел, не храпел, но только каждые тридцать секунд указательным пальцем аккуратно нажимал на один из шурупов у сидения спереди. Через полчаса полета мне уже стало дурно, и я осторожно спросил, в чем дело? Оказалось – он вызывал бортпроводницу... Потом и стюардессы подходили, и даже кто-то из летчиков, и уже спрашивали в салоне врача, а он все нажимал и нажимал. И так до самого

Екатеринбурга... Было очень весело лететь. Никаких террористов не надо.

А если описать истории про багаж, разного рода досмотры и проверки, вспомнить про те же «накопители», то как раз путешествие и получится. Кстати, накопители и прочие наши дорожные «отстойники»

не просто так придуманы. Они выполняют важную социальную функцию: служат совсем не лишним психотерапевтическим элементом. Здесь сгрудившимся людям, представляющим самые разные

национальности, вероисповедания и политические пристрастия, после предполетной суеты дается столь редкая возможность остановиться, утихомириться и подумать: а нужны ли они здесь, в данном городе, в этой стране, вообще на этом свете? Нужно ли им вот так запросто перемещаться с места на место, загружая и без того занятых авиаработников, диспетчеров, летчиков, стюардесс? Кроме того, люди в накопителе получают шанс вспомнить и о своем социальном статусе, и о том, сколь неисчерпаемы могут быть резервы для их административного и прочего роста. Для этого мимо отягощенных подобными мыслями людей по специальному коридору часто проводят депутатов, ответственных работников и прочих уважаемых персон, которые, как правило, улыбаются и о чем-то оживленно беседуют. Их проводят особенно красивые стюардессы и сажают прямо в самолет.

На все эти «накопительные» процедуры отводится времени не так уж много – где минут сорок, где час, где полтора, – но и за этот срок, вместе с «человеческим материалом», успевает накопиться и какая-то

энергия, вырабатываются особые отношения и иногда кое-какие мысли. Некоторые психоаналитики советуют повсеместно открывать публичные дома с тем, чтобы снимать напряжение в перевозбужденном обществе, чтобы люди, как они выражаются, «открывали клапана и выпускали пар». А мы думаем, что у наших людей и без того клапана так пооткрывались, что никто уже не знает, как их закрыть. Может, «накопители» эти клапана и прикрывают на какое-то время...

Вот какой насыщенной может быть жизнь человека в обыкновенном часовом полете, и, видимо, поэтому самолет не лучшее место для глубоких рассуждений или отвлечений. И вспомните, много ли чего особенного написано про самолеты? Какие такие «самолетные» откровения вошли в мировую культуру? Ничего запоминающегося. Разве что какие-то патологические сюжеты с террористами, катастрофами и инопланетянами. Без этого и писать не о чем.

Иное дело – поезд. Здесь человек не в такой зависимости, как в самолете. В поезде и попросторнее, и почва все-таки под колесами присутствует. Можно ходить по вагонам, стоять в коридоре, курить в тамбуре, и еще много чего можно. Если же вы едете в поезде несколько дней, то с вами могут произойти самые неожиданные истории. Поэтому поезд встречается в литературных и особенно в кино-сюжетах довольно часто. Но это если только поезд следует на дальние расстояния. В нашем случае так дело не обстоит.

Поезда в Санкт-Петербург из Москвы ходят в основном по ночам. Все придумано так, чтобы человек отдохнул и утром был готов к новому рабочему дню. И из Петербурга в Москву – то же самое. Жители двух столиц это хорошо знают. Поезд отходит в полночь, и где-то за час до отправления пассажир, выдвигаясь на вокзал, уже начинает зевать; за полчаса до отправления он уже практически ничего не соображает и, добравшись до купе, к отходу поезда крепко спит. Шторы при этом наглухо задернуты, а утром часто их даже и не раздвигают, потому что уже, оказывается, приехали и надо скорее выходить на перрон. И пока человек спал, пронесли мимо него деревни и города с жителями, с их проблемами, судьбами и прочим, что представляло бы в случае знакомства с ними несомненный интерес и переживания и, быть может, породило бы массу правдоискателей, борцов за права и

достоинство граждан. Но может, напротив, смиряло бы многих страждущих социальных или иных революций, останавливало бы от опрометчивых шагов. А так – всё мимо. Точнее – ты сам проносишься мимо. Какой там человек, какие проблемы? Нет их! Не видно! Может ли в подобной ситуации родиться в голове: *«Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала»*? Ведь если посмотришь «окрест себя» в каком-нибудь накопителе – так ничего иного и не увидишь, кроме как таких же, как сам, уязвленных и страдающих. А в тёмном ночном купе и смотреть некуда. Сплошной храп да чьи-то ноги.

Правда, бывает так, что люди в поезде Москва – Санкт-Петербург не спят вовсе. Особенно если это деловая компания или важные столичные визитеры. Тогда в купе всю ночь пьют и разговаривают. Темы в этом случае на обсуждение выносятся самые насущные, в основном политические, и их обсуждение может простых путников вознести до высот страдальческих, когда охмелевшая душа особенно восприимчива к судьбам человечества вообще и товарищей по купе в частности. К утру эти невыносимые душевные страдания исчезают, словно их и не было, но на смену приходят столь же невыносимые страдания физические. Тогда поутру на перронах каждой из столиц можно увидеть неспешно выгружающихся из вагонов особей с одутловатыми и перекошенными лицами. Помню, в Санкт-Петербурге я заметил, что лица эти испытывают некоторое смущение оттого, что из репродукторов звучит величавый гимн города...

Здесь я должен с ужасом признаться, что проехал мимо Твери. Оказывается, основная трасса проходит слева от города и, чтобы проехать через Тверь, надо было ехать прямо. Что же делать? За пустыми размышлениями о самолетах и поездах я не заметил указателей и, сбившись с маршрута, нарушил правила нашего «путешествия». А возвращаться уже не хочется. Остается следовать дальше. Теперь у нас впереди – Медное, которое мы уже ни за что не пропустим.

Что же так Твери не везет?

Медное

«*“Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, ой, люли, люли, люли, люли...”* Хоровод молодых баб и девок – пляшут – подойдем поближе, говорил я сам себе, развертывая найденные бумаги моего приятеля. – Но я читал следующее. Не мог дойти до хоровода. Уши мои задержались печалию, и радостный глас нехитростного веселия до сердца моего не проник. О, мой друг! где бы ты ни был, внемли и суди. Каждую неделю два раза вся Российская империя извещается, что Н.Н. или Б.Б. в несостоянии или не хочет платить того, что занял, или взял, или чего от него требуют. Занятое либо проиграно, проезжено, прожито, проедено, пропито, про... или раздарено, потеряно в огне или воде, или Н.Н. или Б.Б. другими какими-либо случаями вошел в долг или под взыскание. То и другое наравне в ведомостях приемлется.

– Публикуется:

“Сего... дня пополудни в 10 часов, по определению уездного суда или городского магистрата, продаваться будет с публичного торга отставного капитана Г... недвижимое имение, дом, состоящий в ... части под N... и при нем шесть душ мужского и женского полу; продажа будет при оном доме. Желющие могут осмотреть заблаговременно”».

А.С.Пушкин прочел главу «Медное», в которой рассказано о продаже семьи вместе с недвижимым имуществом, ужаснулся, и на этот раз согласился с Радищевым «поневоле».

Действительно, в этой главе Радищев писал о фактическом рабстве, в котором находились крепостные, приводил наглядный пример их бесправия и безысходности.

«*“Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, ой, люли, люли, люли, люли...”* Хоровод молодых баб и девок...» – примерно такую картину я ожидал увидеть в Медном: какие-то зримые сюжеты из прошлого или хотя бы то место, где некогда кружил девичий

хоровод. Вместо этого в центре деревни я увидел огромный типовой двухэтажный магазин. Напротив этого магазина – памятник Ленину. Здесь он не «зовущий», не «призывающий», а спокойно шагающий, вроде как революцию уже совершил и надо бы заняться делом социалистического строительства. Далее расположены местная «Комната милиции», пожарная часть, швейное ателье «Радуга» и медновская библиотека. Между милицией и пожарной частью находятся обгоревшие развалины старинного кирпичного двухэтажного здания. В нем некогда располагалась почтовая станция, где останавливались в свое время Радищев и Пушкин. Здание сгорело год назад, но его, видимо, уже никогда не восстановят.

На этой же центральной медновской улице находится и Дом культуры, разместившийся в бывшей церкви. В нем не раз выступал перед солдатами знаменитый тенор Сергей Лемешев, родом из этих

мест. В 1941 году Медное было четыре дня в оккупации, и мне рассказывали, что многих жителей согнали в этот самый Дом культуры, заперли, и если бы не подоспевшее контрнаступление, то наверняка всех бы сожгли. В Медном есть памятник воинам, погибшим в Великую Отечественную войну.

Вернемся, однако, к нашим путешественникам и теме рабства, которую столь серьезно затронул в этой главе А.Н.Радищев.

Классического рабства, такого как в Древнем Риме или Древней Греции, на Руси не существовало. Рабство наше, как и все остальное, было специфическим. Был царь, а у него уже все были холопами, рабами и чем угодно. Да и сами цари, помимо рабов божьих, считали

себя еще и рабами обстоятельств, предрассудков, традиций и всеобщей безысходности. Народ же всегда хотел на волю, не задумываясь особенно, что это такое. Поэтому, едва на эту волю выбравшись, люди наши не знали, что им делать дальше, и пускались во все тяжкие. Сама история «освобождения» нашего народа весьма занимательна.

Сначала покончили с позорящим страну крепостным правом. Покончили «сверху» и не спеша – последний крепостной освобожден был в 1909 году, – под нажимом передовой общественности. Не успели освобожденные ощутить достоинства своей свободы, как народ наш «освободили» еще раз. Теперь от векового рабства и деспотии, но уже не под нажимом передовой общественности, а сама передовая общественность и освободила. С тех пор человечество раскололось. Одна его часть так и осталась «человечеством», а другая, к которой посчастливилось принадлежать нам, стала именоваться человечеством «прогрессивным», и мы на протяжении десятилетий могли время от времени слышать: *«Вчера, всё прогрессивное человечество проводило в последний путь такого-то...»* Но внутри нашего человечества, пусть и считавшегося прогрессивным, все же возникали классовые противоречия и своя внутривидовая объективная борьба. В результате этих противоречий весь рабочий люд, иначе пролетариат, стал именоваться «передовой частью всего прогрессивного человечества». А поскольку руководила пролетариатом коммунистическая партия, то партия эта справедливо была собою же названа «авангардом передовой части всего прогрессивного человечества»... Шли годы. Десятилетия... Могилы презренных врагов народа зарастали чертополохом и бурьяном, и уже казалось, что вот-вот будет достигнуто заветное... Как вдруг выяснилось, что и внутри авангарда не все в порядке, оказалось, что и здесь есть отстающие, тянущие назад или, того хуже, увлекающие вроде бы вперед, но не туда... Так из «авангарда передовой части всего прогрессивного человечества» выпестовалось и выкристаллизировалось известное «марксистско-ленинское ядро», между тем как народ зажил, как ему казалось, еще вольнее, еще свободнее... Трудно было представить нечто более сплоченное, монолитное и единомышленное, чем упомянутое «марксистско-ленинское ядро». Однако эта всепобеждающая и жизнеутверждающая идиллия нуждалась в

корректировке. Опять-таки под напором передовой общественности, мирового сообщества и объективных обстоятельств. Да, искренне думали и считали, что все идет как надо, как предписано классиками. Ну и что? Физики тоже долгое время считали, что ядро атома единое и неделимое, а пригляделись – увидели там и протоны, и нейтроны, и еще бог знает что. И всё бы ничего, смирились бы, но... одни частицы оказались «положительными», а вот другие... То же самое и с «ядром марксистско-ленинским» – живем ведь с физиками в одном пространстве, по одним законам... Выяснилось, что отрицательных частиц в «ленинском ядре» намного больше, да что там – оказалось, что они там чуть ли не все отрицательные. И потому уже внутри ядра нашлись силы, провозгласившие новый курс и выдвинувшие лозунг: «Надо перестраиваться!» Эти силы были скромно аттестованы собою как «здоровые»... Сомневающийся может посмотреть прессу тех дней и без труда обнаружить эту замечательную дефиницию. Так и писали: *«Нашлись внутри партии здоровые силы, которые...»* Еще свободнее вздохнул народ, еще радостнее и веселее стала его жизнь. Ну, думалось, наконец-то... Как, вдруг, обнаружилось, что силы эти вовсе не «здоровые», а совсем наоборот. Выяснилось, что «авангард» на самом деле не строил, а разваливал страну, держал в страхе и обмане людей, уничтожал их, а настоящую передовую общественность в лучшем случае выгонял из страны. Оказалось, что действительный «авангард» был совсем в другом месте, как, впрочем, и «передовая часть». Да и «прогрессивное человечество», как стало известно, кто угодно, только не мы. Оказывается, когда в 1917-м освобождали народ от векового рабства и деспотии, то на самом деле его как раз в рабство и загоняли. А то, что было тогда названо «вековым рабством», – на самом деле, как выяснилось, было «вольной и сытной мужицкой жизнью». То, что массы выводили рукой: *«Мы не ра-бы, ра-бы не мы!»*, – ни о чем не говорит, потому что их рукой водили большевики. Сам бы кто до такого додумался? Одним словом, выяснилось, что мы не впереди планеты всей, как казалось, а по уши в дерьме, как было на самом деле. И вот теперь, когда жителям Медного и всем прочим в России по телевизору об этом объяснили представители настоящей передовой общественности, – все наконец-то прояснилось, а дышать стало еще

свободнее... И всё бы обошлось, если бы этими объяснениями дело закончилось. Но на этот раз людей действительно освободили. Всех от всего и сразу!

К таким вот «освобождённым» я и направился в Медном. В трикотажное ателье «*Радуга*», имеющее сегодня статус Общества с ограниченной ответственностью. Это ателье находится рядом с обуглившимися историческими развалинами и, значит, к путешественникам нашим имеет прямое отношение.

Заведующая ателье, Татьяна Николаевна, пятидесяти пяти лет, работник опытный и потому, на всякий случай, посоветовала дойти до медновской администрации. Затем всё же стала отвечать на вопросы, видя, что начальство меня интересует мало, а сам я не произвожу впечатления засланного налогового инспектора.

Из ответов стало ясно, что после приватизации некогда мощную тверскую службу быта, к которой принадлежало ателье «*Радуга*», продали с молотка. Кто половчее – успел что-то ухватить и теперь неплохо живет, а они в деревне остались лишь со своим оборудованием, помещением и персоналом в восемнадцать человек. Это, конечно, для начала бизнеса немало, и какой-нибудь молодой начинающий Рокфеллер из этого сколотил бы капитал. Но то Рокфеллер, а здесь...

Продукция ателье – трикотажные жакеты, свитера, юбки, кофты, детские вещи. Раньше, когда предприятие обслуживало целых четыре близлежащих района, сюда поставляли пряжу, фурнитуру, существовал план, были специальные сбытчики продукции. А сейчас у работников ателье вместо этого – та самая свобода, которую желали, о которой мечтали и за которую боролись многие поколения.

– Всё теперь зависит от нас, – говорит Татьяна Николаевна. – Была плановая система, мы с ней жили, как могли – работали, затем её вмиг развалили. Но чтобы перейти к рынку нужен не один десяток лет. Надо научить людей жить самостоятельно, дать нам время на то, чтобы понять, что произошло, как быть дальше. Вот нас отсоединили от Твери. Ни рубля в кармане, ни сырья, ни транспорта, ничего... Свобода! Пряжу сейчас можно купить только в Москве, а машина туда-обратно обойдется в четыреста тысяч. Для нас это слишком большие деньги.

Дешевле уж своим ходом: по две сумки в руки и вперед. Заказы сейчас почти не поступают. У людей в Медном нет денег, а появляются – так им не до трикотажа. У нас все организации сельскохозяйственные встают. Птицефабрика, совхоз – всё на грани банкротства. Сейчас остановился инкубатор – а без него какая птицефабрика? Продают птицу, цеха закрывают. Быть безработице. В совхозе люди работают на голом энтузиазме. Денег совсем не платят. Выдают кое-какие продукты и все. Пенсионеры по три месяца не получают пенсии... Старушки, вон, ходят, плачут. Хорошо, если есть силы чего-то прихватить, в лес сходить, ягод набрать. Вот они яичками на дороге торгуют, яблочками, чтобы было хотя бы на хлеб. Пищу еще как-то люди берут, а одежду нет. Какие у нас могут быть сейчас заказы? Сейчас вот неделю работаем, две – стоим. За сентябрь произвели и продали товара на восемь с половиной миллионов рублей. Из них шесть с половиной заплатили налогов. Вот и все. Осталось немного на зарплату, на сырье и на электроэнергию

– А может, налоги как-то можно обойти? – спросил и вместе с тем посоветовал я заведующей ателье.

– Да вы что! – изумилась Татьяна Николаевна. – Налоги – это самое главное. Их в первую очередь надо сдавать. Это по

телевизору показывают, как крупные предприятия не платят. А мы – платим. И остается у меня меньше двух миллионов. На восемнадцать человек! Отсюда и наша зарплата: самое большее – двести тысяч.

К разговору подключается Галина Викторовна, технолог ателье:

– Вы нам про рабство говорили, про Радищева. А мы сейчас свободны? Молодежи работать негде. Они или ринулись в торговлю,

или сидят безработные. Заканчивают училища, техникумы, институты – и болтаются. Да и учеба сейчас вся платная. Мы от своей организации никого не можем отправить на повышение квалификации. А ведь это важно – научиться вести дело или хотя бы знать законы. Мы ведь ничего не знаем. Даже газету экономическую не под силу выписать. Смотрим только телевизор. И что видим? Судьи не получают зарплату, милиции нечем платить, армия сидит без денег... У них есть сила, оружие – и то им не платят, а что про нас говорить? Может, в городах лучше? Так нет, в Твери «Вагонзавод» – встал. И все крупные предприятия тоже стоят. «Центросвар» – стоит. Хлопчатобумажное предприятие у нас большое – тоже стоит...

Галину Викторовну спешит дополнить Татьяна Николаевна:

– Сельское хозяйство развалили. Если и выживают, то за счет старой техники. Землю ведь никто не берет, потому что на ней работать тяжело, сложно и нечем. Здесь есть деревни, где всего по одной лошади... Развалить развалили, а как дальше жить – никто не подсказал. Вон, они друг друга грязью поливают и больше ничего не могут. Что при коммунистах было, что сейчас... У меня дети и внуки оказались за границей, в Виннице. Прошлым летом приезжали, а на будущее лето внуку будет шестнадцать лет. Уже нужен паспорт и деньги. Не знаю, увидимся когда-нибудь или нет. А ведь жили одной семьей...

Разговор, проходящий в высоком темпе, продолжила Галина Викторовна:

– На то, чтобы воевать, деньги есть. Как можно при нашем-то положении воевать в Чечне? А на выборы президентские сколько ушло? А теперь еще в каждой области выборы. Триллионы уходят в песок, а толку? Вот сейчас на выборы, говорят, ушел весь районный бюджет, а детские пособия с марта не выплачиваются.

– А богатые в Медном есть? – спросил я собеседниц. Отвечают обе, но ответ тут же сворачивают:

– А как же? Начальство, уголовные авторитеты. У них и квартиры, и дома, и машины... Своя рука – владыка! Все эти торговые предприниматели людей на работу не оформляют, никакой гарантии за зарплату, за будущее не дают: сегодня ты работаешь, а завтра они тебя выкинут. И некуда пойти жаловаться. Вот вам и свобода.

– Что же будет с Медным? – спросил я обреченно.

Ответили сразу:

– Что будет со страной, то будет и с Медным.

Ну а что будет со страной – один Бог знает...

Перед тем как попрощаться, я попросил показать продукцию ателье и был удивлен её качеством. Оно не шло ни в какое сравнение с импортным барахлом, коим забиты наши большие и малые магазины. Стоимость добросовестно связанного толстого свитера с большим процентом шерсти – девяносто пять тысяч рублей. Цен таких в Москве уже давно нет. Поэтому я один свитер купил, а еще несколько заказал для своих друзей, не сомневаясь, что удивлю их качеством, но еще больше тем, где эти свитера изготовлены. Забрать готовую продукцию надо было через две недели. С тем и покинул ателье.

Когда в оговоренный срок вернулся, то, к своему огорчению и удивлению, обнаружил, что заказ мой остался невыполненным. К удивлению, потому что был уверен: они разобьются, но свитера свяжут. Это же, помимо прочего, – полмиллиона рублей!

Что же я услышал?

*«Нет упряжи... Нет транспорта...
Нет еще чего-то...»*

Что же со всем этим делать? Что делать с людьми, миллионами людей, которые, получив свободу, тяготятся ею, мучаются и готовы (и даже рады!) вновь войти в оковы к тому, кто будет опять чего-нибудь «давать»: работу, колбасу, зарплату, квартиру... То есть – «свободу», какой они её понимают.

Все-таки интересно: о чем думают наши властные реформаторы, когда говорят о свободе и демократии? На что надеются, провозглашая идеалы прямо противоположные тем, которые веками внедрялись этим же государством в сознание народа? Подумал ли кто, прежде чем самонадеянно провозгласил толпе: «Свободны!»?

И ведь не просто провозгласили, а действительно освободили. Точнее, сами освободились, отпустив людей на все четыре стороны. И вот раньше народ наш был в рабстве у коммунистов, а теперь – в рабстве у свободы. Так у коммунистов хоть что-то было. Коммунистическое рабство исправно осуществлялось и поддерживалось его полномочными представителями. Эпоха террора, тотального насилия и лжи вытравила из людей даже маломальские представления о свободе. Тысячелетний страх, сконцентрированный государством в душах последних двух-трех поколений, сделал эти души рабскими и покорными на десятилетия вперед. Этот же страх, в соединении с абсолютной ложью, предопределил идиллическое сосуществование жертвы-народа и его палача-государства. Работник какой-нибудь медновской трикотажной фабрики если и не был членом партии или комсомольцем, то «охваченным» был несомненно. А уж членом профсоюзов был обязательно. На его предприятии обязательно праздновались Первое мая, День Победы, годовщины Октябрьской революции, отмечались встреча Нового Года, Международный женский день, а также профессиональный праздник – скажем, День работников сферы обслуживания. Все эти даты отмечались не только официозными взятиями на себя повышенных обязательств, но и концертами художественной самодеятельности, танцами и вполне пристойными застольями с начальством во главе. Профком чего-нибудь подбрасывал: то шапки кроличьи, то мандарины, то дрожжи... Бывало, давали дешевые и даже бесплатные путевки в санатории. А Доски почета с «лучшими людьми», думаете, пустой звук? А еще был комсомол, который тоже чего-то устраивал. «Охваченная» молодежь ходила в походы по местам боевой славы, устраивала конкурсы художественной самодеятельности и спортсоревнования, боролась с пьянством и хулиганством. Была еще и пионерия, и шефская работа в школе, и все такое прочее, что, несмотря на показуху, каким-то образом организовывало жизнь людей и не давало особенно горевать по поводу своего рабства. При всей нашей просвещенной ненависти к прежнему режиму, который принято называть «коммунистическим», давайте зададимся вопросом: сколько людей находилось с ним в непримиримой вражде? Не будем лукавить. В России власть ненавидят всегда.

Ненавидели и власть коммунистов. Но в конфликте с властью большинство людей (советских людей!) не находились. Главным образом к ней относились равнодушно. Теперь же равнодушия меньше, чем ненависти. И, согласитесь, ненавидеть есть за что. Хотя бы за то, что власть презирает людей. Для коммунистов люди были «человеческим фактором», для нынешнего начальства – людей, кажется, нет вовсе. Пенсионеры жаловались, что им не платят пенсии, что в селе сгнили колодцы, не работают водопроводные колонки. Приходится за километр старушкам носить воду. Рассказали, как всем миром строили колодец: собрали деньги, а потом вручную, как могли, выкопали. Теперь к этому колодцу со всех улиц приходят за водой. В Медном нет бани, и лишь фундамент уже лет десять стоит. А что такое баня для этой деревни? Свои, домашние, бани строили в основном в тех деревнях, где не было общественной. Зачем частное, когда имеется общее? И вот, баня в Медном разрушилась, а новую никак не построят. Старушки жалуются, что им приходится мыться в тазике, а в тазике какое мытье? Грех один – как писал когда-то Зощенко. В районной газете *«Ленинское знамя»* глава медновской администрации сообщил корреспонденту, что «летом люди еще как-то обходятся, а вот зимой – говорит – будем их возить в село Романово, где баню скоро отремонтируют». Автобусом обещает помочь какое-то местное Акционерное Общество Закрытого Типа, а спонсоров, для доставки жителей в соседнее село на помывку, глава обещает найти сам. Так что не все так плохо, и перспектива есть. Кстати, надо подсказать начальству: может, в селе Романово нет такого, чего в избытке в Медном? Пусть, пока одни моются, другие на этом же автобусе сгоняют в Медное. Чем не интеграция?

А пока одна старушка, не по годам бойкая, сказала: «Твоего бы Ельцина в этот тазик головой засунуть, вместе с Черномырдиком, и пусть они там моются».

Но, что Ельцин? Он и ходить-то не может. Взяли бы, старушки, да и построили себе сами баню. Колодец как-то вырыли – и ничего, воду хвалят. А так – проблемы занятому руководству создают, спонсоров искать заставляют. Ну какие спонсоры на помывку старух, когда даже на Эрмитаж денег никто не даст!

Пока мы разговаривали, прибежала еще одна старушка и скороговоркой прошептала, что «приехала лавка и привезла масло в бутылках и соль», и потому надо скорее идти и брать.

– Что? – спрашиваю. – В магазине соли нет?!

А она мне, непонимающему, отвечает:

– В магазине-то есть, милок, но там она стоит тысяча сто рублей за пачку, а тут – всего тысяча.

Вот так, за сто рублей они идут в другой конец деревни покупать соль. Потому что сто рублей для них значат очень много.

«Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас».

Но некуда им идти. В Медном нет церкви. А до ближайшей – далёко. Двое стариков, дедушка с бабушкой, которых я встретил на мосту через реку, сказали: «Мы-то, пока живые, еще ничего, потерпим, а вот умрем – как без церкви?»

С моста через Тверцу открывается очень красивый вид на Медное. Проезжающем у путнику – особенно когда солнце и хорошая

погода – проблем медновских не видать. На другой стороне Тверцы – широкий пологий берег, там же – деревенское кладбище, а еще дальше – густой лес. Сюда медновские жители ходят по ягоды и грибы. Вот здесь, на берегу, кружил девичий хоровод, где-то здесь они пели: *«Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, ой люли, люли, люли...»*

Раёк

Чувство вины за то, что я прозевал Тверь, терзало меня и не давало спокойно путешествовать. Может, поэтому я пренебрег правилами повествования, заданными Радищевым и Пушкиным, заметив указатель: «*Раёк – 3 км*».

Как тут проехать мимо? Пусть не сам рай, пусть лишь Раёк, но зато всего три километра. Как ни торопился, все же свернул с дороги налево, сразу после моста через речку Логовежь.

Проехав указанное расстояние, я неожиданно увидел среди лесов, полей и рек роскошные постройки с коллонадами, башнями и ротондами. Эти строения, хоть и были заброшены, сохранились отлично и для своего восстановления требовали бы незначительных усилий. Комплекс этот мог бы украсить любой провинциальный и даже столичный город, а такой резиденцией мог бы гордиться какой-нибудь посол или даже государь небольшой державы. Здесь же строения стоят всеми забытые и заброшенные.

Рядом с постройками – с десяток деревенских изб, в которых обитают жители этого странного поселения. Лай собак, спровоцированный моим внезапным появлением, вызвал на улицу нескольких пожилых женщин. На мой вопрос «Что это здесь такое?» они ответили, что и сами толком не знают, хотя живут здесь уже по сорок лет. Мне посоветовали обратиться к Галине Ивановне, которая «все знает и всегда охоча до разговору». Галина Ивановна, между тем, уже сама выходила мне навстречу.

Поздоровавшись, я спросил: «Что это за деревня такая странная?»

– Это не деревня и не село, это местечко Раёк. Мы ни к кому не приписаны и никому не принадлежим, – ответила Галина Ивановна.

Из её слов я узнал, что построила все эти сооружения Екатерина Вторая, а уже потом они перешли во владение к некоему Дубасову. После революции здесь долгое время располагалась детская колония макаренковского типа. Затем комплексом владело тверское

предприятие «Центросвар», которое здесь устроило туристическую базу. Ну а в последние годы сооружения оставались вообще бесхозными и вроде бы ничьими. Сюда приезжал батюшка и просил, чтобы ему передали одно из зданий для церкви, но ему отказали. Что касается названия, то, по словам Галины Ивановны, когда проезжавшая мимо Екатерина Вторая здесь остановилась и решила пройти пешком, было очень грязно, и тогда она сказала: *«Фу, какая тут грязь!»* И все-таки дошла до этого места, посмотрела имение и сказала: *«А вот здесь хорошо, здесь словно маленький раёк»*. Так и осталось с тех пор это название.

– А вы где-нибудь работаете? – спросил я.

– Нигде мы не работаем. Мы – ничьи, а живем в Советском Союзе.

Галина Ивановна работала в своё время в этой самой детской колонии, и все, кто здесь живет, тоже. Техничками, кастеляншами, посудомойками на кухне, в столовой. Потом также все работали на турбазе. Галина Ивановна – в пункте проката. Теперь, когда ей шестьдесят пять лет, она на пенсии. Получает двести тысяч рублей, но выплачивают пенсию с задержками на три-четыре месяца. Живут они вдвоем с мужем, который все время возится в сарае или на огороде.

– Держим коз, овечек, потому что, если их не держать, то неизвестно, что будет, – говорит Галина Ивановна. – Жить очень

трудно, просто каторга. Хлеб у нас в Марьине, соседнем селе, стоит две тысячи триста пятьдесят рублей. Ты попробуй его купи, буханку! Иногда сын немного подбрасывает денег, но у него самого двое детей.

Ничего себе, Раёк!

Но вот Галина Ивановна сказала, что ей пора доить коз. У меня тут же возникла идея эту процедуру посмотреть и затем описать. «Может, это и будет компенсация за Тверь?» – думал я и даже представил название будущей главы: «Дойка козы в Райке».

Галина Ивановна, не посвященная в мои замыслы, возражать против присутствия на дойке не стала, но лишь сказала, что надо обязательно надеть что-нибудь на голову. Видимо, у нее такая традиция: не входить в хлев к животным с непокрытой головой. Она принесла какую-то старую вязаную шапочку, к которой у меня не было никакого доверия. Я предпочел приспособить на голову свой шарф, повязав его вместо платка, благо никто меня здесь не увидит.

Надо сказать несколько слов и о том, как выглядела Галина Ивановна.

Это была невысокого роста пожилая женщина, в очках, в грязной телогрейке, в таких же грязных трикотажных штанах и в серых старых валенках с галошами. На голове у неё была какая-то странная вязаная шапочка, налезавшая ей на лоб, и поверх этой шапочки был повязан еще и красный платок. От неё пахло козой за несколько метров, но всё это меня нисколько не смущало. Речь Галины Ивановны была живой, даже энергичной, без каких-либо признаков деревенской лексики. Обращалась она ко мне сразу на «ты» и уже через несколько фраз приглашала к себе в Раёк на лето отдыхать. Я, на всякий случай поинтересовавшись насчет туалета и ванны, с благодарностью принял её предложение. Итак, мы пошли в хлев доить коз.

Галина Ивановна, какой мы ее описали, с большой эмалированной кастрюлей шла впереди, а за ней очень осторожно шагал я, с повязанным на голове шарфом, в новом и дорогом черном пальто, с диктофоном и записной книжкой в руках, с фотоаппаратом на шее. А шёл я очень осторожно, чтобы не вступить окончательно в то, во что отчасти уже вступил. При этом на меня лаяли, буквально срываясь с цепи, все собаки, которых сдерживала Галина Ивановна.

Наконец, мы зашли в хлев... И тут на меня кинулось всё, что только там находилось: овцы, козы и, кажется, кто-то еще, исключая здорового козла, обитавшего, к счастью, за оградкой. Бросились они на меня с радостным криком, с блеяньем и беканьем, стали ко мне

прижиматься, тереться о мое пальто и тыкаться в меня своими влажными физиономиями. При этом они все почему-то смотрели прямо мне в глаза, а я не мог сделать даже шага, потому что при малейшем моем движении они начинали еще более активно и теснее прижиматься. И отступать было некуда: во дворе поджидали злющие собаки, и без Галины Ивановны делать там было нечего.

В хлеву, помимо всего прочего, были еще трое или четверо маленьких черненьких ягнят и двое таких же маленьких, только беленьких, козлят, которых, если видишь по телевизору, хочется взять на руки и прижать к себе. Однако здесь мои руки были заняты диктофоном, а кроме того, неизвестно, как могут прореагировать на это большие овцы, козы и, главное, козел: были случаи, когда в общем-то безобидная курица выцарапывала людям глаза за своего цыпленка. Кто знает, как эти себя поведут? Перегородка-то в хлеву символическая, а козел с рогами – самый что ни на есть настоящий...

Галина Ивановна тем временем прошла за перегородку к козам, которых собиралась доить... Надо видеть, как она вообще вошла в хлев. Как мать к своим детям. Она говорила им самые ласковые слова, гладила их, ласкала, хвалила:

– Деточки мои дорогие, хорошенькие, миленькие, послушные... А вот мой Боренька, а это Марточка, а вот это еще один Борька, – представляла своих питомцев Галина Ивановна. – У меня все барашки бореньки, а козочки – марточки... Красавицы мои, погуляли – теперь надо подоиться. Обязательно надо.

– А если не поговорить с ними ласково, так и доиться не будут? – не найдя ничего более разумного, спросил я.

– Они любят ласку. И корова любит, и всякое животное любит ласку, и овцы любят. Они у меня все очень ласковые, и бараны, и козлы... Тебе козла показать?

– Нет-нет, я и так уже их всех вижу, – тотчас ответил я.

– А то зайди вот сюда, за перегородку, посмотри, он хороший у меня, добрый, послушный... Возьми, погладь его, – настаивала Галина Ивановна.

– Да зачем же мне его гладить и раздражать животное? Пусть уж оно там себе стоит, – вступился я за козла.

А Галина Ивановна, встав на колени у одной из своих марточек, стала её доить, приговаривая самые ласковые слова. Послышались характерные звуки от тоненьких струек молока по дну кастрюли.

Я в это время стоял у двери неподвижно, всё более мучаясь своим безвыходным положением и поглядывая на часы: доить, оказывается, предстояло не одну, а целых пять коз, поэтому «экспедиция» моя явно затягивалась.

— А сколько, интересно, у козы сосков? — любопытствовал я.

— Два. Там есть еще маленькие такие сосочки, но они не доятся, — пояснила Галина Ивановна, переходя от одной козы к другой.

Так продолжалось примерно минут тридцать-сорок, но в конце концов мои мучения закончились. Галина Ивановна подоила своих козочек, погладила козла, овечек, борека и со словами «Слава Тебе, Господи!» вывела меня из хлева. Она вновь провела меня по двору между лающими собаками, и только тогда я вновь почувствовал себя свободным и независимым.

— Попьёшь молочка? — предложила Галина Ивановна.

– Нет-нет, что вы! У меня от молока всегда начинается расстройство желудка, – отказывался я, отряхивая пальто и вытирая об опавшую листву свои безнадежно испачканные туфли. Но Галина Ивановна сказала, что козье молоко как раз укрепляет желудок и его специально для этого люди пьют.

– Так то люди, а у меня, как раз от козьего молока хуже всего, – выкручивался я и стал объяснять Галине Ивановне, что еще надо добираться до Торжка, где вроде бы меня кто-то ждет.

Я торопливо поблагодарил Галину Ивановну и, заверив, что обязательно заеду к ней как-нибудь в гости, покинул блаженный Раёк...

Немного отъехав, я остановился прямо в поле и вышел из машины, чтобы еще раз отряхнуться от налипшей ко мне шерсти, как следует почистить ботинки и просто подышать воздухом после хлева. Прodelав эту кропотливую работу, я сел в автомашину и, проехав несколько метров, вновь остановился. Почему-то я вспомнил неотрывно глядящие на меня овечьи глаза...

И мне, вдруг, стало непереносимо грустно, а еще более того – стыдно. Я побывал во многих великих соборах, в самом Храме Гроба Господня в Иерусалиме, и ни в одном из этих храмов я не ощущал себя столь бесконечно далеким от Того, к Которому, как мне казалось, приближался, как в том маленьком сарайчике в Райке. Он – родился в таком хлеву! А мне даже полчаса там находиться было противно. Какая глубокая пропасть и какое чудовищное расстояние! Разве не стоило завернуть в Раёк, чтобы об этом узнать?

Торжок

«Здесь на почтовом дворе, встречен я был человеком, отправляющимся в Петербург на скитание прошения. Сие состояло в снискании дозволения завести в сем городе свободное книгопечатание. Я ему говорил, что на сие дозволение не нужно; ибо свобода на то дана всем. Но он хотел свободы в цензуре...»

Далее приводятся размышления о цензуре *«человека, отправляющегося в Петербург»*, за которым угадывается сам А.Н.Радищев.

Пушкин, держа в руках запрещенную книгу, не без сарказма замечает: **«...любопытно видеть о сем предмете рассуждение человека, вполне разрешившего сам себе сию свободу, напечатав в собственной типографии книгу, в которой дерзость мыслей и выражений выходит из всех пределов».**

Вслед за Радищевым он и сам размышляет о цензуре:

«...Писатели во всех странах мира суть класс самый малочисленный из всего народонаселения. Очевидно, что аристократия самая мощная, самая опасная – есть аристократия людей, которые на целые поколения, на целые столетия налагают свой образ мыслей, свои страсти, свои предрассудки. Что значит аристократия породы и богатства в сравнении с аристократией пишущих талантов? Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда. Уважайте класс писателей, но не допускайте же его овладеть вами совершенно.

Мысль! великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль? Да будет же она свободна, как должен быть свободен человек: *(здесь просится восклицательный знак, однако у Александра Сергеевича всего лишь двоеточие, после которого*

следует существенное добавление – авт.) – ...в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом».

А далее следует и вовсе нечто странное. Пушкин ратует за цензуру, как будто, кроме Александра Сергеевича, этим более некому заниматься: **«...книги, как и граждане, отвечают за себя. Есть законы для тех и для других... Разве речь и рукопись не подлежит закону?»**

Как же обидно все это читать, особенно сейчас, когда стало возможным не только свободно публиковаться, но и публиковать. Сколько поколений мечтали об этом! Благодаря гласности мы прочитали все самые значительные произведения, которые многие годы были от нас сокрыты, узнали имена людей, боровшихся с ненавистным коммунистическим режимом, да и сам режим, как только его чуть засветили, – тут же пал под напором разоблачений.

Но внедрителей гласности может поблагодарить и отечественное начальство, которое, в отличие от коммунизма, осталось. Великое её открытие состояло в том, что свобода говорить и писать имеет огромное значение лишь при одном условии: когда все это кто-то слушает, читает и воспринимает. В противном случае наличие гласности мало чего меняет: одни говорят и пишут что хотят, другие ничего этого не слышат, не знают и знать не желают.

«Вот дураки были коммунисты, – говорил мне как-то один начальник, сам бывший коммунист, – запрещали людям говорить. Пусть бы болтали сколько угодно. Выговорится человек и успокоится. А еще лучше – позволить ему написать в какую-нибудь газету. Опубликуется – и будет доволен: вот, дескать, поднял вопрос. Так и начальство в этом случае довольно: ведь у нас, если “подняли вопрос”, значит, уже его и решили».

А вспомним, как во времена всеобщего запрета и цензуры читали книги или статьи. С карандашом в руках, внимательно, скрупулезно, по несколько раз. Искали подтекст, контекст и прочие замысловатые штучки. А найдя, как радовались! Несли это друзьям, знакомым, в массы. И массы возбуждались, прозревали, делали выводы и лишь ждали, кто позовет за собой. Бывало, ради одной только строчки покупали газеты, журналы, книги, многотомники и читали, читали,

читали... Выйдет какая-нибудь дрянь, какого-то мерзавца, а её вмиг раскупали и до дыр зачитывали. А почему? Да потому, что там оказывались несколько новых цитат из Бердяева. А тот мерзавец, между прочим, их туда и вставил с таким умыслом, чтобы книжку раскупали. При этом он умудрялся прослыть либералом, страшно смелым, почти отчаянным: надо же, экзистенциалиста в книжку вставил! А то, что крыл философа на чем свет стоит, так это чтобы как-то донести его до пытливого читателя. Ведь чем больше ругаешь, тем больше цитат дозволено. Эзопов язык, так сказать.

А сейчас? Тот же Бердяев – на каждом углу, в каждой лавке. Он самый читаемый философ, видимо, скоро войдет в школьные программы и станет как наш Александр Николаевич Радищев. Одним словом, это очень сложная и загадочная тема: запрета или дозволения печатного слова, – и потому мы её касаемся бегло и только в связи с тем, что была она поднята нашими путешественниками именно в Торжке.

Город Торжок, которому более тысячи лет, описывать негоже. Это все равно как если бы мы решили рассказать о Красной площади в Москве. Конечно, Торжок не Москва, но и о нем сказано и написано довольно много, и какие-то исторические открытия здесь совершить трудно. Мы можем предположить, что у этого города, как и у Парижа, основная история – позади. Все самое значительное, что только могло случиться с городом, уже случилось. Его и захватывали, и разрушали, и разоряли, причем если монголо-татары захватили единожды, то русские князья и цари нападали на бедный Торжок как не знаю на что и грабили, грабили, грабили... Не могли взять Новгород, так отыгрывались на Торжке. Но город выстоял, и России, конечно же, повезло, что у неё есть такой замечательный городок. Повезло ли Торжку, сказать трудно. Ведь если бы он находился, например, в Бельгии – то, безусловно, это был бы город не хуже Брюгге. Его бы привели в порядок, восстановили многочисленные храмы, монастыри, церквушки; засверкали бы всевозможные старинные постройки; обновились бы мостовые и площади; открылись бы для посетителей и туристов со всего мира старинные гостиные дворы с бесчисленными

магазинами и кафе, а по Тверце, берега которой были бы обустроены садами и усадьбами, поплыли бы во все стороны корабли с товаром из Торжка: кружевным шитьем золотом, серебром и шелком по сафьяну и бархату... Да от одного золотошвейного промысла уже вся Европа пала бы перед Торжком ниц. И не только Европа...

Но Торжок
— город наш,
родной,
российский и
потому к
вышеуказанной
идиллии пока не
готов и, может
быть, никогда не
изготовится.
Поэтому его
исторические
ландшафты
остаются

неменяемыми, а архитектура — неприкасаемой. То есть всё как стояло — так и стоит, постепенно разрушаясь. Попытки восстановить то или иное историческое здание, конечно, предпринимаются, но объем старины в городе таков, что осилить его реконструкцию под силу только очень богатому краю, с богатыми гражданами, или же при участии государства. Государству же нашему вообще не до того. Вот разрушать и завоевывать — это да, а строить... Какой уж там Торжок, если за десять лет даже баню в Медном построить не могут!

Знаменитая гостиница Пожарских, в которой Пушкин останавливался и ел котлеты, уже десять лет стоит в лесах. Недалеко от неё, на улице Дзержинского, в деревянном одноэтажном особняке Олениных расположен музей имени Пушкина. Узнав о моем интересе к путешествиям Радищева и Пушкина, сотрудники музея порекомендовали встретиться с автором книги, в которой описывается все, что касается поездок А.С.Пушкина по трассе Москва–Петербург.

Однако меня в тот момент больше интересовала тема цензуры. Поэтому я направился в редакцию одной из местных газет.

«Новоторжский вестник», а именно в редакцию этой газеты я направился из музея, издается с ноября 1917 года и является главной общественно-политической газетой района. Перед тем как зайти в редакцию, я приобрел в киоске номер газеты и внимательно его просмотрел.

На первой полосе, как водится, представлены официальные материалы, среди которых особо выделено поздравление глав администрации города и района по случаю Дня работников автомобильного и дорожного транспорта. (Мы уже знаем, что без подобных поздравлений редко какая газета обходится.)

«Уважаемые работники автомобильного транспорта и дорожного хозяйства! Примите самые искренние и сердечные поздравления с вашим профессиональным праздником. Автомобильный транспорт – связующая артерия народного хозяйства. Именно вашим круглосуточным трудом обеспечиваются пассажирские перевозки, доставка различных грузов в самые отдаленные уголки страны. Автомобилисты – люди трудной и опасной профессии, по праву пользующиеся всеобщей любовью.

Желаем вам крепкого здоровья, удачных рейсов, счастливого возвращения домой, где вас всегда ждут любимая жена, подруга, дети. Благополучия вам и много-много радости. Мы хотим, шофер, чтоб тебе повезло!»

Как и в клинской газете «Серп и Молот», в новоторжской особо представлена социальная тематика. Сообщается, в частности, о том, что глава администрации подписал два постановления, «направленных на социальную защиту детей из неполных семей и находящихся на опеке». Администрация предписывает отделу социальной защиты населения «организовать выдачу продуктов из расчета по 75 тыс. рублей на семью, не получающую пенсии по опеке или потере кормильца и состоящую на учете в городском отделе народного образования». Другим постановлением администрация обязывает тот же отдел «организовать выдачу продуктов из расчета по 100 тыс. рублей на

семью, где воспитывается более двух детей при отсутствии отца и не получающую алиментов».

Сто тысяч – это меньше двадцати американских долларов. В московских ресторанах хватило бы на две розы, но два цветка дарить живому человеку не принято. Здесь же на эти деньги можно купить семь-восемь вёдер картошки, или четыре килограмма сливочного масла, или килограммов двадцать муки, да еще много такого, что поможет жить. Вопрос в том, насколько все эти предписания и обязательства выполняются и скольким семьям так помогли?

Также мое внимание привлекло письмо в редакцию, подписанное группой пенсионеров. Вот его содержание:

«До недавнего времени мы, пенсионеры улицы

Студенческой и других улиц этого микрорайона, были очень благодарны руководству опытно-производственного хозяйства им.Ленина за то, что хозяйство продавало нам разливное молоко по доступным ценам. Сейчас доставку молока из хозяйства прекратили, и мы остались без этого необходимого продукта. Говорят, нашли более выгодные пути реализации.

Мы обращаемся с большой просьбой к руководителям колхозов и совхозов района наладить доставку молока в наш микрорайон. Достаточно будет привозить молока два-три раза в неделю. Место стоянки – асфальтированная площадка рядом с центральным телеграфом. Очень надеемся на понимание».

Маленькое, неприметное письмо, в такой же неприметной газете. Но какое символическое! «Опытно-производственное хозяйство имени Ленина» – не вся ли наша страна, жителям которой в одночасье прекратили «доставку молока по доступным ценам»?..

Придя уже подготовленным в редакцию газеты, я был любезно принят главным редактором.

Олег Ильич представляет собой немолодого человека, которому вот-вот исполнится шестьдесят, с неторопливыми манерами, размеренной речью и внимательным взглядом, который отличает людей его поколения и его профессии при неожиданных встречах. Он сидел за традиционным т-образным столом в довольно просторном кабинете, за

спиной у него висел инкрустированный портрет Ленина, видимо стоящий на балансе редакции, а на противоположной стене – панорама Торжка. Олег Ильич курил дешевые отечественные сигареты, которые беспрестанно тухли, но он с такой же настойчивостью их прикуривал вновь и вновь.

Я представился обозревателем одной из московских газет и, сославшись на путешествия Радищева и Пушкина, сообщил, что привело меня к нему то обстоятельство, что здесь в Торжке ими обсуждалась тема цензуры. Кто как не главный редактор газеты может помочь в этом вопросе и пролить свет на нынешнее состояние проблемы?

Из беседы я выяснил, что Олег Ильич работает в газете тридцать лет, из которых двадцать семь – главным редактором! Он возглавил редакцию еще в те времена, когда первым секретарем горкома партии был товарищ Кобылин, правивший городом двадцать три года. (Вот была стабильность!)

– Это был исключительно порядочный и умный человек, настоящий руководитель и отзывчивый товарищ, – вспоминает о нем Олег Ильич, глядя на панораму Торжка сквозь густой табачный дым.

– Он никогда на нас не давил. Мы печатали в газете всё, что хотели. Он мог лишь иногда, как бы мимоходом, сказать нам, по-товарищески, мол, зачем вы, товарищи, дали статью про разваливающуюся деревеньку? Что, у нас хороших деревень в районе нет? Нехорошо, товарищи... И всё. Больше никак не вмешивался. Вот какая у него была цензура в то время!

Олег Ильич входил в свое время в бюро горкома партии и, по его словам, всегда отстаивал там свою особую точку зрения. Иногда не соглашался даже с мнением всесильного первого секретаря.

– Меня, – говорит Олег Ильич, – поддерживали и другие члены, которые самостоятельно мыслили. Например, Николай Иванович Попов, председатель колхоза «*Мир*». Это известный у нас колхоз. Он и сейчас на плаву, и там люди работают, получают зарплату вовремя, урожай хороший... Так вот, мы с ним были в такой связке: по мышлению, по, так сказать, осмыслению ситуаций и прочему. Но вот когда началась эта передряга...

Здесь Олег Ильич замолчал, поморщился, его сигарета почему-то потухла, он это заметил, неспешно прикурил, вздохнул и очень своеобразно рассказал о смене общественно-экономической формации на одной шестой части суши.

– Как-то ко мне приходит демократ, есть у нас такой... Как его?.. Он работал учителем истории, потом все бросил и ушел из школы посреди учебного года. Занялся политикой. А какая, к черту, может быть у нас политика? Это в Москве или Питере – политика. А в Торжке какая политика!.. Так вот, он давил на меня по-всякому, приносил в редакцию всякую чушь. Напишет такое – не то что публиковать, редактировать стыдно... Евсеев – его фамилия... И не один приходил, а с его этой самой... партией. А чтобы меня на чем-то поймать, приводил с собой такого же... как его?.. Рожкова. Но этот-то сейчас, правда, образумился, стал фермером, видимо, понял, что жизнь идет и надо что-то делать, а не просто политикой заниматься.

Олег Ильич рассказал, как этот самый Евсеев затащил однажды к нему в редакцию корреспондента «Известий».

– Он как раз сидел вот тут, где вы сидите, а эти меня третировали со всех сторон. Но этот корреспондент... как его?.. Выжutowич, мужик, видимо, неглупый, почитал то, что я отклонил, и говорит: «Уберите это». И дал большую статью в «Известиях»... забыл название, – строк на триста. Написал, что в Торжке людей интересуют огороды, а не политика, и только один бездельник, вот этот безработный «политик», всю воду мутит... То есть «Известия» были полностью на нашей стороне...

Спрашиваю Олега Ивановича, как он оценивает нынешнее состояние страны и города...

– Мнение мое одно: нам надо работать. Производство возрождать.

И далее главный редактор рассказал об уникальных производствах города, таких как завод «Марс», который обеспечивал электроникой оборонную и космическую промышленность; завод «Витязь», выпускавший уникальные изделия, в том числе сердечные клапана, которых нет нигде в мире, – теперь этот завод едва сводит концы с концами; есть в Торжке мясокомбинат, который мог бы обеспечить продукцией весь Торжок и еще Москве бы отдавал. Раньше строили в Торжке двадцать две тысячи квадратных метров жилья, а в этом году, по словам Олега Ильича, будет хорошо, если осият пять.

– У нас есть производство, на котором делают уникальную пожарную технику. Лучшую в мире на сегодняшний день. У них пожарная лестница выдвигается на сорок пять метров! И сейчас делают еще бо́льшую. Так этот завод, можно сказать, стоит... Или другой завод, вагоностроительный. Он работал на оборонку и выпускал спецвагоны для перевозки секретных военных грузов, а сейчас перешел на строительство электричек. Отличные электрички! Их разбирают только так. Но в последний раз приехали за нашей электричкой сразу три представителя: из Санкт-Петербурга, Москвы и Екатеринбурга. И ни у кого нет денег. Говорят, мы её заберем, а потом расплатимся. Но когда это «потом»? Отдают, конечно, электричку: чего её здесь держать? Но за неё потом расплачиваются чугунными болванками и прочей ерундой. А рабочим-то нужны деньги. А электричка – прекрасная! – еще раз с гордостью произнёс Олег Ильич.

Но в Торжке есть предприятия, которые живут хорошо. Например, завод полиграфических красок. Он единственный в России и выпускал в свое время девяносто три процента всей полиграфической краски в стране. Завод этот, хотя и сокращается, но все же работает, а рабочие там получают относительно высокую зарплату: от пятисот тысяч до миллиона. Ну, а новоторжская молодежь, по словам Олега Ильича, в основном болтается.

– Мы еще как-то держимся. Понимаем, что из пушки по воробьям не стреляют. На то, что делается в верхах, мы воздействовать не можем. Но что касается города, то здесь мы стараемся что-то делать.

– А бывает, чтобы вы чего-то не напечатали по цензурным соображением? – вернулся я к изначальной теме, от которой был ловко уведен многоопытным редактором.

– Нет, такого не бывает. Я даю всем возможность высказать свое мнение. Единственное, чего не даю, это когда темные дела. Вот мы не печатаем сейчас нашего прокурора, хотя на меня давят руководитель администрации и его замы. Даже пообещали посмотреть на мою работу в будущем...

– Вас могут уволить? – забеспокоился я за Олега Ильича.

– Ну, как это «могут»? Наши учредители – городская и районная администрации и коллектив газеты. Если они все согласятся, то могут и

уволить. Но, с другой стороны, они нас финансируют. Так что могут не увольнять, но перекрыть кислород и сказать: «Нет денег!» То есть и не виноват никто, и газеты не будет. Вот такая сейчас цензура. На финансовом уровне.

Я поблагодарил Олега Ильича за беседу и спросил, не знаком ли он с автором книги о пушкинских путешествиях по этим краям. К счастью, В.Ф.Кашкову он знал хорошо и, по моей просьбе, тут же связался с нею по телефону...

Через двадцать минут я уже был в квартире у Валентины Федоровны.

В трехэтажной «хрущевке» – двухкомнатная квартирка. Чистота. Простота. Уют. Из окон – вид на Тверцу. На другом ее берегу – церковь, видом которой Валентина Федоровна дает полюбоваться и мне. Более сорока лет преподает она в местном педучилище русскую классическую литературу! От рождения – новоторка. Ну а характер новоторов древние летописи отождествляют с новгородским: *"беша бо человеци суровы, непокорови, упрямчивы, непоставни (неудержимы)..."*

Её книга – о Пушкине, пушкинских странствиях по дорогам России, по этой самой дороге, между двумя столицами. *«Мне путешествие привычно и днем, и ночью – был бы путь...»* – такой эпиграф у этой книги¹.

– Случилось со мной счастливое обстоятельство, что я живу на этой дороге, – рассказывает Валентина Федоровна. – Если для Александра Сергеевича это, с одной стороны, география, с другой – человековедение, то для меня здесь географии нет. Эта дорога – моя родина, моя жизнь, судьба... На этой дороге жили мои предки, здесь моя, уходящая корнями вглубь, история. Написать книгу о путешествиях Пушкина по этой дороге мне хотелось давно, и подбиралась к ней не сразу... Не люблю выражений: «пушкинист» или «занимается Пушкиным»... Я Пушкиным не занимаюсь, и я не пушкинист. Просто его люблю. И в течение сорока лет встречаюсь с

¹Кашкова В.Ф. Пушкинский путеводитель. - Тверь, 1994.

ним, преподавая литературу. Еще до того как в наших краях, называемых «пушкинским кольцом», стали открывать музеи, мы искали и собирали материалы и нашли много интересного, во многом непонятного до сих пор. Я часто думаю: что именно – счастье или, наоборот, несчастье, привлекало его к нам в Тверскую губернию? За сотни верст, осенью, по бездорожью в глушь тверскую едет, чтобы закрыться здесь в четырех стенах и писать. Почему? Ведь четыре стены были и в Петербурге, можно было уединиться и там...

Здесь я осторожно прервал рассказ Валентины Федоровны, чтобы успеть спросить о конкретном путешествии Александра Сергеевича, о том самом, по следам которого еду... Ответ меня обескуражил.

По словам Валентины Федоровны, в действительности путешествующий – не совсем Пушкин, и даже скорее совсем не Пушкин. Это лишь его герой, которого поэт придумал с тем, чтобы оставить за собой право более свободно излагать свои мысли.

– Так что же, выходит, он и не ехал в этой своей кибитке? – возмущался я.

– Это было задумано как литературно-публицистическая статья, а не как воспоминания, записки или мемуары. Если он будет только биографичен – вот я, Пушкин, камер-юнкер, и об этом пишу, – то многое должно было бы измениться. Например, не осталось бы такой подтекстовой иронии над самим собой, а там её много. Какой это путешественник? Сидел пятнадцать лет дома, в Москве, потом узнал, что проложили новое шоссе в Петербург, и поехал его посмотреть, а посмотрев, удивился. Он относительно добродетельный; не бог весть какого ума, но и не глуп; интересуется литературой, стихосложением, почитывает Радищева и, вообще, не такой простачок, каким кажется на первый взгляд; у него, конечно, средний уровень представления обо всем – поэтому читателю легко его обойти, подняться в чем-то выше уровня его суждений... Невольно увлекаешься, попадаешь в ловушку и начинаешь думать: «Вот ведь, даже Александр Сергеевич этого не увидел, такого не заметил, этого не знал, а здесь он вон какой нехороший...» Но это все-таки не Пушкин, а лишь его герой...

– Так, значит, и книгу Радищева Пушкин читает не впервые? – спросил я Валентину Федоровну, уже совсем разочарованный крахом своих литературных «открытий».

– Да это «путешествующий» открыл её впервые! А сам Александр Сергеевич её знал досконально. Не было образованного человека в то время, кто бы не читал эту книгу. Такой человек просто бы перестал себя уважать. Радищев был, в какой-то степени, совестью своего века. Можно было в чем-то с ним не соглашаться, спорить, но не знать эту книгу было бы для образованного человека позором.

– То-то меня несколько смутил тон, каким Пушкин пишет о Радищеве, – признался я Валентине Федоровне. – Ругает его... Постоянно недоволен... Цензуры требует...

– Это опять-таки говорит не Пушкин, а его путешественник. Конечно, сам Александр Сергеевич тоже не согласен с некоторыми представлениями Радищева. Например, с тем, что он полагался на революцию, считая, что только она может изменить мир к лучшему. Пушкин, живший в повзрослевшем на полвека мире, пережив французскую революцию, полагается больше на просвещение, на мирную реформу общества. И не один Пушкин так думал. Людей отчаянно революционных было не так уж много, потому что люди видели плоды революции во Франции, знали, что такое гильотина, и понимали, что человек после революции не стал счастливее. Если бы у Пушкина эта статья была дописана до конца, то, любопытно, к каким выводам он привел бы своего путешественника? И как бы он сумел соединить эти две присутствующие у него линии – своего героя и самого себя, Пушкина, который находится постоянно в дороге? Недаром ему однажды сказали: «Пушкин, вы живете на большой дороге». Он двадцать семь раз проехал через Торжок!

– Но многие, – говорил я Валентине Федоровне в свое оправдание, – определенно считают, что это и есть Пушкин, и полностью соглашаются с теми оценками, которые он дает Радищеву.

– Всё гораздо сложнее. Представьте, что с тех пор как Радищев запрещен, прошло полвека, выросли два поколения, которые Радищева не читали. Поэтому Пушкин находит способ вернуть его читателям. Посмотрите, сколько он его цитирует. Надо внимательно перечитать

статью и постараться понять, как всё здесь непросто. Я думаю, что именно потому, что так все непросто, Пушкин и не дописал её до конца. Поднять руку на Радищева и постараться его уничтожить – это не бог весть какое достоинство, и для Пушкина, я думаю, не было бы подвигом. Никто, собственно, этого не сделал никогда. Радищев мог в чем-то ошибаться, высказываться слишком восторженно, выпренно, но ему нельзя отказать в человеческом подвиге. Он выстрадал себя, и это надо понимать, когда мы оглядываемся назад. Мы очень самонадеянно судим всех: этот понял, этот не до конца, а этот не понял совсем... И Радищев, и Пушкин жили в свой век, и оба ненавидели рабство. Слава Богу, это была святая ненависть. Но кто сегодня скажет, что он любит рабство? Радищев был особо почитаем во времена Советской власти, но сама эта власть загнала крестьянина в еще большее рабство. Лишили документов, права передвижения, выезда... А сейчас? Во все времена человек находился в поиске правды. И каждое поколение, в каждом столетии, ведет свой поиск, в поте лица, в страданиях и утратах. И может быть, когда-нибудь кто-нибудь отыщет эту правду на своем пути, может быть, на этой самой дороге... Но всё равно придут новые поколения и вновь будут искать...

- Александр Сергеевич, – продолжала рассказывать Валентина Федоровна, – на эту статью делает три захода. Три раза берется за нее с интервалом в полтора года. Это хитрая статья, и понять её до конца никто не может. По поводу этого очерка есть специальные работы, и они тоже неуверенные, хотя их пишут люди с именами. Каждый пытается по-своему осмыслить, и мы не вправе в этом никому отказать. Но мне так и не понятно, что заставило Пушкина положить эту статью в стол? В ней так много чего-то страдальческого, личного, невысказанного, того, чего он так и не дописал... Он так и не «доехал» до Петербурга и остановил своего путешествующего здесь, неподалеку, в Вышнем Волочке...

Я покидал Валентину Федоровну в восторге и смятении. Как быть дальше? Кажется, что все мои представления разрушены, как и разрушена конструкция книги: тот, кого я считал Пушкиным, оказался им лишь отчасти, и остается только гадать, каково соотношение в том или ином эпизоде, сюжете, высказывании между Пушкиным и его героем. А сам Александр Сергеевич – тоже хорош... «Ловушки» всякие. Теперь, что же, все переписывать с начала, с объяснениями и дополнениями? Делать вид, что всё знал заранее: и про «путешествующего», и про книгу Радищева?..

Нет. Пусть уж все остается как есть. Поедем дальше по дороге в Санкт-Петербург, уже зная, что здесь Александр Сергеевич не просто проезжал много раз, а буквально жил, искал свою правду, уединяясь в этих краях. Он скрывался от столицы, от бомонда и суеты, от той России, которая, по нашей книге, заканчивается в Черной Грязи, – в другую, которую старался понять, которую любил, восхищался, ненавидел, от которой бежал, но вновь и вновь возвращался.

«Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство», – писал Пушкин в сердцах своему другу Вяземскому. Не это ли эталон патриотизма? Нашего патриотизма! Он и похоронить себя велел не там, где почитаем, известен и любим, не в столичном пантеоне российской славы и величия, а здесь, в России, которой еще не знаком, не ведом.

Из письма С.Н.Карамзиной:

«...вечером мы ходили на панихиду по нашему бедному Пушкине. Трогательно было видеть толпу, которая стремилась поклониться его телу. В этот день, говорят, там перебивало более двадцати тысяч человек: чиновники, офицеры, купцы, все в благоговейном молчании, с умилением, особенно отрадным для его друзей...

...В понедельник, в день похорон, т.е. отпевания, собралась несметная толпа, желавшая на нем присутствовать, целые департаменты просили разрешения не работать, чтобы иметь возможность пойти помолиться, все члены Академии, художники, студенты университета, все русские актеры...

...Вся площадь была запружена огромной толпой, которая устремила в церковь, едва только кончилось богослужение и открыли двери; и ссорились, давили друг друга, чтобы нести гроб в подвал, где он должен был оставаться, пока его не повезут в деревню...»

Из дневника А.В.Никитенко:

«...Это были действительно народные похороны. Все, что сколько-нибудь читает и мыслит в Петербурге, – все стеклось к церкви, где отпевали поэта. Это происходило в Конюшенной. Площадь была усеяна экипажами и публикою, но среди последней ни одного тулупа или зипуна. Церковь была наполнена знатью...»

Но вот что пишет в дневнике все тот же Никитенко:

«...Дня через три после отпевания, Пушкина увезли тайком в его деревню. Жена моя возвращалась из Могилева и на одной станции, неподалеку от Петербурга увидела простую телегу, на телеге солому, под соломой гроб, обернутый рогожею. Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы скорее перепрячь курьерских лошадей и скакать дальше с гробом.

– Что это такое? – спросила моя жена у одного из находившихся здесь крестьян.

– А бог его знает что! Вишь, какой-то Пушкин убит – и его мчат на почтовых в рогоже и соломе, прости господи – как собаку».

Желая быть похороненным в сельской глуши, в российской провинции, Пушкин как бы показывает, где его Россия и с кем он до

скончания века. Но и нам всем, и самой России он гробом своим тоже подсказывает: где надо быть и в чем искать свое Продолжение.

* * *

Село Прúтня находится недалеко от Торжка, примерно в пяти километрах в стороне от трассы. А знаменита Прутня тем, что здесь покоится прах Анны Петровны Керн. Не знаю, кем была она для Пушкина – подругой, любовницей, просто временным увлечением, но только известно, что именно ей поэт посвятил такие строки, которые знает у нас каждый с раннего возраста. И если она вызвала у Александра Сергеевича такое вдохновение, то, видимо, чего-то стоила. Там ведь было не только «чудное мгновенье», но и более сложные отношения, отраженные в пушкинских письмах. Когда умерла А.П.Керн, ей было уже почти восемьдесят. Ее везли хоронить в свое имение, но по каким-то причинам, кажется из-за распутицы, не довезли и похоронили в Прутне. Могила Анны Керн находится на старом погосте у церкви, которая вот уже несколько лет, как вновь открыта для прихожан. На ограде, перед входом в церковь, вполне земное объявление:

Уважаемые новоторы и гости!

Пожалуйста, будьте милостивы к усопшим и красоте здешних мест.

Около храма не гуляйте с собаками,
не сорите, не пьянствуйте, не нарушайте покой.
Да хранит вас Господь Бог.

Когда я подошел к могиле, ни рядом, ни вокруг не было ни одной живой души. Была поразительная тишина. На могиле простая каменная глыба, на которой начертаны дата рождения и смерти – 1800–1879, и все те же пушкинские строки:

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...*

Я обошел церковь и направился обратно к трассе. Немного проехав, заметил одинокую старушку, которая шла в ту же сторону. Остановился: думаю, дай-ка подвезу её. Авось расскажет об А.П.Керн.

– Народу бывает очень много, – говорит старушка. – Приезжают на могилу посмотреть, где она похоронена. Даже с больших городов приезжают. Приходит много молодоженов. Их расписывают по пятницам и субботам, и вот они приезжают всей свадьбой сюда.

– Почему же они сюда приезжают? – удивился я.

– А больше им некуда ехать. Они приезжают к Анне Керн, кладут цветы, вынимают бутылки, закуску, раскладывают на лавочке и выпивают. Выпили, закусили, на Анне Керн побыли и поехали. Вот и всё. Им больше некуда ехать. Конечно, батюшка очень возмущается. Их ведь очень много приезжает, и они здесь смеются, шумят, бутылки бросают, фантиками сорят... А нам ведь всё это надо потом убирать. Это же кладбище...

Мы уже подъехали к месту, куда следовала старушка, и я лишь успел спросить, как ее зовут.

– Бабушка Нина, – добродушно ответила она и, прощаясь, сказала мне: «Спаси вас, Господи!»

Необычно попрощалась. А впрочем, почему необычно? Ведь я подвез её не для того, чтобы помочь, а только потому, что хотел, чтобы она сама помогла мне: рассказала про Анну Петровну Керн... Кому же, как не мне, надо спастись?

Выдропужск

Автомашины проносятся мимо этого селения и даже немного над ним, потому что трасса здесь проходит по мосту через Тверцу. Успеваешь заметить лишь серые крыши однообразных ветхих изб да слева от дороги церковь – единственный светлый образ на унылом пейзаже села. Проезжающий путник с Выдропужском даже не соприкоснется. Так, глянет направо, налево, если в первый раз – обратит внимание на странное название, а через минуту его ждёт уже новый пейзаж, навевающий иные ассоциации...

Название этого селения тоже будто бы связано с Екатериной Великой, которая останавливалась здесь в специально для неё возведенных постройках. Их развалины можно увидеть на подъезде к селу. Вроде бы императрица, прогуливаясь здесь по берегу Тверцы, вспугнула выдру, до этого спокойно обитавшую в тихой заводи. Выдрет – без разницы, кто её вспугнул: императрица или пастух. Прыг в воду – и ушла на глубину, а для людей – все наоборот. И потому этот едва уловимый для выдры и монаршего величества миг местной округой был воспринят как знаменательное историческое событие, стоящее того, чтобы сменить прежнее название Выдобожеск на новое – Выдропужск. Так это было или нет, сейчас уже никто точно не знает, но история достойная и гораздо привлекательнее всех научных версий.

Вообще, проехав уже больше трети пути в Санкт-Петербург, я убедился, что в этих придорожных селениях нет исторической личности более известной и почитаемой, чем Екатерина Вторая. Ее, побывавшую здесь более двухсот лет назад, помнит, кажется, стар и мал, и название едва ли не каждого населенного пункта связывают с её именем. Вот что значит для народа нашего, если вдруг рядом с ним однажды проедет матушка-императрица!

А пока мы сворачиваем с шоссе и оказываемся посреди села.

Увидав двух старушек, я направился к ним, чтобы узнать, где находится местная библиотека. Мне ответили, что таковой здесь

нет. Спрашиваю о старых постройках. Отвечают, что у них все постройки старые. Пытаюсь узнать о Радищеве, говорят, что такой здесь не живет.

– Может, вы и Пушкина не знаете? – спрашиваю с упреком.

– Этого знаем. Кто ж Пушкина не знает? Но они ведь все раньше жили. Давно. Вам надо у старых людей спросить, – говорит одна из старушек. А вторая посоветовала идти в администрацию, к начальству:

– Оно, начальство, всё знает.

Прежде чем идти к начальству и вести с ним разговор о нынешней жизни Выдропужска, раскроем книгу, подаренную Валентиной Федоровной Кашковой.

«Выдропужск был одним из древних поселений на Тверце, он входил в Бежецкую пятину Новгородской феодальной республики. В летописных источниках XIII – XV веков он именуется селом Выдобожск. (Или Выдобожеск в другом написании.)

...Выдропужск был крупным ямом и торговой пристанью на судоходной реке. Его значение увеличилось с введением в строй Вышневолоцкой системы. В первой трети XIX века за одну навигацию через

Выдропужск прогоняли до 9-10 тысяч судов. Ежегодно здесь проходила богатая Ивановская ярмарка, на которой главными предметами торговли были лес, бондарные, шорные изделия».

Вот, оказывается, что здесь было. А ведь, глядя на старушек, не подумаешь.

В администрации Выдропужска я познакомился с руководством села, состоящим из главы администрации Галины Егоровны, ее заместителя Ларисы Васильевны и главного бухгалтера Натальи Михайловны. Из разговора с ними мне удалось составить некоторое представление о сегодняшнем Выдропужске.

Ничего особенного здесь нет. Основа основ в этих краях было и остается сельское хозяйство. Выращивают зерно, картофель, овощи, пасут скот. Концентрировалось все это производство, а вместе с ним и прочая сельская жизнь, в колхозе под названием *«Свободный Путь»*. С распадом Союза и очередным началом очередных реформ *«Свободный Путь»* был реорганизован в Акционерное Общество. С тех пор это «общество» живет в долг и государству, и своим акционерам, зарплату которым не платит уже месяцев пять. Цена за продукцию хозяйства очень низкая и не идет ни в какое сравнение с ценами на промышленные товары. Поэтому, чтобы купить запчасть для трактора, приходится продавать большое количество сельхозпродуктов, молока например, что очень невыгодно. Из-за этого в хозяйстве с 1992 года не куплено ни одного трактора, ни одной машины, а вся механизация проводится за счет старого парка. Зарплата в Акционерном обществе – от пятисот до семисот тысяч, что по здешним меркам не так уж и мало. Но беда в том, что её не платят. В Выдропужске сейчас проживают семьсот пятьдесят жителей, каждый третий из которых пенсионер. Их судьба является самой главной проблемой администрации.

– Вот сейчас, – рассказывает Лариса Васильевна, – должны выплачивать пенсии за август. Как быть, если большинство живет на одну пенсию? Представляете, какое положение у стариков? Есть примеры, когда они не покупают даже хлеб. Живут только на картошке и молоке, которые берут в долг под залог своей будущей мизерной пенсии. Есть, конечно, такие, которые живут нормально. У них еще

хватает сил держать хозяйство, хотя после шестидесяти это очень трудно. Они продают что-нибудь и таким образом зарабатывают на хлеб. Но большинство живут очень бедно. Начиная с апреля и до октября в Выдропужск приезжают семьи из Москвы и Санкт-Петербурга. Ведут они примерно сто тридцать хозяйств. Не просто отдыхают, а выращивают картошку, капусту, огурцы, словом, запасаются впрок, на зимний период. А свои квартиры, на это время, сдают в аренду. Столичные люди, своевременно получающие зарплату и пенсию, страшно удивляются, как это мы тут живем без денег.

Я рассказал о посещении Медного, о том, что и там тяжело старикам, у которых, вдобавок ко всему, нет бани.

– В Выдропужске бани есть почти у всех, – включилась в разговор Галина Егоровна. – Там у людей нет домашних бань, потому что имелась общественная. А у нас общественной бани, слава богу, не было никогда, и поэтому все как-то сами приспособились. А иначе просто кошмар. У меня сватья ездила летом в Краснодарский край, в казачью станицу к матери, так там бань никаких нет – ни домашних, ни общественных. Закрыты и не работают. И они всей станицей моются таким образом: «нужные места» помогут – и всё.

– У нас создается впечатление, – продолжает Галина Егоровна, – что эти люди никому не нужны. Мы в администрации чувствуем себя угнетенно. Приходят старики: пенсию не платят, есть нечего, одеться не во что, а ведь это все бывшие колхозники, которые восстанавливали хозяйство, прожили в самые трудные годы и которые – плохо ли, хорошо ли – всех нас кормили. Теперь от них отказались. Приходит такой человек, а мы не знаем, как ему помочь, чем обнадеежить.

Администрация Выдропужска состоит практически из двух крепких российских женщин, которым под пятьдесят и которые оказались между людьми «снизу» и... неизвестно чем «сверху». Бывший колхоз-миллионер, как стал акционерным обществом, от проблем села сразу же отвернулся, переложил так называемую «социальную сферу» на администрацию. И вот эта администрация крутится, как может: в одном месте водопровод лопнул, в другом колонка испортилась, в третьем колодец засорился, или насос на водонапорной башне сгорел, или уличное освещение погасло, да еще

много чего на селе бывает. А люди-то немощные, чуть что – сразу бегут сюда, к начальству, а начальство – такое же немощное, только бежать ему уже некуда: выше его здесь никого нет. Не их ли имеют в виду политологи наши, когда говорят о «региональной элите»?

Как решают проблемы? Очень просто. Берут пару бутылок водки и бегут в бывший «Свободный путь», там ищут вань, федек, васьков, а уже те с радостью соглашаются помочь в чем угодно. Колхоз хоть и перестал быть колхозом, а путь наш как был свободным, так свободным и остался. Так что за бутылку готовы и свет исправить, и колодец отремонтировать, и черта с рогами привести.

– Ребята там все хорошие, – говорит Галина Егоровна, – но зарплату не получают, а выпить-то надо. Вот и получается у нас сотрудничество на рыночных отношениях.

Сама Галина Егоровна получает двести пятьдесят тысяч рублей в месяц. Со всеми накрутками получается на сто тысяч больше. Муж ее работает на все том же АО и с мая зарплату не получает. Так что живут на одну зарплату.

– Идем на рынок в Спирово, он у нас там находится, с сумкой подмышкой, да бывает, что так пустыми и возвращаемся. Там сосиски, сардельки, колбасы, а денег на них нет, – жалуется Галина Егоровна. – А ведь надо еще и поприличнее одеться, всё же глава администрации, люди приходят. И подрабатывать мы не можем. Как-то не к лицу, вроде начальство. Да и некогда особенно.

– А что с молодежью, каково им здесь? – спрашиваю у выдропужского начальства, имея в виду тему, которую затронул офицер в клинском военкомате.

– Молодежь работает, – отвечает Лариса Васильевна, – старается как-то заработать. А работают кто где. Когда колхоз реорганизовали, многие ушли искать деньги на стороне. Есть у нас школа. Девяносто учеников, с первого по одиннадцатый класс. Учителя есть. Коллектив укомплектован. В прошлом году один наш мальчик поступил в Тверской университет, две девочки – в педагогический колледж в Торжке (где преподает Валентина Федоровна – авт.), одна девочка поступила в политехнический техникум в том же Торжке.

Лариса Васильевна говорила об этих ребятах с гордостью и радостью – за них и за весь Выдропужск. А представьте, жители преуспевающей Москвы, что означал бы для вашего ребенка педагогический колледж в Торжке или там же – политехнический техникум?..

– А вот в армии служат сейчас мало. Не знаю, с чем это связано, – говорит тихо и взволнованно Лариса Васильевна, – но из восьми призывников 1979 года к воинской службе не пригоден ни один. По умственному соображению. Раньше по пять, шесть, восемь ребят служило, а теперь вот в армию никто не годится...

Я спросил о политике. Интересуются ли ею люди? Как прошли выборы и, вообще, что будет здесь дальше?

– У нас, – рассказывает Лариса Васильевна, – в сельском округе на выборах прошел Ельцин. За него голосовали, надеясь, что многое изменится. Он ведь обещал и зарплату, и пенсию, а старики у нас такие, что если обещает начальник, то в это верят. И пропаганда сказала. На Ельцина ведь все работало. Вплоть до того, говорят, что ездила по стране огромная армия артистов и агитировала за него. А получали за это тысячи долларов и миллионы рублей. Наверное, какая-то доля правды есть. Не за просто так же они ездили от Москвы до Владивостока? Вот так они все вместе людей и обманули...

Собственной газеты в Выдропужске нет. Все местные новости печатаются в газете *«Спировские известия»*, которая выходит два раза в неделю. Получают здесь и тверскую областную газету. Центральную прессу практически никто не читает.

Я попросил дать мне любые номера *«Спировских известий»*, поблагодарил собеседниц за разговор и, по их же рекомендации, направился в школу, отстоящую от администрации метрах в ста. Дело в том, что в школе расположен музей этого села.

Первым делом я отыскал директора школы – Ольгу Алексеевну, деловую, энергичную и яркую женщину, организующую всю работу сельской школы, а уже она представила меня заведующей музеем. Оставив нас, директор умчалась решать какие-то неотложные школьные дела.

Заведующая музеем – Валентина Николаевна, невысокого роста с короткой стрижкой пожилая женщина с поразительно добрыми глазами и тихим ровным голосом. Руки не по годам сильные. Не по годам и не по профессии. Сам музей очень небольшой: занимает всего одну комнату, видимо бывший класс. Но в нем уместилась вся история Выдропужска с древнейших времен. Здесь тихо, чисто, светло, на полу постелены коврики. По всему видно, что музеем дорожат, что это не бутафория и не витрина.

Вот самое начало выдропужской истории, связанное с Новгородской феодальной республикой; выдержки из различных исторических работ; упоминание о Льве Толстом, Салтыкове-Щедрине, Белинском – все они, как и Радищев с Пушкиным, проезжая из одной столицы в другую, не могли миновать Выдропужск. Останавливались здесь, меняли лошадей и двигались дальше.

Похоронен в Выдропужске русский языковед член-корреспондент Академии Наук Петр Алексеевич Лавровский (1827-1886). Ему посвящен специальный стенд. Упоминается, что он ученик и последователь И.И.Срезневского. Кто сейчас помнит эти имена? Здесь же старинная одежда: подвенечное платье и старинные туфельки, которые когда-то одевала невеста; рядом – демисезонное пальто с плеча господина, некогда проживавшего в селе, и тут же старинные ботинки с галошами. Целый угол отведен предметам быта: валдайские колокольчики, старинный самовар и его современник – утюг, разогревающийся у печки, и еще один утюг, «работающий» на углях; вот керогазы – спутники жизни многих поколений, совок для круп, сахарного песка и прочих сыпучих продуктов; рядом скалка, которой при стирке катали белье, и специальная деревянная колодка для сапожного ремесла; здесь же старые горшки, в которых некогда варились деревенские щи и каши; возле них – прялка с куделью и специальная мялка, которой женщины мяли лен; вот умывальник, которым когда-то пользовались жители села, да и сейчас он пригоден – воды налил и умывайся; вот плетёный лопаточник, в который кладут брусок, чтобы безопасно наточить косу, и здесь же старинные лопаты; а вот старинный дорожный сундук, сделанный из прутьев, рядом – сумка, лампада, старое зеркало; вот косарь, которым щипали лучину при

растопке печи, и тут же специальные щипцы, чтобы обрывать огарки, когда стелят лучину...

Экспозиция украшена вышитыми салфетками, красивыми скатертями и аккуратно выставлена в углу музея, оформленного под старинную русскую избу. Все это кому-то может показаться лишь кучей хлама, но здесь – это часть истории, и не только Выдропужска. И, между прочим, пока я осматривал музей, появились еще два экспоната: монету XVII века принес завхоз школы, а гильзу от крупнокалиберного пулемета времен Великой Отечественной войны передал Валентине Николаевне один из учеников.

Далее на стендах представлен период Октябрьской революции. Здесь и первые активисты села, и оригинальные документы: трудовые книжки, «Книга по сбору товара и платежам», планы посевов. Среди экспонатов – пресса тех лет: *«Крестьянская газета»*, с заголовком «Победная поступь революции», рядом – *«Известия солдатских и рабочих депутатов»*, а вот передовица из местной газеты тридцатых годов, под заголовком «Выдропужский сельсовет накануне сева». Читаем: «В связи с задачами, поставленными XVIII съездом перед сельским хозяйством в области повышения урожайности и организационно-хозяйственного укрепления колхозов, – неизмеримо возрастает организующая роль сельских советов». Вот номер газеты *«Выдропужская Новь»*. Сейчас такой газеты уже нет. Сейчас вообще нет никакой...

Все экспонаты выставлены на специальных небольших стеллажах, под стеклом. Здесь же ордена, медали, чей-то мандат, записная книжка, еще какие-то документы. Рядом стоит старинный граммофон. Под стеклом – военная фуражка и парадный офицерский мундир при всех регалиях. Это форма бывшего ученика школы А.Ф.Райкова, который очень помог при создании музея. Его уже нет, а форма хранится и как память о нем, и как достойный экспонат. Далее идет стенд под названием «Четыре года, опаленные войной». Здесь представлены герои-фронтовики, защищавшие большую Родину – СССР и малую – родной Выдропужск. И защитили! Не пустили фашиста сюда, хоть и был он совсем рядом. И может, Николай Загорский, в одиночку пять часов сдерживавший под Воронежом врага,

это самое время и отыграл. Ценой своей жизни. Кто-то пять часов сдерживал, кто-то шесть, кто-то два, а кто-то всего минуту продержался или даже того меньше. За минуты и часы – отдавали жизни. Так сложились цифры: с одной стороны – четыре года, с другой – двадцать семь миллионов...

Н.И.Загорский, Ю.А.Синицын, А.Ф.Райков, Н.А.Морозов, М.В.Малышев, В.С.Сергеев, С.Г.Бровцев – всем им посвящены стенды, обо всех помнят, всех чтут. На фотографиях они гордые, мужественные, непобежденные, уверенные в будущем и своего села, которое защитили, и страны, которую спасли.

В оккупации Выдропужск не был, но его бомбила фашистская авиация. И одна семья даже погибла. Валентина Николаевна рассказала, как не стало Косаревых:

– Вечером тетя Маня получила похоронку. Такое горе, все плакали, рыдали, потом все же легли спать. У нее в доме свекровь и две девочки были: одной девять лет, другая еще грудная. А ночью – налет и точно в их дом попала бомба. Вот как бывает! Днем – похоронка, ночью – бомба! Бабушка спала у печки, а девочки на кровати, с матерью. Все погибли, кроме девятилетней девочки. Как она сохранилась? – Неведомо никому.

Далее в музее представлены герои «трудового фронта», которые работали здесь в колхозе, восстанавливали хозяйство. Вот на специальном стенде знаменитая на всю страну ткачиха Валентина Гаганова. Она тоже из этих мест. Когда-то жила и работала здесь, неподалеку. Сейчас на пенсии, слава Богу жива, здорова. А вот бессменного председателя колхоза М.С.Зайкова уже нет в живых, но его здесь помнят.

Последний стенд – уже о наших днях. Он рассказывает о семье здешних фермеров Сергеевых.

– Сейчас похвастать Выдропужску нечем, – тихо, с сожалением говорит Валентина Николаевна. – Как реорганизовали колхоз, так... короче, развал. А вот у Сергеевых есть чему поучиться. Они и свои семьи обеспечивают, и государству от них выгода. Живут недалеко, в небольшой деревушке.

– А почему все не могут так жить, как эти Сергеевы? – спрашиваю у Валентины Николаевны.

– С детства не приучены к труду. А вот они приучены. С самого малого возраста. Они как кроты. Саша Сергеев учился в нашей школе, и, когда её закончил, мы очень переживали, потому что у нас не осталось пахаря. Всю картошку на пришкольном участке сажал и обрабатывал он. В пятом классе мальчишка учился и уже владел техникой вспашки земли! Сам и перепаживал, и окучивал – все делал. Такая вот у них семья.

– Одна на всю деревню?

– Да не одна... Но большинство привыкло приспособливаться или под чьей-то командой работать, а у Сергеевых очень рано самостоятельность проявилась. У них и трактор, и машина, и, когда директор школы попросит – они помогают, ни в чем не отказывают. Осенью надо выкапывать картошку, они обращаются в школу за помощью, и ученики помогают, а те хорошо платят. Это нам нужно для организации питания в нашей столовой... А вы разве не согласны, что люди несамостоятельны, потому что привыкли или приспособливаться, или жить под чьей-то командой? – спросила Валентина Николаевна.

Согласен, согласен, да только что же с нами такими теперь делать?!

А кто же сама Валентина Николаевна? Как ей удалось создать краеведческий музей? Может, она нераскрывшийся в свое время талант, несостоявшийся выдающийся историк, сельский гуманитарный Кулибин?

Вовсе нет. Родилась в этих краях, в одной из деревень Ржевского района, в крестьянской семье. Когда началась война, отец и брат пошли на фронт. Деревня оказалась в оккупации, и тогда матери удалось перевезти семью в Выдропужск, где со временем купили дом. Благодаря, кстати, корове.

– Мать пригнала ее сюда пешком, – рассказывает Валентина Николаевна, – и от этой коровы вырастили телочку. Хорошая была телочка, но мы поменялись с родственницей на корову, которая уже три года была яловой...

– А что значит, *яловая*? – спрашиваю.

– Ну, значит, не стельная.

– А это как?

– Не стельная – значит не огульная, не родит, значит... И вот эту корову зарезали на мясо и продали, а самую первую корову тоже продали и купили дом, в котором я сейчас и живу. Родители уже умерли. С мужем я давно разошлась и живу одна. У меня есть куры, кошка, небольшой участок, обрабатываю его сама. Есть у меня дочь в Ростове, внуки.

Валентина Николаевна не успела окончить институт, потому что появился ребенок и начали хворать родители. Здесь, в школе, работала до 1981 года учителем русского языка и литературы. Потом ушла на пенсию, но ее попросили поработать библиотекарем.

– Люблю старину собирать, всё беречь, складывать: думаю, пригодится, – признается Валентина Николаевна. – Так с 1985 года я стала заведующим музеем. Школьники наши его очень любят, приносят экспонаты, документы. У нас при школе есть и краеведческий кружок.

Итак, крохотный музей в сельской школе. Организован учительницей-пенсионеркой при участии учеников, учителей и многих жителей Выдропужска. Не вся история здесь, но то, что есть, – это история. Вот она перед глазами, рядом. Все эпохи друг с другом уживаются. И никто здесь со своим прошлым не воюет, потому что это своя история и её непрерывность здесь очевидна. Это то, чего нет в Рос-

сии, где из-за невежества, жестокости и дураковатости воюют между собой все её персонажи, все события – далекие, близкие, сегодняшние и, кажется, даже завтрашние. От этого поднимается над страной невообразимый шум и несмолкаемый гвалт, состоящий из какофонии скрещивающихся звуков: шипящих – от суетливых расшаркиваний; пульсирующих – от захлебывающихся восторгов; колющих – от возни за право потакать первому; ноющих – от апокалиптических прогнозов... А добавьте сюда звучание средних – скрежет гусениц; высоких – визг реактивных установок и низких – хлопки минометов... Эту бесформенную желтую и ядовитую звуковую жидкость – ежечасно льёт на нас наш всепобеждающий государственный оркестр. Посчитайте, сколько желающих им подирижировать!

Какая может быть история, когда всё вовлечено в орбиту сиюминутных переживаний и душенастроений, все бурлит, колышется и поднимается к алтарю Повседневности? Здесь не только Сталин, после которого уже прошло почти полвека, не только Ленин, который жил сто лет(!) назад, но и все наши государи, реформаторы, императоры и прочие.... Повесь у нас на видном месте, скажем на Красной площади, портрет Александра Македонского – сразу начнут гадать: к чему бы это? почему Александр? почему именно он? почему не наш?.. А далее включатся аналитики, политологи, обозреватели, обязательно артисты и журналисты, писатели и поэты... Станут спорить и выяснять: отчего Македонский, а не, скажем, Юлий Цезарь или Тутанхамон? И будут объяснять, в чем, собственно, дело, и с помощью телевидения втянут нас в дискуссию, а тогда уже каждый отыщет в этом самые различные предлоги и поводы, намеки и предупреждения... Найдется такой, кто усмотрит в этом явную угрозу целостности и единству, а другой – диктаторские замашки и имперские намерения; и тогда разделится страна на две части, а потом появится еще и третья часть – какая-нибудь партия «здорового смысла», которая будет говорить оставшимся двум, что нет ничего страшного в том, что Македонский, просто других портретов не было, а надо было чем-то украсить фасад, и те, кто вешал портрет, даже не знали, кто это такой. Но кто же поверит у нас, что можно вот так запросто, без всякого тайного умысла, без цели и без причин, – взять да и повесить на

Красной площади чей-то портрет? Да ладно бы чей-то, какого-нибудь поэта или писателя, а тут – Александра Македонского! Впрочем, и портрет писателя попробуйте-ка на видное место повесить.

– Почему это вы, уважаемый, перечисляя собирателей земли Русской, не упомянули Ивана Калиту? – вопрошает бородатый тип с третьего ряда во время одной литературоведческой лекции.

– Так он же потопил в крови Тверь. Нас там не поймут, – отвечают из президиума.

– Объясним, что так надо было Державе, – поймут!

– Но, товарищи...

– Тамбовский волк тебе «товарищ», морда твоя жидовская.

И началось, и поехало...

Только один портрет можно у нас вывешивать, только одно лицо и один образ – того, кто на сегодняшний день, час, минуту – наиглавнейший начальник. Все другие образы – опасны. Могут возникнуть катаклизмы, вплоть до полного уничтожения нации ее же представителями. А будет висеть нынешний, то одни будут плевать, другие кланяться, третьи равнодушно проходить мимо, но вопроса – почему висит? – уже не возникнет.

А в Выдропужске, в школьном музее – не так. Там всё во славу этого села, всё священо и миролюбиво. В маленьком селе знают, что такое история, а в большой России – нет. И не хотят знать.

Пока мы вместе с Валентиной Николаевной осматривали музей, вернулась директор и рассказала о своих школьных заботах. Они такие же, как везде: организовать учебный процесс, найти и удержать преподавателей, отремонтировать учебные классы, накормить учеников, наконец, подготовить сельских детей к будущей учебе в городе. Последнее, по словам Ольги Алексеевны, самое трудное, потому что, воспитанные в относительно мягкой сельской среде и попавшие в город, ученики теряются и к жестким правилам привыкают с большим трудом. Важную роль директор отводит школьным обедам. Питаются все девяносто три ученика, все преподаватели и технический персонал. Не обижают никого, и Ольга Алексеевна считает такую кормежку важнейшей составной частью учебного процесса:

– Как же спрашивать с людей – учеников или учителей, – если они голодные? Вот сегодня, что у нас: салат, затем, на первое, щи с мясом; на второе пюре или рисовая каша; на третье – компот из свежих фруктов. Стоимость такого обеда 10 тыс. рублей в месяц: это на сахар, чай и все такое, что бывает только в магазине. Остальное вырастили на своем пришкольном участке, а на мясо заработали в колхозе. Проработали там десять дней и выручили 547 килограммов мяса. Каждый килограмм на учете. Наши ученики и учителя сэкономили из родительских карманов 13,5 миллионов рублей. Поэтому, когда ученик обедает, он знает, что это не просто «дали», а им заработано. Мы с нашей оголтелой «гуманностью» навредили столько... Конечно, помогать детям из обездоленных семей мы должны, но поддерживать и ничего не требовать взамен – очень вредно.

– Вот я директор школы, – продолжает Ольга Алексеевна, – но у меня дома есть корова, поросята, телята и две кошки. Есть свой участок. А ведь у меня – двое детей. Но ничего, мы с мужем работаем, вместе это хозяйство ведем, не стеснясь и не стыдясь. А есть такие, которые привыкли ничего не делать и лишь стоят, смотрят на нас. Они и учиться толком не хотят, и не работают. Привыкли, что им все должны давать... У нас есть учительница, у неё три дочери, хозяйство, пожилая мама... А одна родительница ей заявляет: «Моей дочери нужны сапоги». Учительница отвечает, что и у неё тоже есть дети, и им тоже нужны сапоги. А та ей: «Так ведь вы же работаете». Учительница отвечает: «Так и ты пойдی работать, руки на селе нужны». А родительница ей говорит: «А куда я пойду? На ферму? Там тяжело и плохо»... Конечно, там не хорошо, но кто она: врач, учитель, агроном? Вот такое иждивенчество меня выбивает из колеи. Мы все делаем сами. И красим, и чистим, и моем... Все учителя и весь технический персонал, который получает по девяносто тысяч в месяц. И никто не бастует. Все работают, чтобы жить.

И действительно, в Выдропужске перед кем бастовать? Кому высказывать негодование? На кого обращать гнев и кому демонстрировать свою безысходность? Трем женщинам из администрации? Так они сами мучаются от беспомощности. Выйти на шоссе с плакатами? Но начальство на машинах тут не ездит, а

журналистов поблизости днём с огнём не сыщешь. А если даже и найдется кто-нибудь, напишет в газету – да кто же прочтет? Но если и прочтет – чем поможет? Таких выдропужсков – вся Россия! Вон, напротив Кремля ходят с транспарантами, чего-то кричат – и ничего, а тут... Здесь бастовать – курам на смех! Выход один – работать. Дискуссии о государственном устройстве, политическом строе и будущем – только на досуге, если, конечно, нельзя найти занятие полезнее. Все надежды только на себя, на свои руки, ноги, плечи, голову... Обустройство России на расстоянии вытянутой руки – главная программа и единственный рациональный смысл. Здесь опустить руки – значит превратиться в рухлядь, в никому не нужный телесный хлам. Все эти люди и так вычеркнуты государством из своего реестра. Они – не кость в горле государства нашего и даже не балласт, их вообще нет на политической карте. Выживут они или нет? И если выживут, то какими? Это зависит только от них самих. Счастье выдропужских детей, что здесь есть такие женщины. В городах доминируют совсем другие субъекты нашей жизни. Они тоже предоставлены сами себе, и их выбросило государство, походя бросив: «Свободны». Пусть же нынешние жизнеустроители и обслуживающие их властители дум не удивляются, не причитают и не заламывают руки, если вдруг обнаружат, что из выброшенных и ненужных все же некоторые выжили. Одни, без государства, вне ответственности и вне закона. И если стаи этих серых, обезличенных и оцетинившихся на весь мир волков возьмут за горло страну, то не останется ли вся надежда России в руках таких вот выдропужских школьников, с их маленьким музеем – добрым и беззащитным миром, который берегут их сельские учителя?

При выезде из Выдропужска на трассу можно увидеть скульптуру: молодая женщина, подняв руку вверх, пытается защитить мальчика. Это памятник из «пионерско-комсомольской тематики»... На первый взгляд.

Вышний Волочек

В главе «Тверь» мы упоминали о путешествиях на самолетах и поездах, предпочитая им автомобиль. О речном транспорте, самом древнем, вспомнили лишь мимоходом, в главе «Клин», узнав из газеты, что кто-то путешествует по нашему маршруту на яхте. А между тем были времена, когда иного транспорта и не было. Конечно, древний человек тоже мог махнуть на все рукой, выйти из стойбища и пойти куда глаза глядят. Но, даже если верхом на лошади, далеко ли мог уйти? Кругом болота, топи, непроходимые леса. А о том, чтобы с собой прихватить что-нибудь тяжелое, не могло быть и речи. Поэтому люди стали использовать естественные дороги – реки. Проблема только в лодке, а уж река сама всё за тебя сделает. Так появились первые водные пути и в Древней Руси. С её просторами, они играли исключительную роль. Кто не знает знаменитый речной путь *из Варяг в Греки*, вдоль которого возникли древнейшие русские города, включая Киев, Чернигов, Новгород?

Но вот в XI веке что-то недоброе произошло во взаимоотношениях Новгорода с Приднепровьем, и тогда основным поставщиком хлеба для новгородцев становится плодородное Владимиро-Суздальское ополье, а водный путь, связывавший Новгород с Волгой, оказывается важнейшим в экономическом отношении. Дело в том, что почвы и климат Великого Новгорода не позволяли выращивать хлеб в достаточном количестве, в то время как население Республики все увеличивалось.

Итак, сначала торговцы попадали из Волги в Тверцу. Затем поднимали ладьи на веслах и конной тягой к самому ее истоку. После этого надо было как-то перетащить ладьи на десятиверстное расстояние до реки Цны и уже по ее течению попасть в озеро Мстино. Потом из этого озера попадали в реку Мсту, которая, кокетливо виляя по новгородским землям, попадала в озеро Ильмень. Представляете, какой труд?! Сейчас даже историки не могут разобраться: кто, как и что здесь

волок. Известно только, что волокли в конкретном месте. И вот у этого места скапливалось множество разного люда, так что поселение здесь возникло само собой, и название – тоже.

Когда спустя несколько веков Петр Первый основал новую столицу, то для ее жизнеобеспечения примитивного волока было уже недостаточно. А мы знаем, что великие личности равнодушны к каналам. Поэтому Петр, как и подобает реформатору, решил вопрос кардинально: «Будем копать!» Вот тогда и началось здесь строительство каналов под личным контролем царя. Завершилось мероприятие лишь в начале XIX века созданием Вышневолоцкой водной коммуникации – великого российского водного пути, который, по утверждениям видных гидрологов, «огромностью и важностью своих средств и пользою превосходит все подобные в мире».

Сегодня Вышний Волочок сравнительно большой город. В нем проживают семьдесят пять тысяч жителей. Ровно в сто раз больше, чем в Выдропужске. Мне рассказывали, будто Петр хотел построить здесь уменьшенную копию Петербурга или нечто на то похожее. Во всяком случае, здесь есть очень красивые постройки, включая гостинный двор, наподобие питерского, только в Волочке не успели достроить второй

этаж. Отметим также и вышневолоцкий драматический театр, которому как раз в дни нашего путешествия исполняется ровно 100 лет. Мэром города, как мне сообщили, недавно избран молодой человек, с которым горожане связывают свои лучшие надежды. И действительно, новый мэр первым делом начал мести улицы, сделал косметический ремонт фасадов в центре города и добился, чтобы в срок выдавали зарплату работникам бюджетной сферы. Это уже немало.

Мэры таких вот городов становятся ключевыми фигурами в политике. Конечно, по телевизору и в центральной прессе еще мелькают политики столичные, но это потому что само телевидение – столичное, а еще – по инерции, по привычке. Получилось, что после крушения великих идей и всемирно-исторических целей нынешнее кремлевское начальство (оставаясь в сущности советским) вполне искренне не знает, чем бы заняться. Все основные проблемы нашей жизни уплыли в вышние волочки и вопиют именно здесь, поскольку подметать улицы, красить фасады, чинить канализацию, водопровод, убирать мусор и все прочее – надо не в Кремле, а там, где живут люди. При этом, как выяснилось, народ наш совсем не интересуется принципиальный для кремлевских политиков вопрос, кто именно эти улицы подмел – коммунист, демократ или вообще беспартийный.

Оказывается, это не имеет никакого значения, как и в случае если бы вас обокрали или, хуже того, ударили по голове: уверяю, вы бы в самую последнюю очередь стали интересоваться политическими взглядами вора или бандита. Если, конечно, вы психически здоровый человек. Сегодня провинциальные начальники если и смотрят на Москву, то больше как на субъект деятельности московского мэра, который отличается от всех прочих именно тем, что он – мэр столицы. Каким-то образом ему удалось добиться видимых улучшений жизни и быта москвичей на фоне ухудшения жизни и быта остальной России. Это традиционно возмутило всех остальных провинциальных начальников, но ненадолго, потому что, как бы там ни было, чтобы остаться у власти, что-то все же надо делать.

Говорят, что в Москве сосредоточены 80 процентов всей денежной массы страны, а сам московский мэр очень неразборчив в средствах для достижения целей, что он якобы не раздумывает особенно над тем, кто именно хочет чего-то куда-то вкладывать. Он им всем будто бы говорит: «Меня не волнует происхождение ваших капиталов, но только половину давайте на поликлинику или школу. Если же вы уж совсем бандиты – то давайте на кольцевую дорогу вокруг столицы, а там, когда построим, уже и черт не разберет».

Действительно, на гладком шоссе при хорошей скорости, кому в голову придет задумываться о происхождении денег на строительство того, по чему в данный момент едешь? В Германии и Гитлера добрым словом поминают: мол, бесноватый-бесноватый, а дороги построил! И, посмотрите, в то время как кремлевских начальников на каждом углу к месту и не к месту клянут, – в московских интеллигентских кругах всерьез обсуждается проект будущего памятника: с кепкой, без кепки, с футбольным мячом, с теннисной ракеткой, на лошади...

Постепенно провинциальные начальники, глядя на Москву, начинают этот опыт принимать как единственный в сложившейся ситуации. Конечно, здесь есть много вопросов, включая самые неприятные и скользкие, но ведь остаться у власти в городе только с помощью рекламной кампании и участия в молодежных дискотеках нельзя, это все-таки не выборы президента. И вот то из одного города, то из другого доносятся слухи о том, что там метут улицы и даже моют

их специальными машинами, чего уже давно не было. Народ доволен. Но недолго.

Через некоторое время начинается ропот: дескать, власти воруют, наглеют и безобразничают, а наводимая чистота лишь для отвода глаз, и с помощью таких дешевых трюков они делают вид, что о народе заботятся. Поэтому подметание и помывку города очень важно дополнять всевозможными покрасками фасадов, ремонтом скамеек в садах и парках, бочками с квасом в жаркие летние дни, а также плановыми праздничными мероприятиями и наличием футбольной (или хоккейной) команды. Самое же лучшее для начальника – обустройство дорог. Но это под силу лишь очень амбициозным руководителям, готовящимся войти в историю. Выше строительства дорог только рытье каналов, но это не актуально. Пока.

За улучшение жизни горожан надо браться сразу же после избрания, чтобы они почувствовали тенденцию. Затем, со ссылкой на разрушительные действия и саботаж сторонников прежней администрации, можно допустить временный спад подъема, после чего надо вновь активно приступить к дальнейшему улучшению, превращая его из тенденции в фактор. При этом не надо забывать о конкурентах. Их бесстыдство и наглая лож доходят в предвыборных кампаниях до немыслимых размеров и способны внести серьезные коррективы в благороднейшие планы.

Так, один из кандидатов в одном из городов пообещал в случае своего избрания построить в городе зоопарк и даже привез откуда-то первых питомцев: двух здоровенных волков и одну гадюку – других зверей обещали дать сразу после победы. Рейтинг кандидата вмиг поднялся на немыслимую высоту и угрожал всей местной иерархии. Тогда властями были подключены интеллектуалы, и кого-то даже выписали за большие деньги из Москвы. Этот «кто-то» привез с собой еще какого-то суперпрофессионала, игравшего ключевую роль в избирательной кампании одного из кандидатов в президенты. Этот суперпрофессионал сразу же предложил властям поддержать идею кандидата, но обратить внимание в общем-то мирного населения на то, с каких именно животных начинает свою деятельность возможный будущий мэр. «Да и животные ли это – волки с гадюками?» – ставился

вопрос. Пошли статьи, в которых план создания зоопарка в целом одобрялся, но начинать, по мнению властей, надо все-таки с животных благородных и мирных, типа жирафа или бегемота, но никак не с гадюк. И тогда народ засомневался, а рейтинг кандидата стал падать. После этого защитникам волков и змей (а нашлись и такие) объяснили, что этих невинных животных уже давно разыскивают соответствующие инстанции, следовательно, они краденые, а это уже совсем иной разговор. Словом, власть осталась у власти, но тема зоопарка в городе уже не затухает, и, видимо, его придется строить. Вот так, постепенно, с помощью демократических процедур, может улучшаться наша жизнь. И, кто знает, может, таким образом жители Медного получают наконец не только право на помывку в бане, но и возможность им пользоваться. Кстати, какова цена права, которым нельзя воспользоваться?

Вот какие мысли пришли мне, когда я проезжал мимо нового и роскошного здания городской вышневолоцкой администрации. Никаких музеев, библиотек и Домов культуры я здесь не искал, а побывал лишь в ресторане, с самой прозаической целью – поесть, да перед тем зашел в местный ЗАГС, находящийся через дорогу.

Все загсовские процедуры, в моем представлении, являются пережитком бюрократической глупости, которую дополнили еще и пустыми внешними эффектами вроде вальса Мендельсона. Как смешны и ужасны очереди из женихов при галстуках и невест в белых нарядах: сначала пару месяцев перед бракосочетанием, затем пару часов на самом бракосочетании. Вот они под заезженного Мендельсона идут к столу, выслушивают скучные казенные напутствия, надевают друг другу кольца и неуклюже расписываются: дескать, теперь всё можно... Затем фотограф делает семейный портрет с родителями и свидетелями, причем, посмотрите при случае – какие все сосредоточенные, серьезные. Потом женихи выносят на руках своих тяжеленных невест (уже жен) и куда-то их несут. Там их ждут друзья, товарищи и знакомые с шампанским и автомашинами, разукрашенными аляповатыми ленточками и цветочками. Помню, проходя мимо такого кортежа, я наблюдал трогательную картину: здоровенный детина, весь в наколках и с папирсой в зубах, привязывал голубенькими ленточками детскую куклу к капоту машины. Он причесывал эту куклу своей расческой, поправлял здоровенными ручищами на ней платице, затем отходил на несколько шагов, с серьезным видом и прищуром оценивал, потом подходил и вновь причесывал, еще и еще раз что-то поправлял... Есть, согласитесь, в этой идиллии что-то нездоровое. Не зря ЗАГСам уделялось такое внимание со стороны советских властей, которые своей целью ставили строительство в том или ином городе Дворцов бракосочетания.

В Вышнем Волочке такого дворца нет. ЗАГС расположен на первом этаже обычного пятиэтажного дома. Когда я вошел, очереди на процедуру бракосочетания не было, и работники учреждения – Марина и Елена – согласились рассказать о положении дел в городе, как говорится, «через призму» работника ЗАГСа.

– У нас здесь все просто, – говорит неторопливо Марина красивым высоким и завораживающим голосом. – Мы ведь имеем дело с судьбами людей: от рождения до самой смерти, как бы сопровождая их всю жизнь. Мимо нас пройти нельзя. Поэтому каких-то дискуссий о том, как живут люди, мы не ведем. У нас все отражается в папочках,

документах, а храним мы их много-много лет. У нас здесь – всё очевидно. Мы очень зависимы от экономической обстановки в стране. Есть у людей деньги – много свадеб. Нет денег – много разводов и смертей. Мужчина, не способный устроиться на хорошую работу и содержать семью, у нас обычное явление. Таковых сейчас большинство. Естественно, это ведет к снижению браков и, соответственно, рождаемости.

По словам работников ЗАГСа, в Волочке увеличилось число одиноких мам. Мотивируют это тем, что содержать ребенка легче, чем содержать еще и мужчину, которого надо одевать, кормить и поить.

– У нас в городе сейчас стоит все производство, за исключением, кажется, хлопчатобумажного комбината, который тоже вот-вот встанет... Вот, посмотрите...

Марина достала учетные папки с актами регистрации браков за разные годы, и из этих данных я составил таблицу.

Годы	Заключено браков	Расторгнуто
1957	917	158
1968	704	211
1991	600	284
1995	395	339

Вот такая статистика. И в текущем 1996 году свадеб будет здесь меньше, а разводов – больше, или, говоря казенным языком, тенденция сокращения заключения браков сохраняется. Сами Марина и Елена тоже не замужем. Елена – «мама одиночка», а Марина была замужем, но развелась по все тем же причинам, о которых сама и поведала. Разводили ее здесь же, коллеги по работе. Зарплата в ЗАГСе чисто символическая, и работают женщины, по их словам, на голом энтузиазме. Что говорят люди, когда приходят в ЗАГС? Да ничего особенного. Половина невест находятся, как говорится, в положении. Просто садятся, оформляют документы, платят пошлину за регистрацию брака – 75 тыс. 500 рублей – это минимальная месячная зарплата. После этого им назначают день, когда прийти на регистрацию. При регистрации всем им говорят одинаковые слова и

для всех одинаково играет Мендельсон, хотя аппаратура, по словам Марины, находится в плачевном состоянии, и если вдруг знаменитый марш во время церемонии прервется, то это будет недобрым предзнаменованием для супружеской пары. Поскольку город расположен на островах – «Волочок – Венеции клочок», – то после регистрации молодожены едут в специальное место, где новоиспеченный муж должен в знак верности пронести возлюбленную то ли через три, то ли через четыре моста. Или есть знаменитая в этих местах Лазурная гора, на которую ведет лестница. По этой лестнице жениху надо поднять невесту на самый верх и там выпить с нею шампанское. Все эти романтические процедуры существуют для тех, кто вступает в брак впервые. Расписываются также и пожилые люди, которым легче коротать век вдвоем. Потихоньку придут, распишутся и так же незаметно, без Мендельсона, уходят.

– Есть тут у нас еще кое-что любопытное, от чего становится страшно, – рассказывает Марина. – ЗАГС ведь не только женит людей.

Она подошла к стеллажам, на которых стояли папки с регистрацией рождений и смертей жителей Волочка за последние сто лет. Марина диктовала, а я лишь успевал записывать цифры, из которых также составил простенькую таблицу. Так нагляднее:

Годы	Родились	Умерли
1957	1479	600
1990	764	1222
1995	497	1530

Но больше озвученных цифр производят впечатление безмолвные и безучастные папки: те, в которых содержались документы, регистрировавшие рождаемость, становились все тоньше и тоньше, а в которых регистрировалась смерть – всё толще, и какой будет папка в текущем году нетрудно догадаться. Судя по всему, она станет самой толстой папкой на стеллажах вышневолоцкого ЗАГСа. А ведь это первый и единственный ЗАГС, где я познакомился с подобной статистикой. Что же в других? Конечно, для какого-нибудь демографа эти цифры ничего не значат. Он и здесь усмотрит свою динамику и

объяснит все с позиции науки. Один приятель мне сказал, что в маленьких деревнях Германии – то же самое: рождаемость падает. Но Вышний Волочок – не маленькая деревня, а по масштабам той же Германии – приличный город.

Вышневолоцкие женщины – Марина и Елена – называют это вырождением нации или ее намеренным уничтожением.

– Мы можем только нам всем посочувствовать, – говорят они.

Я вышел из ЗАГСа, наверное, в таком же смятении, какое испытал в Вышнем Волочке Радищев, и направился через дорогу к ресторану, мимо старушек, которые здесь же, на тротуаре, продавали свой печальный хлам: старые чулки, носки, какие-то катушки с нитками, моточки резинок для трусов, старые башмаки, шапки, валенки, маленькие зеркальца, какие-то штаны. Кое-кто из них продавал еще и головки чеснока...

Ресторан расположен на втором этаже нового кирпичного здания с нетипичной для города архитектурой. На первом этаже находится продуктовый магазин, а перед зданием – стоянка для автомобилей, огороженная массивными цепями. В самом ресторане – полумрак, звучит легкая музыка, на одной из стен мигает цветная гирлянда.

В ресторане, кроме меня, находились еще семеро молодых людей. Все они были примерно одного возраста, крепкие, аккуратно подстриженные, одеты в свитера и кожаные куртки. Несмотря на то что сидели они за разными столиками, было видно, что все друг другу знакомы. За стойкой бара работал совсем молоденький бармен. Он был чисто и опрятно одет, безукоризненно побрит и подстрижен и, что приятно, с интеллигентными манерами общения. Позже я заметил, что и его коллега выглядел точно так же.

Я сделал заказ и попросил кого-нибудь из руководства, объяснив, что хочу задать несколько вопросов о ведении бизнеса в сложное переходное время. Мне неожиданно пришла идея встретиться с человеком преуспевающим, крепко стоящим на ногах и отличающимся от всех моих собеседников в нашем путешествии.

Через несколько минут ко мне подошла высокая стройная блондинка в светлом пиджаке и представилась администратором ресторана. Администратор – не хозяин, но в ведении дела разбирается не хуже, а уж повседневные дела знает, пожалуй, лучше, иначе зачем администратор. И вот Татьяна Николаевна, так зовут администратора, рассказывает мне о городе, о работе, о жизни, при этом не забывая о своих обязанностях, делая по ходу нашей беседы распоряжения и замечания своим работникам.

Сам ресторан принадлежит местному крупному частному предприятию. Особых доходов этому предприятию он не приносит, но служит важной представительской частью бизнеса, когда надо кого-то хорошо угостить, провести встречу на уровне, наконец, просто отдохнуть. Ведь на деловые встречи к местным бизнесменам приезжают отовсюду. Кроме того, ресторан находится прямо на оживленной трассе, и сюда, зная добросовестность местных кулинаров и расторопность официантов, заходят перекусить многие состоятельные путники. Татьяна Николаевна работает в ресторане три года. До этого пятнадцать отработала в сфере обслуживания, где начинала с самых низов. Теперь она фактически один из заместителей директора. Семья у Татьяны Николаевны большая. Муж, двое сыновей, один из которых уже отслужил, а другой готовится к службе в армии, и шестилетняя дочь. Есть еще родители. На предприятиях Волочка зарплату постоянно задерживают, текстильные фабрики стоят, заводы – *«Парижская коммуна»* и *«Девятое января»* – практически стоят, филиал мытищинского машиностроительного завода, на котором работает муж, функционирует три дня в неделю. Держится еще стекольный завод, на котором выпускают бутылки. Муж зарплату не получает уже три месяца, старший сын – два. А ведь всем надо как-то жить. Родителям надо помогать: им пенсию тоже не платят вовремя. Так что всё держится на Татьяне Николаевне, а сама она – на крепких нервах и силе воли...

Вы, конечно, заметили, что, проехав почти половину пути, мы в основном встречались и беседовали с женщинами. Исключение составили клинский офицер и немолодой главный редактор в Торжке. Все остальные герои повествования – российские женщины, которые

тащат на себе всю нашу жизнь. Везде, где концентрируются напасти и людские беды, где возникают житейские проблемы и невыносимые условия существования, – выдвигаются женщины. Уязвленный безысходностью и униженный никчемностью, мужской организм либо разваливается, превращаясь в безвольную и бесхарактерную жижу, либо делает из потенциального главы семьи одинокого хищника, потерявшего человеческий облик. Только женщина, у которой инстинкт самосохранения подчинен еще и высшей цели – продолжению и сохранению рода человеческого, – способна выстоять в сложившихся условиях. У нее на руках дети, и она, отбросив остальное, в том числе мужчин, выдержит всё, чтобы их сохранить. И вот одна лечит больных и немощных в сельской больнице, другая собирает беспризорных детей, третья – по крупицам восстанавливает историю родного села, четвертая этим селом руководит, пятая ищет уникальный материал и пишет книгу, шестая руководит школой, находит средства, чтобы кормить детей... Сколько еще таких!

Старший сын Татьяны Николаевны был призван в армию и оказался в Чечне. Она, бросив все, поехала туда его искать, чтобы забрать домой с несправедливой войны. Нашла и забрала. Это самый больной вопрос для Татьяны Николаевны, и она не хотела бы об этом говорить вообще. У нее стали краснеть глаза, но выступить слезам она не позволила, дав понять, что эта тема закрыта.

Надо сказать, что на официальном уровне эта тема уже давно закрыта, да и пресса, вкупе с аналитиками, перешла к другим, более актуальным политическим вопросам.

«Да, нас втянули в кровавый конфликт, потому что нашлись силы, которые были заинтересованы в насилии. В итоге “партия войны” оказалась сильнее “партии мира”, что стало следствием интересов крупного капитала в этом регионе, к тому же надо было сохранить целостность и конституционность... Да, воевали и убивали, но в конце концов возобладал здравый смысл. Стороны сели за стол переговоров и установили мир. А знаете, как трудно установить мир? Знаете, какие силы задействованы на то, чтобы мир сорвать, а войну продолжать? А какие провокации, какие выпады? И тем не менее мир установили.

Теперь надо решать другие задачи», – примерно таков поствоенный официальный лейтмотив.

Постойте! А что делать со всеми этими «объяснениями» и как со всем этим жить матерям, у которых погибли в Чечне сыновья? А как сами эти погибшие мальчики? На чей счет отнести все эти несостоявшиеся жизни, которые на армейском казенном языке именуются как «учтенные потери»? Может, на счет таких же парней из Чечни, в которой погиб каждый десятый ее житель? Каждый десятый! Вот стихотворение местного поэта Аркадия Петрова, опубликованное во втором номере тверского журнала *«Русская провинция»* за 1996 год:

*В день по сколько убивают –
объявляют как погоду,
столько ранено, убито,
обстреляли столько раз,
как в душе мозоль сухую
набивают у народа,
чтобы нам уж и не чують,
как с земли изводят нас...*

А еще разыщите *«Литературную газету»* от 10 апреля 1996 года. Там опубликован дневник Анны Пясецкой, матери солдата 1974 года рождения, воевавшего и погибшего в Чечне. В этом дневнике описываются все мытарства матери, которая бросилась искать своего сына, живого или мертвого.

Вот она узнает, что он попал в Чечню. Каждый день звонит в штаб Воздушно-десантных войск и уже 5 января узнает, что ее сын, Николай, погиб в Грозном.

«Пять дней я ходила по квартире как тень, не могла есть, пить, оплакивала всех наших мальчиков, погибших в Чечне. А страна то праздновала Новый год, то отмечала Рождество Христово, по телевизору показывали торжественную закладку Храма Христа Спасителя. Шампанское лилось рекой, а в Чечне лились реки крови, и тела наших детей валялись, как падаль, на мерзлой земле.

Когда Сергей Ковалев обратился с воззванием к президенту, тот ответил: *"Ситуацией владею полностью, всю ответственность беру*

на себя". Этот ответ поверг меня в шок. Значит, думала я, президент знает, что на улицах Грозного лежат тысячи погибших, их уже начинают есть собаки, клевать птицы, но его это не волнует?!»

Далее мать солдата узнает, что тела ее сына нигде нет. У нее появляется святая надежда – «Может, он жив!» Она едет в Чечню и разыскивает сына в самых горячих точках этой несчастной земли. Затем ниточка поиска ведет ее в Назрань...

«...Сотни российских матерей нашли здесь приют. Матери ехали со всех концов России в поисках пропавших без вести или попавших в плен сыновей. Они находили в ингушских семьях не только приют, но и самое искреннее сочувствие. Из сотен женщин, что были в Назрани, найти сыновей живыми удалось совсем немногим...»

Не найдя своего сына в Назрани, Анна Пясецкая вылетела в Ростов-на-Дону, где собирали тела погибших, из которых опознаны лишь сорок процентов.

«...Вагоны были набиты телами российских солдат. Многих уже невозможно было опознать: обглоданные собаками, разорванные на куски, обгоревшие. Ведь прошло более месяца с начала войны. *(А война-то была более полутора лет! – авт.)* Ростов не в состоянии был справиться с этим нескончаемым потоком смерти. Кроме вагонов, на территории госпиталя стоял еще палаточный городок, палатки тоже оказались сплошь забиты телами. Собрав все свое мужество, я обошла вагоны и палатки, осматривая каждого мальчика, его лицо, волосы, а если не было головы – руки, ноги. Мой Коля приметный, у него родинка на правой щеке. Вместе со мной шли и другие матери».

Далее идет описание того, как Анна Пясецкая вместе с другими матерями искала своего сына. Полгода она находилась в центре боевых действий, не раз попадала под обстрелы и бомбежки, лишь чудом избежала смерти, пережила все, что только может пережить человек, и наконец вышла на след своего Коли. Его, по чьей-то трагической ошибке, похоронили на Алтае под именем другого погибшего солдата – Жени Гилева. И здесь – еще одна чудовищная трагедия.

«Когда "груз 200" пришел в дальний алтайский поселок, – пишет Анна Пясецкая, – родители Жени вскрыли гроб, но опознать тело было уже невозможно. Так они похоронили моего сына вместо своего. А

через полгода им пришлось хоронить второй раз, но уже родного сына... Какое-то время они лежали в алтайской земле рядом...»

У кого есть дети – задумайтесь и представьте, что довелось испытать матери и отцу (всем близким) Жени Гилева, дважды хоронивших своего сына!

Уже отыскав своего погибшего Колю, Анна Пясецкая еще полтора месяца добивалась, чтобы его тело перевезли в Москву, что очень непросто, учитывая тяжелое финансовое положение Министерства обороны и воюющего государства. Наконец, похороны...

«А что же военные? – задается вопросом мать погибшего солдата и сама же отвечает: – Да ничего. От части, где служил Коля, появился всего один представитель, гроб несли не десантники, а школьные друзья сына, денег на похороны у государства тоже не оказалось, потому что "много вас таких". Зато представитель в/ч 41450 говорил что-то о воинском долге, который выполнил мой сын. Что же это за долг такой? Государство лишило меня самого дорогого. Что еще оно потребует?»

Отвечу.

Оно, государство, потребует от вас любви и сочувствия к себе. С помощью своих прикормленных политкомментаторов, мастеров пера и ассов видеоряда они создадут и покажут умильный видеоклип, герои которого выложат перед вами кусок странного вещества, выдаваемое за изможденное заботой сердце, и предложат его к шунтированию, с тем чтобы и дальше это «сердце» могло за вас страдать, владеть ситуацией и брать на себя ответственность. И вы, глядя часами на экран, должны будете, забыв всё прочее, в том числе своё, родное, безвозвратно утерянное, – это «сердце» жалеть, понимать его и сочувствовать ему. Или не так? Не о том ли думал А.Н.Радищев:

*И се чудовище ужасно,
Как гидра, сто имея глав,
Умильно и в слезах всечасно,
Но полны челюсти отрав...*

Заокеанское светило кардиохирургии (Майкл Дебейки!) не заметило того, что заметила старенькая женщина из придорожного села: «Чего уж там лечить? У него же нет сердца!»

Лидия Графова – обозреватель «Литературной газеты», подготовившая к публикации дневник Анны Ивановны Пясецкой, сообщает, что ее, нашедшую тело своего сына Коли, многие матери пропавших без вести сыновей называли «везучей»...

А у Татьяны Николаевны из Вышнего Волочка сын жив, здоров, рядом с нею, и потому она – работающая, сильная и красивая – может считаться счастливой, в отличие от матерей Димы Бабака, Саши Антонова, Максима Нестерова, Саши Радькова и Володи Куликова, погибших в Чечне и похороненных на местном кладбище, в двухстах девяноста семи километрах от Москвы.

Хотилово

Есть на трассе между Москвой и Санкт-Петербургом необычное место. Его отмечают многие путешественники: прямо перед тобой, на горизонте, возникает церковь, и дорога как бы упирается в неё, но затем, перед самой церковью, сворачивает налево и уходит в сторону. Такой же вид открывается, когда следуешь из Санкт-Петербурга. Тогда дорога перед храмом уходит вправо. Купол и колокольня этой церкви видны за несколько километров и в солнечную погоду являют собой картину божественной красоты. Когда несколько месяцев назад я впервые всё это увидел, то, пораженный, даже не обратил внимание на селение, у которого находится храм.

И вот, я вновь на трассе, вновь вижу перед собой эту церковь. Теперь уже знаю, что здесь находится старинное село Хотилово...

Но что это?! Прежней красоты как не бывало. Наша церковь – обгоревшая, полуразвалившаяся, опустевшая... Внутри груды обуглившихся кирпичей, обвалившихся кусков стен и еще чего-то такого, что совсем недавно украшало этот храм. Когда говорят «мерзость запустения» – имеют в виду именно это. Что же здесь произошло?

Обескураженный увиденным, я остановился у сельского магазина и первого же прохожего спросил: «Что случилось?» Мне сразу же ответили, что церковь подожгли, и вообще здесь, в Хотилове, в последние годы все горит, а почему – никто не знает.

Я зашел в магазин, где кроме продавцов были еще несколько покупателей, и стал расспрашивать о Хотилове. Мне посоветовали зайти в библиотеку, находящуюся неподалеку от магазина.

Сельская библиотека расположена в одном из обычных деревянных домов, который отличается лишь тем, что выкрашен в темно-оранжевый цвет. На сером фоне других изб библиотека выглядит почти новой. Внутри – чистота, идеальный порядок и уют, который дополняет натопленная печка. Даже не дополняет, а определяет, потому что от печки тепло особенное, не такое, как от батарей и прочих обог-

ревателей. Из окна видны всё та же обгоревшая церковь и местный Дом культуры. За ними проходит автотрасса с мчащимися автомобилями, за трассой – другая половина села.

Заведующая библиотекой – Мария Федоровна, пятидесяти восьми лет, побывавшая даже главой администрации Хотилова. Она – хранительница очага культуры в селе. Убери из таких сел библиотеки – и что останется? Сегодня на селе читают в основном детективы, которые хоть как-то отвлекают, и периодику, выписать которую просто не по карману. Читаемость большая. И зарплата у Марии Федоровны, по её словам, тоже большая – аж триста тридцать две тысячи рублей.

– Это потому что у меня высшее образование и большой стаж, – поясняет она. – У других и того меньше: по сто семьдесят, сто девяносто тысяч.

Мария Федоровна содержит небольшое хозяйство и огород. Иначе не прожить. Часто у неё гостят внуки. А вот один из двух сыновей погиб, здесь же на трассе: его, как и сына Валентины Васильевны из Пешек, сшибло машиной. Вот и все, что рассказала о себе Мария Федоровна.

Проходящая по селу автотрасса – настоящий рок Хотилова. На этой дороге погибло много его жителей, и если ставить памятные отметки на месте гибели каждого, то, наверное, свободных мест уже не будет. Отвести же дорогу пока не удастся, и здесь уже не верят, что удастся. Слишком большие деньги для этого нужны. Это беда всех без исключения селений, расположенных на пути таких вот магистралей. Особенно опасно у такой дороги ночью.

В Хотилове проживают сейчас примерно четыреста пятьдесят человек. Большинство – пенсионеры, которые, чтобы прокормиться, вынуждены собирать и продавать лесные ягоды и грибы. Еще торгуют картошкой. Больше здесь продавать нечего. Раньше, по словам Марии Федоровны, так не было. Преимущество у того, кто живет ближе к дороге: поставил ведро с картошкой или клюквой – и жди, пока кто-нибудь из проезжающих остановится. А если живешь чуть дальше, то возможности стоять на обочине целый день, конечно, нет.

Вот как! Коварная эта трасса не только убивает селян, но еще и кормит их, и, отведи ее сейчас в сторону, неизвестно, что станет с

людьми и селом. Другая, почти мистическая, напасть Хотилова – пожары. Они здесь случаются с поразительной частотой на протяжении последних десяти лет. Церковь – лишь одна из печальных жертв в череде странных хотиловских пожаров. Здесь около десяти лет назад сгорел местный клуб, после чего всю культработу перенесли в стоявший рядом дом. Его переоборудовали в клуб, но и он, спустя несколько лет, сгорел дотла. Теперь Дом культуры расположен в еще одном большом деревянном доме, находящемся рядом со сгоревшей церковью. Несколько лет назад сгорела также сельская библиотека, и уже были попытки поджечь новую, в которой сейчас мы сидим и разговариваем. А самый последний пожар, случившийся незадолго до моего приезда, произошел в детском саду. Он сгорел буквально через час, после того как оттуда забрали детей. Кроме того, нередко горят в Хотилове и частные дома. Объясняют эти пожары по-разному, в том числе и мистическими причинами, а всё потому, что никто никогда не видел самих поджигателей. Когда сгорела церковь, то вроде бы рано утром видели там внутри небольшой костер, а вот чтобы у этого костра кто-то грелся – не заметили.

Пока мы беседовали с Марией Федоровной, в библиотеку зашла директор Дома культуры. Если библиотекарь – хранительница очага культуры и информации в Хотилове, то директор Дома культуры – Светлана Ивановна – сам очаг. Она энергичная, разговорчивая, даже веселая женщина лет сорока, в очках, желтой болоньевой куртке и белой вязаной шапочке. Включившись в разговор, она сразу же стала в нем ключевой фигурой, а тема хотиловского бытописания немедленно уступила место «вопросам культуры».

В ведении Светланы Ивановны вся так называемая культурно-массовая работа на селе. Горят в Хотилове один за другим клубы и Дома культуры, библиотеки и просто дома, а Светлана Ивановна от этого, кажется, только крепчает. Во всяком случае, её запала хватает на всех и вся. Она организует и проводит дискотеки для молодежи Хотилова и окрестных деревень, вместе с Марией Федоровной ведет тематические и литературные вечера, руководит видеосалоном, проводит всевозможные праздники, митинги и прочие массовые мероприятия. Например, отмечается в стране праздник Пожилого

человека. Собирают в клубе пожилых людей, и Светлана Ивановна с Марией Федоровной читают им, согласно тематике, стихи о пожилых людях. Какие стихи? Андрея Дементьева, например, – «Никогда ни о чем не жалейте...», или поэта Жупанова – «Пенсионеры»... Ветеранам такие вечера очень нравятся. Всё же какое-то разнообразие, забота, небезразличие.

– Раньше, – рассказывает Светлана Ивановна, – в клубе, который сгорел, мы проводили вечера, посвященные различным поэтам. Твардовскому, например. Читали вслух его стихи, рассказывали биографию. Кроме того, проводили такие праздники, как «Осенний бал» или «Праздник русской березки», очень хорошие, веселые. Но сейчас молодежь поэзией не интересуется, только дискотеку подавай.

Но один праздник все же остался и с годами не меркнет. Это День Победы. С тех пор как умерла самая первая глава хотиловской администрации – Вера Ивановна Самарина, – все митинги, уже четвертый год, проводит директор Дома культуры.

– Мы собираемся у братской могилы, – говорит Светлана Ивановна, – привозим туда всех ветеранов села и окрестных деревень, человек тридцать, приглашаем роту солдат из воинской части, офицеров. Приводим могилки в порядок, красим оградки, убираем мусор, сажаем цветы, и потом уже проводим митинг. Я его начинаю, как положено, вступительной речью, затем даю слово главе администрации, затем батюшке Владимиру, потом представителю российской армии. Народу бывает очень много. Молодежь, школьники, все с цветами. Мы вспоминаем погибших, поем военные песни, плачем... Вот этот праздник еще как-то сохраняется.

И все-таки люди, по словам Светланы Ивановны, стали «не те».

– Я по пожару сужу. Когда церковь загорелась, я бегала и кричала, звала на помощь – ноль внимания. Церковь горит – и пусть горит! Два часа я бегала по трассе, останавливала машины, чтобы кто-нибудь хоть с поста ГАИ позвонил пожарным. За два часа ни одного человека, который бы остановился. Ни одного! У всех закрыты окна, и никто не видит, что наша церковь горит. А машин ведь проезжает много. Я даже вставала посреди дороги, останавливала их собой.

Некоторые остановятся, но, пока я до машины добегу – трогаются с места и уезжают...

– Чем же это объяснить? – спрашиваю у Светланы Ивановны.

– Не знаю... Ко мне приходил тут один человек, ученый из Бологого, из краеведческого музея, – Светлана Ивановна при этих словах стала высматривать кого-то в окне, – он тут в последнее время почти каждый день возле церкви бывает: ходит, что-то ищет... Так вот он говорил, вроде есть поверье, что, если церковь сгорела, а крест, что был на куполе, не упал, а висит посреди церкви, – его надо или поднять, или совсем снять. Иначе, говорит, будут пожары каждую неделю и вообще будут несчастья на селе. Картина жуткая! Я собираюсь сходить к батюшке и поговорить, потому что люди узнали про крест и теперь хотят как-то его поднять или уже совсем снять, чтобы не висел. Видите! Боятся не Бога, а пожара у себя дома.

Светлана Ивановна посоветовала пойти к церкви и, если там сейчас есть тот ученый, поговорить с ним, потому что он наверняка многое знает и может оказаться мне полезным.

Но я особенного интереса к нему почему-то не проявил: мало ли интересных людей, тем более ученых. Меня интересует обыденность, повседневность и обыкновенность, а искать особенное и исключительное – это для других. Поэтому я попросил Светлану Ивановну показать Дом культуры, куда мы тотчас и направились.

Этот деревянный Дом культуры находится, как мы уже отмечали, рядом с церковью, и потому, проходя мимо, мы все же посмотрели, нет ли там этого самого ученого из Бологого. У церкви никого не было.

В Доме культуры Светлана Ивановна показала все помещения и рассказала, как она проводит мероприятия. Например, дискотека для молодежи проводится в небольшом вытянутом зале – метров двадцать в длину и пять в ширину. Есть тут и нехитрая аппаратура, и что-то вроде светоустановки, и даже небольшая сцена, куда выходит во время дискотеки Светлана Ивановна, становясь дискжokeем. Предпочтение она отдает современным отечественным ансамблям, певцам и музыкантам, таким как Алена Апина или Татьяна Овсиенко. Молодежь также предпочитает танцевать под их песни, а что до иностранной музыки, то под нее танцуют меньше, и только когда приходит офицер

из находящейся неподалеку воинской части. Вот этот офицер ставит зарубежную музыку, в которой, видимо, хорошо разбирается. Здесь же, в танцевальном зале, находится печка, а в комнате за дверью – до самого потолка аккуратно сложены дрова. Кроме того, в Доме культуры есть видеосалон на тридцать пять мест. Он заменяет кинотеатр. Есть кабинет и у самой Светланы Ивановны, с большими портретами Филиппа Киркорова, Майкла Дугласа и еще каких-то голливудских звезд. Имеется также большая комната для церемоний бракосочетания, где на стене висит герб Российской Федерации и самодельный плакат с надписью:

С праздником!
Желаем счастья и здоровья,
желаем бодрости и сил,
чтоб каждый день обычной жизни –
лишь только радость приносил!

Вот такой Дом культуры. А как без него?

...«Культуре» в нашей стране повезло особенно. Имею в виду, самому слову. Есть у нас, кроме Домов культуры, еще и Дворцы культуры, а в одном из подмосковных пансионатов я видел дверь с табличкой: «Кабинет культуры»...

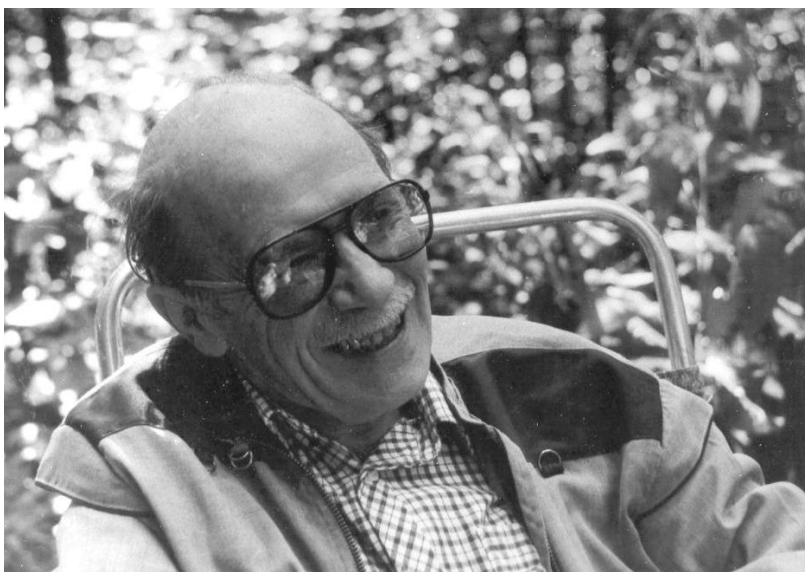
Причем во всех наших словарях «Дом» и «Дворец» всегда пишутся с большой буквы, а слово «культура» – с маленькой. Кроме зданий, с этим словом связаны еще и персоналии. Скажем, «зам. по культуре», или «заведующий культурой», или «ответственный за культуру», а

сейчас, в связи с реформами, появились «помощники по культуре». Да и «министр культуры» – еще то название. Тут, правда, уже все они пишутся только с маленькой буквы.... Помню, выступал один интеллигентный с виду человек и говорил: «Я знаю, как поднять в районе культуру! Я в культуре уже тридцать лет!» Или как-то один начальник хвастал: «С тех пор как я пришел в культуру...» А вспомните, скольких несостоявшихся начальников у нас «бросали на культуру»!.. Одного моего друга долго мучил вопрос: а «парк культуры» – это что? это как?.. Он даже, при случае, задал этот вопрос академику Д.С.Лихачеву, и тот, бедный, не знал, что ответить, только улыбался. А что здесь ответишь? Вот огороженная по периметру территория, а там, внутри, – деревья, газоны, клумбы, скульптуры, фонтаны, скамейки и лавочки, газированная вода, площадки для культурно-массовых мероприятий, качели, карусели, комната смеха и прочее, что связано с культурой. А за забором, где живут люди, всего этого нет. Значит, надо раз в неделю зайти за ограду и, как говорится, «окультуриться». А недавно в Москве возвели какие-то странные сооружения с пирамидками, башенками и еще бог знает с чем, и надо было все это как-то назвать. Вроде поначалу называли «Российский культурный центр», но задумались: как это центр может быть «культурным»? Культурным или бескультурным может быть только человек. Тогда решили назвать «Центр Российской культуры», но так, кажется, тоже нельзя: кто там знает, где этот центр? Это у Земли может быть центр, у города, у села, – а у культуры?.. Назвать «Российский центр культуры» – то же, что и Дворец культуры, только еще и с национальным оттенком... Словом, очень большие трудности у нас с культурой, и я думаю, что в ближайшее время они сохранятся. Самой-то культуры вроде немного, а трудности с нею – вон какие...

Я сфотографировал Марию Федоровну и Светлану Ивановну на память, попрощался с ними и направился к своей машине.

Путь мой проходил мимо сгоревшей церкви, и, чтобы сфотографировать ее изнутри, я туда забрался. Там сразу же увидел человека, который стоял посреди кучи битого кирпича и, задрав голову, смотрел вверх, будто что-то выискивая. Это и был тот самый ученый

из Бологого, о котором рассказывала Светлана Ивановна. Он был невысокого роста, щуплый, лысоватый, с седыми усиками и в очках. Одет он был скромно, но не по-деревенски. Было заметно, что он не здешний. Этаким интеллигентный старичок из Черёмушек...

Заметив меня и сдержанно прореагировав на моё уверенное приветствие, он опять стал смотреть вверх в поисках чего-то важного. Я, имея в виду предупреждение о том, что ученый этот особенно ни с кем не разговаривает, тем не

менее спросил, чего он ищет. Старичок, не отрывая глаз от потолка, начал говорить совсем о другом.

— Вот, все думают, что какие-то мерзавцы взяли и подпалили храм. Но никто не знает, кто именно...

После продолжительной паузы и моего выжидательного молчания он вновь произнес:

— Да. Церковь эта слишком явно выделялась среди всего остального.

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

— А то, что все должно гармонично и естественно развиваться, а достигнув своего пика, так же гармонично и естественно угасать, пока не закончится вовсе... Вот вы — откуда, молодой человек, чем занимаетесь?

Я ответил, что просто еду из Москвы и смотрю на всякие любопытные вещи, может быть, потом получится книжка...

– Как у Радищева? Ну-ну! Тут каждые два-три года появляются такие... Так вот, вы можете ответить: вы еще развиваетесь или уже достигли своего пика?

– Не совсем понимаю, – слукавил я.

– Поясню, – сказал старичок, приблизившись ко мне. – Каждый человек, если, конечно, он человек, – стремится сделать что-то значительное. У него есть свое начало, затем свой пик, а потом – неизбежный конец. Кем бы ни был человек, он развивается именно так. То ли это какой-то поступок или, если это чиновник, то карьера, если писатель – книжка... Такой момент, который сам человек считает своей вершиной, у каждого есть. Кого бы мы ни взяли: артиста, спортсмена, политика... Все они достигают определенной высоты, некоторые славы – и все... Потом уже идет всякая бутафория вроде декоративной славы и прочая чушь, с настоящим ходом вещей ничего общего не имеющая. И у каждого народа такой пик тоже имеется, у каждой страны... Возьмите Монголию: сегодня – это ничто, а в прошлом несколько веков она была самой могущественной державой... Венгрия была в свое время великой страной, империей, а теперь это обыкновенная в геополитическом плане страна. Или Голландия, некогда великая морская держава... И так, кого бы мы ни взяли и к чему бы ни обратились – у всего есть начало, пик развития и печальный, как правило, конец... Возьмите города. У каждого из них тоже свое начало, расцвет и медленное угасание... Видели это село, эти дома, людей, чем они занимаются, как живут? Вы же видите, что оно умирает. Людей осталось совсем немного, и то одни немощные старики. Молодежь, если и есть, разбежится. А чего ей тут делать? Будущего здесь нет. Ни у кого! Все дома старые, покошеные, гнилые... И на этом фоне высилась вот эта церковь, возведенная, кстати, в честь весьма знаменательного события, о котором даже жители местные толком ничего не знают... Вот, возьмите и, пока я тут осматриваю, почитайте...

Старичок достал из своего портфеля папку со старыми газетами и дал мне одну из них. Это оказалась бологовская городская газета «Новая жизнь» от 6 февраля 1992 года, в которой помещена большая статья директора городского музея В.Сычева.

Я включил диктофон и стал читать вслух, чтобы потом воспроизвести записанное на бумаге. Разумеется, я зачитывал лишь самые интересные и важные отрывки из этой статьи:

«...Год 1744. Уже тогда главным для села (*Хотилова – авт.*) было существование почтового тракта. Именно он, а не скудные клочки полей, кормил бывшую посадникову вотчину. Через несколько лет императорский библиотекарь Александр Радищев напишет:

“Хотиловский Ям был уже в виду... Дорога была негладкая, лошади шли шагом...” Императорскому библиотекарю спешить было некуда, курьерская гоньба была ему не по чину. Те же, кому было по чину, на “неровности дороги”, в которых, бывало, и возок утонул, как в болоте, внимания не обращали.

Давайте заглянем в одну старую книгу. **“...Она (*императрица Елизавета Петровна*) наследовала энергию своего отца, строила дворцы в двадцать четыре часа и в двое суток проезжала тогдашний путь от Москвы до Петербурга, исправно платя за каждую загнанную лошадь...”**

...Но столь стремительные передвижения императрицы, отмеченные Василием Осиповичем Ключевским, которого мы процитировали, не всегда были следствием лишь взрывного характера “дщери петровой”. Чаше обстоятельства понуждали ее к этим скоростным мучениям – иначе и не назовешь ту езду по старому петербургско-московскому тракту.

Итак, год 1744. Всего год назад, как гласит “Иллюстрированная хронология истории Российского государства в портретах”, **“...Елизавета вызвала из Голштинии четырнадцатилетнего племянника Петра Ульриха, сына Анны Петровны, объявила его своим наследником под именем Петра Федоровича”.**

Начинающая свой путь императрица заглядывала далеко вперед во времени, и выбор наследника престола и будущие ее деяния были, как бы сегодня сказали, “просчитаны” до мельчайших тонкостей. Государственные соображения перевесили на чаше весов и дурные наклонности прусского племянника, и чужеродность его российскому духу. Властители, увы, не всегда властны в своем выборе. Помянутый

нами Ключевский потом с сочувствием заметит: **“...назначенный ею наследник престола – самое неприятное из всего неприятного, что оставила после себя императрица Елизавета...”**

Все просчитано. Будущий император пристроен под строгий надзор при дворе. Тут же рядышком (пусть присматривается!) – и будущая предполагаемая императрица. При крещении лютеранку из Штеттина Софью-Августу нарекли Екатериной. Было ей в том достопамятном году неполных пятнадцать лет. И был этот год мучительным и тревожным для нее... И судьба России (та судьба, которую она получила) была буквально на волоске. А самым тонким местом, где волосок этот мог со стоном оборваться, было ни что иное, как наше Хотилово. Именно здесь переплелись судьбы русской истории, судьбы России, олицетворенные в судьбе будущего императора Петра III и будущей императрицы Екатерины II. Но пусть она сама об этом расскажет:

“...Как только... зима установилась, мы поехали из Москвы в Петербург в санях. Мать и я в одних, великий князь (*будущий Петр III*) и граф Брюммер в других. 18 декабря день рождения императрицы мы отпраздновали в Твери, откуда уехали на следующий день. Приехав на полпути в Хотиловский Ям, вечером, в моей комнате, великий князь почувствовал себя плохо. Его отвели к себе и уложили. Ночью у него был сильный жар. На следующий день мы с матерью пошли к нему в комнату, но едва я переступила порог двери, как гр.Брюммер пошел мне навстречу и сказал, чтоб я не шла дальше. Я хотела узнать почему. Он мне сказал, что у великого князя только что появились оспенные пятна. Так как у меня не было оспы, мать быстро увела меня из комнаты, и было решено, что мы с матерью уедем в тот же день в Санкт-Петербург, оставив великого князя и его приближенных в Хотилове. Графиня Румянцева и фрейлина матери остались, чтобы ходить, как говорят, за больным. Послали курьера к императрице, опередившей нас и бывшей уже в Петербурге... В некотором расстоянии от Новгорода мы встретили императрицу, которая, узнав, что у великого князя обнаружилась оспа, возвращалась из

Петербурга к нему в Хотилово, где и оставалась, пока продолжалась болезнь”.

...Где же стоял тогда тот дом, где Господней волей решался не только вопрос жизни или смерти Петра Ульриха? Ведь одолей его черная оспа – вместе с бывшим прусским принцем умер бы и российский император Петр III. И отправилась бы обратно в Голштинию новообращенная девица Екатерина и вскоре, наверняка, опять стала бы Софьей-Августой... И не было бы мятежного дня 28 июня 1762 года, когда плечи гвардейцев подсадили на российский престол жену Петра III. Кто бы переписывался тогда с Вольтером и Монтескье?... И кто бы загнал на десятилетнее “безвыездное пребывание” в Сибирь Александра Радищева? Но любой, мало-мальски знающий историю человек, скажет, что не было в то время другого претендента на российский престол, который смог бы создать в России ту атмосферу просвещения, в которой засветились столь наэлектризовано имена Новикова и Радищева, Державина и Фонвизина...

Так что несколько и не преувеличу, сказав, что за плотно занавешенными окнами неведомого дома в селе Хотилово императрица Елизавета Петровна выхаживала будущую судьбу государства. Ту судьбу, которую мы наследовали. Жаль, конечно, что не суждено нам теперь узнать, где же стоял тот дом в Хотилове, который заслужил памятную доску...»

– Да! Ничего себе, деревенька! – произнес я, передавая только что прочитанную статью подошедшему старичку из Бологого. – Значит, этот собор поставили в честь выздоровления Петра Третьего?!

– Совершенно верно. Учитывая наши традиции и то, что государь в России есть олицетворение государства, можете себе представить, что целый месяц здесь, в Хотилове, находился центр политической жизни империи! Ведь здесь жила императрица и наследник, а в России где государь – там и столица. Да и вопрос вон какой решался! Вот это и был пик Хотилова. Да такой, какой не у всякого большого города может быть. И в честь такого знаменательного события был построен этот собор, которому имя было дано

Петра и Павла. Собор этот возвышался над Хотилковым, а само село со временем пришло в упадок, обнищало, обезлюдело, и получился чудовищный перекося: прекрасная церковь и ветшающая округа. Нарушилась гармония. И такое состояние долго не могло продолжаться. Надо было или поднимать село до церкви, или... Вот второе и случилось... Церковь сгорела. Причем, я тут который раз хожу, смотрю, наблюдаю... словом, она сама загорелась, её никто не поджигал. И вот теперь эта почерневшая церковь уже ничем не выделяется, никого не восхищает, находится в полной гармонии с селом, и даже чуть хуже, а потому уже село будет как бы «догонять» церковь, дома, значит, будут гореть... И так, пока здесь камня на камне не останется.

— Забавная гипотеза, — сказал я. — По-вашему, надо скорее восстанавливать этот храм и тогда начнет оживать Хотилово?

— Мало этого. Себя надо восстанавливать и, вместе с собой, — этот храм, а иначе опять ничего не выйдет... Я, когда узнал, что сгорела церковь, послал сюда своего молодого практиканта. Думаю, пусть он

всё детально выяснит и сделает опись. Так местная шантрапа его избила: думали, что он подпалил. Вот так!

– Есть сёла не лучше Хотилово, такие же полузаброшенные, но в иных есть очень красивые и ухоженные церкви, – возразил я старику-ученому.

– Все эти церкви тоже обречены, если рядом с ними не будет налаживаться жизнь, не будут строиться дома, выращиваться урожай, учиться дети, становиться добрыми люди... Храмы постоят-постоят, и что-нибудь с ними произойдет, вот как здесь.

– А как же на это смотрит Бог? – спросил я.

– Чего? – вдруг раздраженно вскрикнул старик. – А какое дело Ему до всего этого? Посмотрите на себя, на людей, на то, как вы все живете, и подумайте, нужны ли вы такие Ему?

– Ему до всего и до всех есть дело! – упрямо ответил я, вспомнив какую-то телевизионную дискуссию на религиозную тему...

Старик посмотрел на меня из-под очков, смерил с головы до ног и уже спокойно произнес:

– Слишком много чести.

После этого он отвернулся и больше со мной не разговаривал. Я стал для него таким же, как всё вокруг, как лежащая здесь же куча битого кирпича... Хотел я ему сказать что-нибудь этакое, но... немного постояв, направился к магазину, у которого стояла моя машина.

От этого магазина до конца села примерно километр-полтора. Пока ехал – насчитал четыре черных пепелища...

Едрово

Недалеко от Ёдрово проходит граница Тверской и Новгородской областей. Но проезжающие могут её не заметить. Всё те же старые деревянные дома, такие же ветхие заборы, и всё так же стоят на обочине дороги местные жители, в надежде продать лесную ягоду.

...Когда на обратном пути я решил купить клюкву, то остановился как раз здесь, недалеко от Выползово. По обеим сторонам дороги стояли человек тридцать. Перед каждым было ведро или даже по два, доверху наполненные сочной бордового цвета ягодой. Уже наступил вечер, и было очень холодно. Однако никто не уходил, в надежде, что кто-нибудь эту клюкву все же купит. Я остановился возле одной из женщин и спросил, почем ведро.

- Сорок тысяч, – ответила она, улыбаясь.
- Слишком дорого, – сказал я, торгуясь.
- Отдам за тридцать пять, – предложила она.

Но я сказал, что неподалеку отсюда такое же ведро продают за тридцать (это примерно пять с половиной долларов). Чувствуя себя хозяином положения, я мог сказать все что угодно. Это как раз тот случай, когда «покупатель всегда прав».

– А вы попробуйте собрать это ведро, – пряча обиду, сказала женщина, по-прежнему улыбаясь, чтобы не спугнуть покупателя.

Рядом стояли и смотрели на мой торг еще несколько местных жителей. Никто из них, однако, не вмешался, не стал предлагать свою клюкву подешевле. Глядя на них и на стоящую рядом женщину, я понял, что не купить именно у нее уже не имею права. Дело-то вовсе не в клюкве.

- Ладно, – говорю, – давайте за тридцать пять.

Только после этого к нам подошли другие торговцы и помогли пересыпать клюкву в мой полиэтиленовый мешок, принимая продажу ведра клюквы за общий успех. Однако когда я передал женщине

стотысячную купюру – ни у неё самой, ни у кого другого, ни у всех вместе не оказалось сдачи... С полудня они стоят здесь и продали только два ведра. За пятьдесят тысяч. А других денег у них нет.

– Ладно, давайте пятьдесят, – согласился я, стремясь поскорее укрыться в машину от холода и умчаться прочь.

– А как же еще пятнадцать тысяч? Может, возьмете на них еще клюквы? – забеспокоилась женщина.

Но мне уже её класть было некуда, и потому я отказался. Только теперь я увидел, что растерянная женщина перестала улыбаться.

Такая вот торговля и такая жизнь в этих местах...

...А пока мы покидаем Тверскую область, и первое село, которое нас встречает на новгородской земле, – Едрово.

Может быть, и в Едрово, как в Хотилово, трасса тоже упиралась бы в храм, но строители новой дороги, ведомые строителями большого светлого пути, просто снесли церковь Святой Екатерины. Было это в 1950 году, и с тех пор дороге здесь уже ничто не мешает. Глава едровской сельской администрации, Олег Алексеевич, рассказывал, как еще подростком забрался в эту церковь, «аж под самый купол», и в ужасе отпрянул, когда неожиданно увидел перед собою апостолов, глядящих прямо ему в глаза и написанных так, словно были они живые. Впечатление это не проходит у него по сей день.

Была в Едрово еще одна церковь – Преображения Господня. В ней долгое время размещался местный Дом культуры: смотрели кино, пели песни, крутили танцы, слушали лекции о культуре и атеизме... Но это внушительное и красивое здание, выделявшееся среди прочих едровских построек, в 1994 году, под самый Новый год, сгорело. Теперь оно представляет собой заброшенное и полуразвалившееся сооружение, стоящее в пятидесяти шагах слева от трассы.

Влекомый трехцветным флагом, развевавшимся на крыше двухэтажного здания, я направился в местную администрацию и через несколько минут был в небольшом кабинете уже упомянутого Олега Алексеевича. Весь едровский хозяйапарат, состоящий из семи женщин, размещается в одной комнате перед кабинетом Олега Алексеевича и готов в любой момент ответить на все вопросы своего шефа. Сам глава

администрации – небольшого роста и уже немолодой человек – родился и всю свою жизнь прожил в Едрово. Мой визит оказался для него неожиданным и, скорее всего, до конца не ясным. Тем не менее, отставив все дела, Олег Алексеевич добросовестно отвечал на мои вопросы.

Это был сухой, прозаический и начисто лишенный эмоций рассказ, который всегда отличает немолодого и много повидавшего человека, не склонного ни к чему показному, но все же понимающего, что перед ним некий тип с карандашом и бумагой. Единственным лирическим отступлением был давнишний эпизод из его юности, когда под куполом церкви он увидел поразивших его апостолов. Вот что я узнал из разговора с Олегом Алексеевичем.

О самом названии села ничего определенного не известно. Есть версия, будто образовалось оно от корня *ядр*, со смыслом, близким к слову *ядреный*, то есть *здоровый, сильный*. О других версиях ничего не известно. Едрову уже полтысячи лет. Жителей – около двух тысяч. Сейчас, помимо старой части, расположенной непосредственно вдоль

трассы, к Едрову относятся еще три небольших поселка. В двух из них есть централизованное отопление и водопровод, а вообще, люди пользуются водопроводными колонками. Почти все дома в Едрово газифицированы баллонами. Местной средней школе уже 125 лет, и по этому поводу в селе недавно отмечали юбилей. Учится там сегодня 240 учащихся. Есть в Едрово детский садик на 55 мест. Бывший Совхоз «Ленинские дни» ныне переименован в Акционерное общество закрытого типа. Вроде бы оно еще держится: есть стадо, выращивают хлеб, картофель... Имеются в Едрове две бани, и одна из них даже с буфетом, но они, кажется, обе «накрылись», и теперь задача в том, чтобы хоть одну из них запустить. Есть в селе библиотека, железнодорожная станция, карьер, филиал автотранспортного предприятия, какие-то коммерческие структуры, шесть торговых точек-киосков и четыре магазина. Задержек с пенсиями и зарплатой, по словам Олега Алексеевича, в Едрове практически нет, и этим Новгородская область отличается от Тверской. Главная же его забота – трудоустройство. На организацию новых рабочих мест нет средств. Поэтому официальных безработных в Едрове – восемьдесят. Вокруг Едрово расположены воинские части, в которых офицеры и прапорщики по пять месяцев не получают зарплату. Что касается «социально-психологического климата», то, по словам Олега Алексеевича, цели народ не видит и в завтрашнем дне совершенно не уверен.

– Местное население всегда трудилось от мала до велика, – рассказывает глава администрации. – Не было такого, чтобы мать пошла на работу, а сын или дочь оставались дома. Работали все на колхозных полях, на заготовке леса, торфа, работали за трудодни, и оплата, конечно, не соответствовала трудовым затратам. Но народ здесь никогда не терял надежду на то, что жить будет лучше. Делились друг с другом последним, и радость в одном доме отзывалась радостью в другом. Сейчас же, если кто-то что-то приобрел, то других забирает зависть. Меня зло берет, ей-Богу! Работай как следует – и все у тебя будет. А сейчас работать не хотят! Не все, конечно, но... Я уже за пять лет на них насмотревшись... *(Такое произношение окончаний выдает исконно местного жителя и указывает на близость к псковско-новгородским землям – авт.)*

Я осторожно прервал Олега Алексеевича, полагая, что полученной информации достаточно, чтобы составить впечатление о Едрово, и попросил главу администрации рассказать о себе.

Он помолчал, тяжело вздохнул и начал рассказывать:

— Родился здесь, в Едрово, в 1937-м году. Отец — железнодорожник, мать — домохозяйка. Когда началась война, нас, осенью 1941-го, эвакуировали. А вернулись обратно в феврале следующего года. Немец в Едрово не вошел, но дом наш был практически развален. А тут еще отец неожиданно ослеп... В 1946-м пошел в школу, окончил десять классов, работал по направлению райкома в сельском хозяйстве. Всем классом ушли в колхоз. Потом пошел учеником токаря на завод, при *«Карьероуправлении»*. Работал токарем четвертого разряда. А в 1960 году меня взяли в армию. Служил более трех лет в Литве, в роте связи. Служил неплохо, имел даже два отпуска. Вернулся — и снова сюда, на карьер. В свободное время решил окончить школу шоферов, чтобы была в запасе еще одна специальность. Уже хотел было увольняться с карьера, как меня отправили в Москву учиться на мастера. В Москве закончил ускоренные курсы, вернулся и работал мастером. Потом, через некоторое время, меня поставили начальником участка. Работали в то время при трехсменном режиме, а в смене было порядка шестидесяти пяти человек. Производили щебенку, которую в Москву направлявши. В 1964 году женился. Через год появилась первая дочь. Потом вторая. Одна дочь имеет высшее образование и работает с начальными классами в нашей едровской школе. Вторая работает на том же заводе, где работал и я. Есть у меня внук и внучка. Живу сейчас в квартире. Получил ее от *«Карьероуправления»*, где проработал тридцать два года без перерыва. Ну а затем меня назначили на эту должность и совсем недавно опять переизбрали... Время быстро идет. Уже и пенсия подходит. По выслуге-то я уже давно пенсионер, но хочу те задумки, которые мы со старостами здесь на сходах предложили, довести до конца. А тогда уже уйду отдыхать...

Вот и здесь, биография как биография, ничем особенным не отличается. Обычная, как и само Едрово. Никаких головокружительных карьер, внезапных взлетов и восхождений. Но нет и падений и роковых

изломов в судьбе. Чем примечательна такая жизнь? Может ли подобная биография привлечь драматурга, писателя или журналиста? Просто человек живет и работает. Для себя, своих близких, для людей, среди которых родился и живет... В этой здоровой обыденности мой слух остановился на последней фразе, где глава сельской администрации говорил о *«задумках, предложенных на сходе»*. Меня даже не сами задумки» зацепили, а скорее вопрос: что еще это за старосты?

Я попросил Олега Алексеевича подробнее рассказать об этом.

– Знаете, власть все-таки должна строиться «снизу», – объяснял глава администрации. – У меня сейчас восемь старост, и всё, что касается развития территории, я согласовываю с ними. Староста – это выборное должностное лицо, представительная власть в нашем сельском самоуправлении. Это уважаемый, авторитетный человек, избираемый народом. Своего рода наш местный депутат. Здесь их выбирают по улицам. Если народ, по каким-то причинам, не приходит избирать старосту, то по закону я могу его назначить, но обычно люди всегда приходят на сход и своего права выбирать старосту, решать какие-то общие вопросы – никому не отдают.

– Так только у вас или еще где-нибудь по России? – спросил я Олега Алексеевича.

– Не знаю, но в Новгородской области так. Мне кажется, что такая система управления самая приемлемая в наших краях. Если мы идем к рынку, то надо не только зарабатывать деньги, но и уметь их тратить. Но при этом ты предоставлен сам себе, и никто тобой не командует, не говорит: сколько сеять, чего сажать и что выращивать. В этом случае добиться чего-то можно только во взаимодействии с людьми. Как же весь этот рынок создавать без них? Это тогда получится какой-то особый рынок, не для нас. И вот система старост в какой-то мере нам помогает. Мы через них можем разговаривать с людьми, вместе решать какие-то задачи, а главное, жители разделяют ответственность за то, что делается в селе. Они не чувствуют себя лишними. Сейчас самое главное – обеспечить людей работой. Не для того, чтобы чем-то занять, а потому что это источник существования. Надо обязательно запустить предприятия. Были бы у меня деньги, я бы

что-нибудь придумал. Но вот уже полгода мы никаких денег не видим. Мы здесь решаем, планируем, а денег на то, чтобы это провести, – нет.

Что здесь добавишь, кроме того что посочувствуешь Олегу Алексеевичу? Вроде бы система правильная, демократическая, а денег на использование такой системы – нет. В итоге получается невесть что. *(Этот рассказ, о старостах и сходах, я вспомнил позже, когда работал над главой «Новгород» – авт.)*

Перед тем как закончить беседу, я попросил главу администрации рассказать об истории Едрово, чтобы дополнить несколько обыденную картину местного бытописания. Для этого Олег Алексеевич отправил меня в местную библиотеку, где, по его словам, имеется исчерпывающий материал. Сам он тут же позвонил библиотекарю и отдал распоряжение подготовить все, что есть, по истории Едрово. Потом все же решил сопроводить меня в библиотеку.

Миновав многочисленные ямы и ухабы, мы подъехали к современному одноэтажному зданию, в одном из окон которого я заметил тренировавшихся штангистов. В другой половине здания находилась библиотека. На одном из столов уже были аккуратно разложены тетрадки и альбомы, рассказывающие об истории Едрово.

Познакомившись с библиотекарем Светланой Владимировной, я принялся эти материалы просматривать, одновременно расспрашивая о местной жизни. Больше читая, чем слушая, я всё же улавливал, о чем говорит Светлана Владимировна. А говорила она о том, что в глухой провинции жить хоть тяжело и тоскливо, но все-таки не так, как в Москве, с ее сумасшедшей жизнью, которая к тому же еще и опасна, потому что постоянно стреляют, убивают и калечат. А большой город беспокоит её потому, что у нее растут две дочери, одной десять лет, а другой – тринадцать. И вот эта, вторая, совершенно безумная, потому что хочет в Москву и не хочет быть никем иным, а только... фотомodelью...

– Как фотомodelью? – спросил я, отодвигая в сторону исторические материалы о Едрово.

– Очень просто. Она уже давно мечтает стать известной фотомodelью, богато жить, ездить по разным странам, иметь свой собственный дом, обязательно с бассейном и прислугой. Сейчас такие

фильмы показывают, где богатство, роскошь, слуги... Совсем не то, что я: прибегаю домой – нужно ужин готовить, в магазин бежать... А они хотят прийти домой, а там уже всё убрано, приготовлено... Мы в выходные дни, вместо того чтобы отдыхать – моем, готовим, стираем белье, гладим, топим баню... А она так жить не хочет. У нас, например, нет своего дома, а она мечтает о собственном доме и часто говорит: «Папа, давай свой дом построим!» У нас здесь, в Едрове, строят, конечно, дома, но небольшие, деревянные. А она хочет обязательно большой, каменный или кирпичный. Она почему-то хочет у нас жить красиво, на широкую ногу, ездить в другие страны... Мы даже не знаем, в кого она такая? Тут стал к нам журнал приходить, «Маруся», и там объявлен конкурс «Девушка с обложки»: надо отправить свою фотографию, а они там определяют победителя и опубликуют на обложке. И вот, она говорит: «Мама, давай отправим туда фотографии, вдруг опубликуют и предложат сниматься»...

Тут я спросил Светлану Владимировну, как зовут дочь и нельзя ли пригласить её сюда, прямо сейчас?

– Ну почему нельзя, сейчас я за ней сбегаю, – и Светлана Владимировна ушла за дочерью.

– Вот такая у нас здесь молодежь, – посетовал присутствовавший здесь же Олег Алексеевич. – Ничего, постарше станет – образумится... Я вам еще нужен?..

Я ответил, что мне, конечно, он нужен и было бы неплохо, чтобы он присутствовал при моем разговоре, но боюсь, что он, как глава администрации, может смутить будущую фотомодел. Олег Алексеевич рассмеялся, сказал, что дочь Светланы Владимировны зовут Наташей, и после этого мы с ним расстались: он пошел что-то проверять в этой части села... Буквально через несколько минут вернулась Светлана Владимировна со своей старшей дочерью...

Признаюсь, в те минуты я больше всего боялся разочарования в Наташе. Вместе с тем я надеялся и на нечто необычайное. Ведь сама новость о такой девочке была неожиданной. Поэтому вопрос «Какая она?» затмил для меня все остальное. То, что я увидел, однако, оказалось не просто неожиданным, но совсем другим.

Это была худенькая, стройная девочка-блондинка с длинными распущенными волосами и голубыми глазами. Одета она была в синюю куртку, под которой была красная водолазка, и в узкие брюки в полоску. Она была невероятно скована и даже не знала поначалу, как себя вести. Наташа смотрела неотрывно на меня и изредка на свою маму, ища поддержки. Ее губы были стиснуты в какое-то подобие улыбки, за которой она пыталась скрыть свою совершенную беспомощность перед ситуацией. Руки она прятала в карманах куртки. Её зажатый рот и полосочки, идущие от носа вниз ко рту, подергивались и выдавали повышенное нервное состояние. Одним словом, я встретился со сжатым в комок прелестным существом, у которого надо было хоть что-то узнать.

Я был представлен Наташе как некий столичный журналист, который хочет написать статью или даже книгу. Сам я очень вежливо попросил ответить лишь на несколько невинных вопросов. Чтобы не так сильно шокировать Наташу, я сказал, что это просто очень любопытно, не более того.

– Это правда, что ты хочешь стать фотомodelью?

– Да, – кротко ответила Наташа.

– А что такое фотомodelь в твоём представлении?

– Ну, это когда фотографируются, ездят везде, заключают контракты, чтобы рекламировать что-нибудь, – отвечала Наташа, не отрывая от меня глаз.

– А почему тебе это нравится?

– Просто так.

– Объясни, не стесняйся. Чем ты интересуешься?.. Ты же знаешь, что фотомodelь не должна быть зажатой. Она должна быть раскрепощенной и не стесняться разговаривать...

– Знаю.

– ...а у тебя зажат рот и ты боишься, что тебя сейчас покусает.

Мне на помощь пришла Светлана Владимировна.

– Наташа, расскажи о себе. Ты же дома не стесняешься.

– Хочу научиться кататься на роликовых коньках... Я даже не знаю, чего я хочу... Я много чего хочу, – вынужденно сказала Наташа под нашим совместным натиском.

- Например? – настаивал я.
- Когда вырасту, то хочу уехать в какой-нибудь большой город. В Америку или в Москву.
- А здесь не нравится?
- Нет, – ответила Наташа.
- Почему?
- Скучно. В школе неинтересно. Учусь я вроде хорошо. Четверки, пятерки... Больше всего нравится немецкий.
- Любишь танцевать?
- Не очень.
- А музыку?
- Современную.
- Что читаешь?
- Фантастику.
- По телевизору что любишь смотреть?
- Очень люблю смотреть сериал «Элен и ребята».
- Это правда, что ты хочешь жить в дорогом доме с прислугой?
- Да.
- И как ты себе это представляешь? – спросил я, как будто представления об этом могут быть разными.
- Ну, как в кино.
- Слуг много хочешь?
- Нет. Хотя бы троих.
- А что бы они для тебя делали?
- Убирались бы, готовили...
- А сама, значит, не любишь убирать?
- Нет, не очень.
- Но ведь когда у тебя будет свой дом, своя семья, дети, захочется самой убирать, самой готовить. Ведь у мамы твоей нет слуг, – попытался усовестить я Наташу. Между тем Светлана Владимировна вступилась за дочь.
- Она беспорядок у нас не любит...
- Я замуж ни за кого не хочу, – ответила Наташа, хотя о замужестве её никто не спрашивал.
- Ты хочешь всего достичь сама?

– Да. Надо попробовать. Для начала буду учиться. Потом найду работу, конечно.

– Наташа, а если найдется такой человек, который предложит тебе с ним переспать и тогда он тебя сделает фотомodelью. Пойдешь на это? – рискнул спросить я, немного зная нравы этого мира.

На это мама Светлана Владимировна тотчас прореагировала.

– Она у нас еще ничего этого не знает.

А сама Наташа, которая «все это», конечно, давно знает, уверенно ответила: «Нет».

– То есть откажешься от профессии фотомodelи? – пытал я Наташу.

– Да. Откажусь.

– А сейчас только так, – заговорила со знанием дела Светлана Владимировна. – У меня есть еще младшая дочь. Ей десять лет. Она все время говорит: «Мама, а кем мне стать? Если я буду учителем, то ведь они так мало получают». Понимаете, во что все у нас упирается? Мы здесь все очень мало зарабатываем и, прямо скажем, небогато живем. Поэтому их мечты о фотомodelях – это всего лишь мечты. Они ездят по разным странам, видят мир, людей, жизнь, а у нас никто никуда не ездит. Мы в этом году впервые ездили семьей в Крым. Так у нас тут все чуть с ума не сошли: «Как это они ездили в Крым!» Мы, наверное, единственные со всей деревни, кто туда ездил. Вот откуда у них такие сладкие мечты. Я, честно скажу, во все это не верю.

– А почему ты, Наташа, – спрашиваю я, – так настроена против замужества?

– Потому что мне никто не нравится. Мальчишки у нас уже все курят и пьют. Мы ходили в поход, так они взяли с собой бутылку водки и где-то в яме ее выпили.

После этого я, по-отечески и серьезным тоном, стал говорить Наташе очень важные вещи. Например, чтобы она обязательно берегла свою мечту, чтобы много и упорно работала над собой. Еще я убеждал ее в необходимости чтения серьезной литературы и слушания симфонической музыки, объяснял, что Наташе нужно учиться танцевать и постоянно следить за собой, как это делают все выдающиеся фотомodelи. С абсолютным знанием фотомodelного

дела, я говорил ей о том, что профессия эта очень трудная и непростая, что модели, даже самые выдающиеся, очень зависимы: от рекламщиков, спонсоров, фотографов и прочих, крутящихся вокруг них типов, далеко не самых безобидных. Ну и, конечно же, я советовал ей учиться, учиться и учиться, переглядываясь при этом с разделяющей все мои пожелания наташиной мамой. Светлана Владимировна в свою очередь сказала, что ей очень страшно за дочь:

– Она требует, чтобы мы жили хорошо и красиво, а мы живем так, как все. Мы всю жизнь здесь, в Едрово. И я родилась здесь, и муж, и Наташа, но она у нас будто с Марса. С утра встает – и все у нее «не так». Она просто всех нас достала. Ей, наверное, будет очень трудно. Ей и сейчас трудно. Она у нас за все нервничает, за все переживает. За уроки, за то, что происходит вокруг... Она у нас, знаете, левша.

– Трудно тебе? – задаю я Наташе последний вопрос.

– Да, – едва слышно отвечает Наташа.

Мама её вздыхает, а я прошу, чтобы Наташа написала мне письмо. Втайне от всех. Чтобы она рассказала о своей мечте, о том, чего хочет и что её все-таки больше всего волнует, потому что в этой беседе она так и не раскрылась, не рассказала ничего такого особенного. Наташа обещала написать.

И, действительно, через какое-то время пришло ее письмо, которое привожу дословно:

«Здравствуйте... Вот, как и обещала, пишу Вам письмо:

Мои мечты.

Я со своими родителями живу в деревне. Родилась и расту здесь, в Едрове. Вижу нелегкий труд людей: работать негде, зарплаты маленькие, деньги выплачивают не вовремя, и то их хватает всего лишь на несколько дней. Несмотря на то, что было раньше, сейчас у нас нету даже кинозала, только одна примитивная дискотека для детей.

Еще семь лет назад мы занялись фермерством. Хотели держать много коров и сдавать их молоко государству. Чтобы зарабатывать побольше денег. Но ничего из этого не вышло. Фермерство у нас доходы не приносит. Потом, мы три года держали двух коров для себя. Мама, как и сейчас, работала в библиотеке, а папа работал в совхозе

трактористом. А теперь мы уже никого не держим, кроме пяти котов и двух собак. Вот уже один год папа у нас безработный.

Несмотря на эту скучную жизнь, я решила стать фотомodelью, зарабатывать порядочно денег, ездить за границу или, другими словами, путешествовать.

Я знаю об этой профессии очень мало, но думаю, что фотомodelи снимаются в журналах и, если не ошибаюсь, в рекламах по телевизору. Хотя, по моему мнению, эта работа и трудная, но мне она тем-то и нравится. Но если я и не стану фотомodelью, то у меня есть еще одна мечта: построить себе двухэтажный домик, со всеми удобствами. Конечно, было бы неплохо, чтобы в доме был и бассейн.

Недавно появилось у меня желание попасть на обложку журнала “Маруся”. Этот журнал появился в нашей библиотеке, как раз для девочек моего возраста. Он очень интересный, и из него можно узнать много нового.

До свидания, Наташа».

Вот такое письмо, такое Едрово и такая Наташа...

Ее родители и родители родителей прожили всю свою жизнь в этом селе. Они не хватали звезд с неба, не ставили перед собою особенных целей и высоких задач главным образом потому, что не знали об их существовании. Тот же Олег Алексеевич просто жил и трудился. И сейчас трудится. Ну а мечты... Какие здесь мечты, когда надо ежедневно заниматься и собственным выживанием, и выживанием семьи, или ежечасно думать и отвечать в селе за каждого человека, даже за каждое животное. Даже разговор с заезжим журналистом и то – роскошь. *Работа наша простая, работа наша такая: жила бы страна родная и нету других забот...*

О том, что вот эта самая «страна родная» и есть, прежде всего, они сами, никому в голову прийти не могло. Цель была у страны, у народа, у великого государства СССР, теперь России, но не у маленького человечка из Едрова. Та самая, великая, но абстрактная цель заменяла, а точнее, затмевала цель свою собственную. И все думали... нет, не думали – знали, что так и должно быть.

Но что есть человек без мечты и без стремления к этой мечте?

И вот в такое серое время живет маленький человечек – Наташа. Ее мама всю жизнь работает библиотекарем, а это значит, что никогда у неё не было и не будет денег: кто знает, есть ли у нас менее оплачиваемая профессия, чем сельский библиотекарь? Её папа – отвоевавший в Афганистане, перенёсший две сложные операции, больной человек, – наслушавшись холёных кремлёвских болтунов, пытался заниматься фермерством, хотел достойно жить и трудиться, разводить мирных коров, *«чтобы сдавать их молоко государству»*. А ныне он – безработный.

Тринадцатилетняя девочка, мечтающая стать фотомodelью, живет в барачном доме, где нет ни ванны, ни горячей воды, нет туалета и прочих элементарных удобств; живет в селе, в котором нет театра, освещенных улиц и шумных бульваров; нет пусть недоступных, но красивых магазинов, нет ничего, кроме предопределенности и предсказуемости. И эта худенькая девочка, беловолосая и голубоглазая, поднимает свое маленькое восстание против векового, тысячелетнего смирения и покорства: перед обстоятельствами, предопределенностью, перед нашей дикой неменяемостью.

Девочка эта не хочет жить так, как жили её родители и родители родителей и как испокон живут её миллионы сограждан: *«...в зле да шёпоту, под иконами в чёр-р-ной копоти»*. Не хочет!

Боже упаси, если кто-то примет это за детский каприз, за испорченность и избалованность. Не из каприза или переизбытка, не от столичных излишеств и пресыщений, а, наоборот, от неимения всего этого появилась у Наташи мечта. Не от желания ещё большего, ещё лучшего и более яркого, а от отсутствия света вообще родились такие дерзкие и очень личные планы. Единственный виденный ею блеск – не из домашнего ли зеркала, в котором она могла видеть лишь... себя? Не надо и злорадства: мол, жизнь всё поставит на свои места, читай, сломает эту тоненькую веточку и швырнет в наш общий непотухающий костер. Своей мечтой она бросает вызов всем нам, не имеющим мечты. Всем, кто лишь терпит, рабски опустив голову, кто готов мириться со своим униженным положением, почитая это за Промысел Божий.

В нашей стране людям месяцами не выплачивают зарплату! Постоянно задерживают пенсии. Одновременно государство требует от людей быть к себе лояльными. Где такое еще есть? Где примеры из обозримой мировой истории? Где, в какой стране мира могли так оставить стариков, вынесших на своих плечах само наше существование? Где и какое еще государство, послав на несправедливую войну своих молодых, вступающих в жизнь граждан, – изуродовало их и оставило на произвол? Дети какой страны подвергаются массированным бомбовым ударам своего же государства?

Вот против чего восстает этот ребенок. Вот как не хочет жить Наташа. И не в её ли лице наша измученная Россия, наша страна, обретает свой действительный, а не абстрактный образ? И потому мне эта светловолосая тринадцатилетняя девочка из Едрово, с дрожащими и зажатыми губами, ближе и дороже всех фотомоделей мира вместе взятых. Будем же с нею, с Наташей, и с такими, как она, с её мечтой и надеждой о большом и красивом доме, с большими окнами, светлыми комнатами и верандами, с бассейном и обязательно с садом. Не в Америке, а у нас, в России!

Проехавший Едрово видит слева от дороги озеро, обрамленное лесами и вытянутое, словно Байкал, только гораздо меньшее. Озеро это, как и село, называется Едрово. Кто знает, не попросил ли Александр Сергеевич Пушкин ямщика остановиться здесь, чтобы насладиться

красотою? И Александр Николаевич Радищев, ехавший навстречу, из Петербурга, тоже мог остановить кибитку в этом месте. Где-то здесь – ровно половина пути! Совмести время – и, быть может, они бы у этого озера встретились.

Радищев любовался озером, прежде чем увидал здесь деревенскую девушку Анюту, вскружившую ему голову.

«Едущу мне из Едрова, Анята из мысли моей не выходила. Невинная её откровенность мне нравилась безмерно...

...Анята, Анята, ты мне голову скружила! Для чего я тебя не узнал лет 15 тому назад. Твоя откровенная невинность, любострастному дерзновению неприступная, научила бы меня ходить на стезях целомудрия...

... – Анята, я с тобой не могу расстаться, хотя уже вижу двадцатый столб от тебя...»

А у нас теперь, кроме Анюты, есть в Едрове – Наташа, тринадцатилетняя девочка, живущая где-то за озером вместе со своей мечтой.

Валдай

Уже был вечер, когда я подъезжал к Валдаю...

Кто хотя бы раз ездил по трассе, согласится, что природа этих мест чудесная, а ехать за рулем одно удовольствие. По направлению дорога здесь прямая, как стрела. Но вместе с тем она повторяет волнообразный ландшафт и поэтому видны участки трассы на многие километры, а лесистые возвышенности создают эффект театральных боковых кулис, но только подвешенных горизонтально. Когда светит солнце и стелется легкая дымка, то кружится голова от открывающегося простора: перед тобой не один, а множество горизонтов.

Всего этого, однако, не видно в темноте, а удовольствие от вождения автомобиля сменяется на чувство прямо противоположное: надо внимательно глядеть в оба, потому что участок трассы перед Валдаем очень опасный. Дороги наши никак не рассчитаны на то, чтобы по ним ездили ночью, и один из самых очевидных их недостатков тот, что совсем не видно разделительной полосы и такой же полосы, отмечающей край дороги. Отсюда риск съехать на полной скорости в кювет или выехать на встречную полосу и столкнуться с идущим навстречу автотранспортом, который к тому же постоянно слепит. Поэтому ездой в ночное время лучше пренебречь, благо в пути есть где остановиться и переночевать, кстати, без всякой опаски за автомобиль. При гостиницах в Торжке, Валдае и Новгороде есть гаражи.

Миновав дорожные опасности, я свернул с трассы направо, проехал железнодорожный переезд и вскоре оказался в старинном русском городке Валдай, очертания которого определить в вечернее время было невозможно. Поэтому знакомство с городом я решил перенести на утро, а вечер посвятить отдыху в гостиничном номере. Кстати, свободные номера здесь есть всегда, с холодной и горячей водой, ванной или душем, телевизором отечественного производства и,

если это вам необходимо, с телефоном. Стоимость такого номера обычно не превышает двадцати – двадцати пяти долларов, причем пользование гаражом входит в стоимость. Так, во всяком случае, обстоят дела в Валдае. Кроме этого, в гостинице есть буфет, и если вы не слишком привередливы, то он вас вполне устроит.

Вообще, на пути из Москвы в Санкт-Петербург попадается множество различных кафе, закусочных и трактиров. Но из тех, в которых побывал я, могу смело поручиться лишь за кафе турбазы «Спутник», недалеко от Твери, и особенно за кафе-мотель «Коломно», в двадцати километрах от Вышневого Волочка. А.С.Пушкину в Торжке нравились жареные котлеты, а в кафе «Коломно» тамошние повара готовят на совесть всё, а в особенности – жареную печень...

Итак, заполнив две анкеты «печатным почерком» (таковы требования местных властей к администрации гостиницы) и получив ключи, я переступил порог своего номера.

Вместе со мной в открывшуюся дверь вошел небольшой таракан. Вошел, в отличие от меня, уверенно, что немудрено: шел он все-таки к себе домой, в то время как я здесь лишь на ночь. Приняв с дороги горячий душ, за наличие которого можно простить присутствие в номере даже волков, я направился в буфет, описывать который нет никакой надобности, потому что всякому известно, что такое эти буфеты, с алюминиевыми ложками и вилками, гранеными стаканами, с клеенками и солонками на столах, шумными буфетчицами и такими же шумными мужицкими компаниями, весело пьющими горькую. В тот вечер в меню были сосиски с гречневой кашей...

...Знаете, есть что-то притягательное в этих гостиничных провинциальных буфетах, в этих простецких придорожных столовых. Какая-то мирная вневременная и неменяющаяся обстановка: вот, не спеша, ходит, протирая столы тряпкой, здоровенная тетка; вот рядом такая же здоровая буфетчица, облокотившаяся на прилавок; а вот и люди сидят, такие же с виду здоровые, накалывают на вилки котлеты или сосиски, макают их в горчицу или солонку и едят... И пока жуют – никого не трогают, ничего дурного не вытворяют, а лишь смотрят в одну точку и о чем-то думают. О чем? Наверное, о котлете и думают...

Мы затрагиваем эти, быть может, не очень яркие моменты нашего путешествия лишь для того, чтобы не вызвать у читателя слишком романтизированного о нём представления: да, не обойтись нам без гостиниц с тараканами, без котлет с буфетчицами и без всего прочего, что составляет неотъемлемую часть всякой затянувшейся поездки...

Возвратившись к себе в номер, я решил позвонить домой и сообщить, что со мною все в порядке, что я жив и здоров. Для этой простой процедуры требуется приобрести у портье специальный талончик и уже после этого заказать разговор. Портье оказалась молодой женщиной лет тридцати, у которой, в соответствии с нашими целями и задачами, было бы недурно выведать: действительно ли **«...всякого проезжающего наглые валдайские и стыд сотрясшие девки останавливают и стараются возжигать в путешественнике любострастие...»?**

Поэтому я прихватил с собою книжечку Радищева и, когда несложная процедура с приобретением талончика подошла к концу, спросил у портье (назовем ее Верой), как она относится к следующим невинным размышлениям Александра Николаевича о её родном городе:

«Бани бывали и ныне бывают местом любовных торжествований. Путешественник, условясь о пребывании своем с услужливою старушкою или парнем, становится на двор, где намерен приносить жертву всеобожжаемой Ладе. Настала ночь. Баня для него уже готова. Путешественник раздевается, идет в баню, где его встречает или хозяйка, если молоды, или ее дочь, или свойственницы ее, или соседки. Отирают его утомленные члены; омывают его грязь. Сие производят совлекши с себя одежды, возжигают в нем любострастный огонь, и он препровождает тут ночь, теряя деньги, здравие и драгоценное на путешествие время. Бывало, сказывают, что оплошного и отягченного любовными подвигами и вином путешественника сии любострастные чудовища предавали смерти, дабы воспользоваться его именем. Не ведаю, правда ли сие, но то правда, что наглость валдайских девок сократилась. И хотя они не откажутся и ныне удовлетворить

желаниями путешественника (посмотрел я осуждающе на Веру, – авт.), но прежней наглости в них не видно».

– Так как же все-таки на Валдае обстоят дела с этим самым? Прав или не прав был Александр Николаевич? – спросил я.

– Что, валдайских баранок или девок захотелось? – спросила громко Вера, и я понял, что Радищева она читала внимательно, а на подобный вопрос уже не раз отвечала.

– У нас-то наглости поубавилось, а вот у вас...

– Не надо. Я это зачитал с чисто исследовательской целью...

– А у вас, у мужиков, единственная цель – одна. На всех.

– Неправда, Вера, – произнес я очень серьезно, честно глядя в её лукавые глаза. – Просто, зная, что именно Радищев написал о Валдае, я хочу этот вопрос здесь, так сказать, поднять. Мне и стоящим за моей спиной читателям очень важно знать, насколько это действительно так, и если вы поможете с этим разобраться, то мне больше ничего от вас не надо, а читатели будут вас с благодарностью вспоминать.

И далее я рассказал Вере о том, что за время своей поездки по радищевско-пушкинскому маршруту убеждался, и не раз, что вся жизнь маленьких городов, сел и деревень полностью зависит от женщин, что практически все, с кем мне пришлось разговаривать, – женщины, которые вот в такое трудное время, видимо из чисто инстинктивных соображений спасения нации, вынуждены выходить на первые роли. Я вспомнил Городню, Медное, Выдропужск, Вышний Волочок...

– Вот в этой связи, – подытожил я, – мне и интересен Валдай. А если бы не вы, то я задал бы этот вопрос кому-нибудь другому...

– Не «другому», а «другой», – бесцеремонно поправила меня Вера. – Завтра с утра будет моя сменщица, Ириной зовут, ее и спросите.

– Завтра с утра я буду уже отсюда далеко, – почти пожаловался я на свою зависимость от суровых обстоятельств. – Надо еще во многие места заехать... Меня уже ждут в Яжелбицах.

После этого Вера стала более милосердной и согласилась отвечать на мои вопросы. Видимо, знание мною недалеких отсюда Яжелбиц вызвало ко мне некоторое доверие.

– Женщины цепляются за жизнь в основном потому, что у них есть дети, – рассказывала Вера. – Мужчине что? Пришел домой, лег на

диван – и всё. Есть дома хлеб или нет – его не волнует. Ребенок если и попросит еду, то у матери. В гостинице нашей все женщины практически живут одни, без мужей. И вообще, на Валдае и, наверное, везде жить легче одной. Потому что у женщин и зарплата повыше, и профессия стабильная, и положение более определенное. Женщины более надежны в работе: меньше скачут, а больше работают. Мужчины же сейчас работают главным образом «на подхвате». У нас они в основном шофера в авторемонтном предприятии. Так там денег уже давно не платят. И на других предприятиях тоже. Поэтому всё в нашей жизни – на плечах женщин. Детям ты не объяснишь, что не выдали зарплату. Им надо есть, одеваться... Ребенок идет в школу – завтрак нужен? Нужен. И обед нужен, и ужин... Мать на все пойдет, чтобы дитя сохранить. Но, только ради ребенка. А не ради мужика... У нас огороды, дачи – всё на женщинах. Мужика интересует только бутылка.

– Но, не все же такие, – стал возражать я, имея в виду себя.

– Может, и не все, но вот идешь по улице, и так, чтобы глаз на ком-то остановился, чтобы на кого-то оглянуться, обратить внимание, такого нет. Все они, если честно сказать, грязные, неопрятные... Вот женщина идет на работу, она и одеться стремится по красивее, и за прической следит, и старается понравиться, хотя может, делает это из последних сил... А мужикам на свой внешний вид наплевать. Было бы что выпить. Так что мы все здесь радуемся, что живем одни, без таких вот «подарков». Хотя для детей, конечно, это утрата.

– Но, скажите, Вера, если откровенно, без мужчины все равно плохо. Ведь есть еще и какие-то чисто физиологические потребности, – робко спросил я, подводя тему вплотную к Радищеву, и выключил диктофон, чтобы не смущать собеседницу.

– Можете не выключать, – без смущения отреагировала Вера.

– Кто это вам сказал, что я обхожусь без мужчины? Вот я работаю в гостинице, и если мне для жизни нужен мужчина, я пойду и себе его найду... Мужчины – как? Они приходят, вот как вы, заводят разговор, хотя бы и про Радищева, потом зовут в номер, потом шампанское... Все это одинаково и заранее известно. Но вам кажется, что это вы нас «снимаете», а на самом деле – «снимаем» мы. Я выбираю, а не наоборот. Я могу и поговорить, вот как с вами, и выпить

шампанского, а потом ведь я решаю: идти в постель или нет. Если мне мужчина не нравится, то никакими шампанскими меня к нему не заманишь. Я ведь не девочка... Но для меня что важно? Вот я приду к такому мужчине на день, на час или на два, и мне никто не скажет, что я сука или что-то в этом роде, как это мужики в семьях своих жен кроют последними словами. Меня и покормят, и приголубят, и скажут, какая я хорошая и красивая... Пусть на два часа, пусть даже это и не искренне, но зато потом этими воспоминаниями я буду жить месяц или два. Надо будет – я еще кого-нибудь найду... Вот вы со мной говорите о литературе, об истории, а значит, считаете меня достойной такого разговора. А с женой вы когда-нибудь говорите на такие темы?

– Не часто, – соврал я.

– Ну вот, а со мной – говорите! Ваша цель, конечно, запудрить мне мозги, но это не важно. Важно, что вы со мной о серьезном говорите, и мне интересно. У меня есть знакомый мужчина, с которым я встречаюсь. Редко, конечно, потому что у него семья. Но я с ним встречусь и дальше живу спокойно, никто мне нервы не треплет по ночам. Я пришла с работы, ложусь и отдыхаю спокойно.

– А замуж за такого, хорошего, вы бы вышли?

– У меня была возможность выйти замуж, и не одна. У меня квартира прекрасная, обставлена, все сделано красиво, кстати, тоже мужчиной. Но жить с ним я не согласилась. Не хочу приносить несчастье человеку, которого все равно не полюблю. Обманывать никого не хочу. Поэтому мне легче жить одной.

– А чем вообще здесь люди живут?

– Раньше были кинотеатры, и люди ходили в кино. Теперь все смотрят «видики». В кино ходить смысла нет. Дом культуры у нас был, но сгорел...

– Когда?! – быстро среагировал я на близкую нашему путешествию «пожарную» тему.

– Под самый Новый год, на 1995-й, – ответила Вера.

– Вот это да!

– Не ясно, то ли его взорвали, то ли сам сгорел... Завтра пойдите и посмотрите. Так вот, есть здесь театр, но я, к своему стыду, еще ни

разу не была, хотя всегда собираюсь. Дискотека есть для ребятишек. И всё... Раньше было хоть что-то. Ребята молодые в основном все пьют.

— А девушки чем занимаются? Проституцией? — вернулся я к изначальной теме.

— А вы мне ответьте: чем отличается б... от проститутки? Разница есть? Вы сможете ответить? — спросила неожиданно и несколько раздраженно Вера.

Я серьезным тоном сказал о том, что проститутка это все-таки профессия, что, вообще, я видел настоящих проституток на Сент-Дени в Париже или на Риппербане в Гамбурге, что они там такие огромные, что их за версту видать, а одеты так, что захочешь — не ошибешься. А вот на наших улицах стоят, так иной раз и не определишь, б... это или проститутка.

— Им деться некуда, — объясняла Вера. — У мамки денег нет. Батя пьет. А одеться красиво хочется. И вот сейчас пойдите, посмотрите, они у нас на «пьяной» площади у ларьков стоят. Спасибо, что молодая и красивая, подъедет машинка, попросит кто-нибудь прокатиться, дадут денег на косметику или еще что-нибудь — и всё. А кроме того, им это сегодня даже нравится. У них какой-то свой круг общения, общие интересы, опять же занятость, романтика. Дома-то помрешь от скуки...

— Вы их оправдываете?

— Я их не осуждаю... Но это вы, мужчины, до такого довели, что такие девочки вынуждены продавать себя, чтобы нормально жить. И покупатели их, кстати, тоже вы — мужики. Поэтому, не надо никого обвинять в продаже тела, совести или еще чего. Уж как вы её продаёте, так никто нигде не торгует. Я на политиков, на всех этих журналистов с писателями смотреть не могу. Вот они — продают свою душу и совесть на глазах у всех, и ничего. А больше им продавать нечего. Тела их никому не нужны. Зато о морали много говорите. А проститутка продает только тело. Душу свою она бережет. Это вы, мужчины, покупая её тело, душу ей отдаете: ведь любите и поговорить «по душам», и даже поплакаться. А что в христианстве дороже: душа или тело? Мария Магдалина была, между прочим, проституткой, а Воскресение Христа первой признала, раньше вас, мужиков.

– Она все-таки была раскаявшейся! – продемонстрировал я знание вопроса.

– Так и эти бы раскаялись, если бы им встретился Христос. А так, вместо Него – кто? Перед кем каяться-то? – строго сказала Вера и дала понять, что ей надо заниматься уборкой помещения.

– Иди, – сказала она мне, перейдя на «ты». – Я к тем, с кем на такие темы говорю, в постель не иду.

*Имеет сельская свобода
Свои счастливые права,
Как и надменная Москва.*

Просидев молча рядом с Верой еще минуту (для приличия), я вышел и через некоторое время уже звонил к себе домой, сообщая, что со мной все в полном порядке...

Валдай – небольшой городок, расположенный в самой высокой части знаменитой Валдайской возвышенности, на берегу большого озера, тоже Валдайского. На одном из островов этого озера находится Иверский монастырь, основанный еще патриархом Никоном в XVII веке. Энциклопедии наши сообщают, что когда-то Валдай был селом Богородицким, принадлежащим этому монастырю, и лишь с середины XVIII века он становится городом Новгородской губернии. Поскольку город стоял на важнейшем тракте, то основным промыслом здесь были ямская гоньба, извоз, содержание постояльцев. Всем известны знаменитые валдайские ямщицкие колокольчики, чей звон раздавался на всех дорогах России и который был воспет во многих художественных произведениях и народном творчестве.

*Вот мчится тройка удалая
Вдоль по дороге столбовой,
И колокольчик, дар Валдая,
Гудит уныло под дугой...*

Литьё колоколов и колокольчиков здесь начато в конце XVIII века на колоколотейном заводе братьев Усачёвых. Славились также

художественная строчка и кренделя – те самые баранки, которые упоминает Радищев. А вот насчет местных фривольных девиц и бань энциклопедии молчат. Видимо, и без того про валдайских девок все было известно.

В наше время этот городок, население которого составляет не более двадцати тысяч, ничем особенным не отличается. За последние годы он упоминался лишь в связи с курьезным полетом президента России с целью, как утверждалось в прессе, осмотреть окрестности Валдая для организации возможного отдыха. Но на фоне других «курьезов» этот как-то сразу забылся. Не знаю, кому как, но на меня сей городок произвел на этот раз впечатление удручающее. Возможно, летом или ранней осенью действительная картина скрывается за густой листвой деревьев и удивительная природа этих мест скрашивает существующую разруху. Во всяком случае, впечатление моё оказалось много хуже, чем я ожидал.

Объехав несколько раз центр города, я оказался на площади Свободы, куда стекались валдайские «челночники». Они разворачивали палатки, выкладывали товар, привезенный в основном из Москвы, и готовились провести на площади весь день.

Описывать этот челночный товар нет никакого смысла: он одинаков всюду, как одинаковы сами «челночники». К тому же мой взор сразу же остановился на окружавших меня развалинах и прежде всего на бывшем Доме культуры, о котором накануне рассказывала Вера. Я стал фотографировать развалины, и, заметив это, ко мне подошел один из «челночников», торговавших здесь же, рядом. Приняв меня за журналиста, он впопыхах начал рассказывать о случившемся.

– Видите, да?! Это взорвали прямо под самый Новый год. Видите?! Был такой страшный взрыв, просто ужас! Был полный зал народу. Шла молодежная дискотека. И началась страшная паника. Все сразу бросились к окнам. Некоторые стали выбрасывать вещи из гардероба и бросать их в окна. Поднялся страшный крик... Одни вещи спасали, другие, пользуясь паникой, их хватали и убегали. Странно, но погиб всего один человек... Все были пьяными. И милиция, и пожарники, и те, кто горел, и те, кто тушил... Был ведь канун Нового года, полночь... Вы обойдите здание и посмотрите, какой страшный был взрыв.

– А что же руководство ваше? Ведь уже два года прошло.

– А что наше руководство? Валдайские начальнички – что валдайские колокольчики: звенеть – звенят, а больше ничего. Они, знаете, все замяли. Сказали, что это просто пожар был, никакого взрыва. Вот так у нас во всем.

– А что же это было за здание, прежде чем стало Домом культуры? – спросил я.

– Это была церковь, – ответил «челнок».

...Вот и здесь уместно вспомнить хотиловского старичка. И здесь полная неясность. Я спрашивал, казалось, об очевидном, но никто не мог ответить, что именно здесь произошло, хотя почти все живущие неподалеку прибежали во время катастрофы сюда, на площадь. Одни мне

сказали, что никакого взрыва вообще не было; другие – что взорвались бочки с бензином, которые якобы хранил в подвале здания какой-то местный музыкант; третьи вообще поминали нечистую; четвертым было на всё это глубоко наплевать, – словом, ничего определенного я

так и не узнал. Стоят уже почти два года на центральной площади развалины некогда ключевого в валдайской жизни здания, и никому нет до того дела.

И это не единственные развалины. Совсем рядом – еще одна полуразрушенная церковь, судя по всему довольно большая и в прошлом красивая. На её облезшей стене висит табличка с известным содержанием насчет охраны этого архитектурного памятника неким государством... Между этой церковью и взорвавшимся Домом культуры горит «Вечный огонь», в память о павших в Великую Отечественную войнах-валдайцах. По другую сторону сгоревшего ДК – еще одно заброшенное и развалившееся двухэтажное здание. В нем когда-то находился валдайский Дом пионеров. Венчает площадь современное типовое прямоугольно-коричневое здание ресторана. Разруху площади Свободы дополняют многие полуразрушенные дома на Советском проспекте. Фундаментально и благополучно на этом тоскливо-обреченном фоне смотрится лишь огромное здание местной администрации, доставшееся нынешнему валдайскому начальству от прежнего. Кстати, об администрации...

В киоске «Союзпечать» я приобрел местную газету «Валдай», выходящую с 1922 года. Ее нынешний тираж – чуть меньше трех тысяч. Внимание привлекла передовица «Народные избранники», под рубрикой «Местное самоуправление». В этой статье глава Лутовенской сельской администрации В.Иванова рассказывает об опыте введения в деревенскую жизнь института старост. Статья эта служит хорошим материалом для более ясного представления о валдайской и вообще о российской жизни. Тем более что тему старост мы затрагивали в главе «Едрово». Вот эта статья:

«На территории Лутовенской Администрации постоянно проживает около 500 человек. Это сравнительно небольшое население размещается в 13 населенных пунктах. На нашей территории имеется одно предприятие совхоз "Красная звезда". В штате Администрации работают два человека.

Для того, чтобы лучше удовлетворять просьбы населения и теснее осуществлять связь между жителями деревень, отдаленных от центра, на сходах граждан были избраны старосты.

В деревне Кувизино на первом сходе по выбору старосты жители решили, что он им не нужен, но потом поняли, что нет необходимости и

возможности по каждому вопросу ходить в Администрацию, что некоторые вопросы можно решать и на месте. Уже на другом сходе старостой единогласно был избран Алексей Яковлевич Петров. Несмотря на пенсионный возраст, он активно включился в работу, и Администрация поддерживает его в основных вопросах. По просьбе жителей в деревне Кувизино восстановлен водопровод, который не работал два года. Для удовлетворения нужд населения приобретена лошадь, которую содержит староста.

Татьяна Васильевна Матвеева – староста в шести маленьких населенных пунктах: Сиротино, Подбережье, Селилово, Высокуша, Милятино и Карнаухово. Она работает продавцом в магазине. Постоянно люди обращаются к ней то с одной, то с другой просьбой. И она никому ни в чем не отказывает. Приятно слышать слова благодарности в ее адрес, пенсионеры ласково называют ее "наша Танюшка".

Учитель Лутовенской школы Сергей Константинович Храпков – староста в деревне Поломять. Деревня отдалена от центральной усадьбы, и проживают здесь в основном пенсионеры. Сергей Константинович постоянно общается с жителями этой деревни, принимает к сведению все их просьбы, пожелания и передает в Администрацию. В этой деревне назрела необходимость строительства нового моста через реку Поломять, так как имеющийся пришел в негодность. С помощью районной Администрации стараемся решить этот важный для сельских жителей вопрос.

В деревне Сосницы старостой избран молодой энергичный человек Николай Иванович Моков – лесник АО "Валдайлес". Он работает в тесном контакте с населением и сельской Администрацией. С его помощью в деревне произведена очистка колодца, установлены скамейки возле мест ожидания автомагазина, осуществляется доставка дров пенсионерам. Он неукоснительно выполняет все поручения сельской Администрации.

В связи с избранием старост и работа Администрации намного оживилась. Ежемесячно старосты собираются у главы сельской Администрации, рассказывают о своих проблемах и просьбах населения. Мы по мере возможности стараемся реагировать на эти просьбы, но бюджет Администрации не позволяет выполнять работы, связанные с большими денежными затратами. В этом плане мы возлагаем большие надежды на поддержку со стороны районной Администрации».

Из этой примечательной статьи очень многое можно узнать: и о жизни маленьких, мало кому ведомых валдайских деревень, и об их

маленьких (для них, конечно, больших!) проблемах, которые они как-то решают вместе со своими маленькими, на сходах избранными, начальниками-старостами. Здесь и дрова пенсионерам, и колодцы, и скамейки для ожидания автомагазина, и одинокая лошадь «для удовлетворения нужд населения», и слово «Администрация», упоминаемое в небольшой статье аж двенадцать(!) раз и только с большой буквы, и многое другое, что столичному жителю уже и неведомо вовсе или кажется лишь далеким воспоминанием, причем не о нем самом. А названия деревень! А имена и фамилии старост! А речка Поломять! А Татьяна Васильевна Матвеева – «наша Танюшка», что старостой сразу в шести деревнях да продавцом в магазине, да при том еще «никому ни в чем не отказывает»!.. Да тут и филологам, и лингвистам есть над чем поразмышлять, и нашим российским политфутурологам тоже. Мы же с вами все это просто принимаем к сведению, не считая себя вправе обойти стороной, коль скоро заехали в этот до боли знакомый русский край.

*По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.
Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика;
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...*

Яжелбицы

В ноябре 1826 года, вернувшись в Михайловское, А.С.Пушкин пишет письмо в Москву, своему другу: **«Мой милый Соболевский – я снова в моей избе. Восемь дней был в дороге, сломал два колеса и приехал на перекладных...»**

Далее Александр Сергеевич дает другу «инструкцию», без упоминания о которой уже ни одно путешествие по трассе Москва – Петербург не мыслимо: **«...Во-первых, запасись вином, ибо порядочного нигде не найдешь. Потом (на голос: "Жил да был петух индейский")**

*У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазоном макарони,
Да яичницу свари.
На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай (именно котлет)
И отправься налегке.
Как до Яжельбиц дотащит
Колымагу мужичок,
То-то друг мой растаращит
Сладострастный свой глазок!
Поднесут тебе форели!
Тотчас их варить вели,
Как увидишь: посинели,
Влей в уху стакан шабли.
Чтоб уха была по сердцу,
Можно будет в кипяток
Положить немного перцу,
Луку маленький кусок...*

Яжельбицы – первая станция после Валдая. – В Валдае спроси, есть ли свежие сельди? если же нет,

*У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю накупи баранок
И скорее поезжай.*

На каждой станции советую из коляски выбрасывать пустую бутылку; таким образом, ты будешь иметь от скуки какое-нибудь занятие».

Ничего не скажешь, веселые советы давал Александр Сергеевич своим друзьям. Не оттого ли любили они его до беспамятства? Что касается нас, то с податливостью «валдайских крестьянок» мы уже, кажется, познакомились, а что до вина... На трассе столько постов ГАИ, что и трезвому проехать непросто.

У Яжелбиц история богатая. Тут много чего свершилось, начиная с самого названия. Вроде бы ехал по этой дороге во главе новгородского войска князь Александр Ярославич Невский. Ехал на битву с другим

русским князем, здесь уже не помнят каким. И вроде бы он, едучи на своем коне, постоянно молчал, а если что и говорил, то такое, что и летописцы предпочитали не записывать, дабы не портить репутацию благоверному. Видимо, настроение у князя было препаршивое. И было

отчего: ни про уху, ни про баранки, ни о податливых крестьянках Александр Ярославич не знал, а такого простоватого дружка, какой был у Соболевского, у него не было. Князь ехал и молчал, но руки чесались, и потому, добравшись до этих мест, он вдруг остановился и громко – так, чтобы и летописцы услышали, – произнес: **«Я желаю биться!»** Сказал он это громко, но очень быстро, так что паузы между словами почти стерлись – сначала валдайским эхом, а затем и народной молвой, коей свойственны упрощения. В итоге получилось: **«Яжелбицы! Яжелбицы! Яжелбицы!...»**

Эта же самая народная молва утверждает, что, проехав чуть дальше в сторону Валдая (откуда мы как раз сейчас едем), Александр Ярославич будто бы взойшел на гору, остановился и вновь замолчал в раздумии, стал как бы нем. Отсюда пошло название и горы, и деревни – Немчинова гора.*

А еще через некоторое время князь (пойми его) вообще передумал биться и, чуть дальше, в соседней деревне, заключил мир. С тех пор деревня носит название Миронег.

Так внутренние противоречия легендарного князя отразились в противоречивых названиях близлежащих деревень.

Конечно, это предания, и насколько они отражают действительность, никто не знает. Возможно, в их основе лежат более древние события, о которых и Александр Невский знал как о «преданиях старины глубокой». Известно, что на месте села существовали древние поселения, и даже сохранились захоронения того времени – курганы, которые наши предки насыпали над могилами погибших воинов и вождей. И один из таких курганов, причем нераскопанный, находится прямо перед окнами сельской администрации, напоминая нынешним яжелбицким начальникам о преемственности власти, а заодно о ее бречности.

* Проезжая через Немчинову гору, я так и не понял, живут ли здесь люди: обветшалые серые дома пусты, окна и двери забиты фанерой, заколочены доской. Все заброшено, пустынно, вокруг никого, все молчит, как когда-то молчал здесь Александр.

Примерно пять веков назад на территории Яжелбиц происходили значительные события, решавшие судьбу Новгородской феодальной республики. Само село особой роли не играло, но волей обстоятельств и благодаря своему расположению стало их свидетелем. Вот как описывает это С.М.Соловьев:

«...И вот, управившись с князем можайским и татарами, Василий в 1456 году выступил в поход против Новгорода за его неисправление. В Волоке собрались к нему все князья и воеводы со множеством войска; из Новгорода также явился туда посадник с челобитьем, чтоб великий князь пожаловал – на Новгород не шел и гнев свой отложил. Но Василий не принял челобитья и продолжал поход, отправивши наперед на Русу двоих воевод, князя Ивана Васильевича Оболенского-Стригу и Федора Басенка, а сам остановился в Яжелбицах». (Сочинения. В 18 кн. Кн. II. Т. 3-4. История России с древнейших времен. С. 414.)

Посланные великим князем Василием Васильевичем воеводы одержали победу, и в Яжелбицах был заключен договор, который фактически положил конец независимости Новгородской республики. В этом договоре, в частности, обуславливалось: «1) вечевым грамотам не быть; 2) печати быть князей великих». (То есть московских.)

А еще через пятнадцать лет в этом же селе Иван III узнал об исходе решающей битвы между Москвой и Новгородом, произошедшей у реки Шелони 14 июля 1471 года. В Яжелбицах великий князь принимал новгородских послов с челобитными.

В XV веке была установлена почтовая связь – ямская гоньба. Были созданы станции – ямы, в том числе и ям Яжелбицкий, который стал играть важную роль после основания Петром Первым новой столицы Российского государства. Яжелбицы оказались на пути между двумя крупнейшими центрами империи. В царствование Екатерины Второй, неоднократно следовавшей через село, здесь были построены гостиницы и почтовый двор.

В 1790 году, в осеннюю холодную погоду, через Яжелбицы в «гнушной нагольной шубе», взятой у какого-то солдата, под «крепчайшею стражею» был провезен Александр Николаевич Радищев, направленный по этапу в десятилетнюю ссылку. За то самое свое

«Путешествие», которое и нас, спустя два века, подвигло на присутствие в этом селе. Впрочем, Александра Николаевича провезли по всей дороге: от Петербурга до Москвы и дальше, почти до самого Байкала, в Илимск – всего 6788 верст!

О чем он думал, невольный путешественник, проезжая близкие сердцу города, села и деревни: Чудово, Подберезье, Едрово, Хотилово, Вышний Волочек, Медное, Городню?... Вспомнил ли Анюту из Едрова? Увидал ли девичий хоровод в Медном? Услыхал ли пение слепого старика в Клину? Каким он был в этом своем не книжном, а реальном и трагичном «путешествии»?

Сам же Радищев и ответил:

*Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? –
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду.*

Ну а пока, мы – в Яжелбицах. Вольные! И нам, кажется, ничего не грозит. Напомним, что в этой главе Радищев повествует о страшной сцене на местном кладбище, где отец, раскаивающийся в страшном своём грехе, терзался у гроба сына, «вещая к предстоящим»:

«Почто вы меня его лишили, почто меня с ним не погребли живого и не скончали моей скорби и раскаяния? Ведайте, ведайте, что я есмь убийца возлюбленного сына моего, его же мертва предали земле. Не дивитесь сему. Я не прекратил жизни его ни мечом, ни отравою. Нет, я более сего сделал. Я смерть его уготовил до рождения его, дав жизнь ему отравленную. Я есмь убийца, каковых много, но есмь убийца лютейший других. Убийца сына моего до рождения его...»

Иначе говоря, будущий отец еще при зачатии заразил будущего ребенка (сына) венерической (смердной) болезнью, смертельной по тем временам. Радищев вскрывает эти пороки, бросает обвинения правительству и фактически выступает за легализацию проституции:

«...Оно <правительство>, позволяя распутство мздоимное, отвергает не токмо путь ко многим порокам, но отравляет жизнь граждан. Публичные женщины находят защитников и в некоторых государствах состоят под покровительством начальства. Если бы, говорят некоторые, запрещено было наемное удовлетворение любовных страсти, то бы нередко были чувствуемы сильные в обществе потрясения. Увозы, насилия, убийства нередко бы источник свои имели в любовной страсти. Могли бы они потрясти и самые основания обществ».

Отметим, что дискуссии на этот счет не затихают, а сам Александр Николаевич, если бы и не оказался сегодня закованным в кандалы, то понят был бы далеко не всеми.

Современные Яжелбицы, как и почти все остальные деревни и села, находящиеся на пути из Москвы в Санкт-Петербург, разделены трассой. Старая часть села, где до сих пор стоят развалины старинных екатерининских построек, находится слева внизу, а современная, с несколькими хрущевками, типовым Домом культуры, зданием сельской администрации и магазином, – справа, повыше. В этой части села

жители выглядят вполне по-городскому. На остановке я увидел не привычную толпу, а спокойную очередь, поджидавшую автобус.

Почти все вышеизложенные исторические справки я переписал из обычной школьной тетрадки, где аккуратным ученическим почерком добросовестно изложена история Яжелбиц: от древних курганов до наших дней. А самую драгоценную тетрадку мне подарила Татьяна Васильевна – местный библиотекарь. С нею, а также с директором Дома культуры Николаем Александровичем я и провел свою первую беседу в Яжелбицах.

Из разговора с ними я узнал, что основным и едва ли не единственным крупным производством в современной истории Яжелбиц являлась птицефабрика. Это значит, что почти все жители делились: на еще не работавших на птицефабрике (по молодости), работающих на ней в настоящее время и на уже отработавших и уволенных на пенсию. Примечательно, что приезжали и благополучно работали здесь люди из разных республик и городов Советского Союза. Поэтому сформировался этакий полугородской житель. Отсюда соответствующий культурный уровень Яжелбиц, штрих которого – цивилизная очередь на автобусной остановке.

Обо всем мы упоминаем в прошедшем времени, потому что сейчас работа этого крупного и некогда рентабельного производства, располагавшего сотнями тысяч птиц и обслуживавшегося шестьюстами

работниками, сведена практически к нулю. Это связывают с политикой правительства, которое отечественным курам предпочло пресловутые «ножки Буша». Был в Яжелбицах, помимо птицефабрики, еще и

птицесовхоз, участь которого такая же, но он еще вроде бы живет за счет крупного рогатого скота. Хотя и он сокращается день ото дня. В итоге в селе началась безработица, и люди вынуждены перебиваться случайными заработками, то есть заниматься тем же, чем занимаются сейчас большинство населения нашей страны. Отличает Яжелбицы то, что пенсионеры, а их в селе большинство, получая пенсии, находятся, как здесь считают, в положении более стабильном и выгодном, чем поколение среднее, существование которого вообще ничем не обеспечено. Что касается перспектив, то они, судя по рассказам жителей, совсем не радужные. Народ окончательно обнищает. Развалятся уже совсем предприятия, и безработица будет повсеместная. Купить технику и заняться земледелием вряд ли кто сможет: не по карману, да и не умеет этим серьезно никто заниматься. Словом, село ждут серьезные потрясения. Мне даже, к слову, рассказали загадочную историю деревни Киты, которая находилась здесь неподалеку. Якобы во времена коллективизации жители этой деревни не захотели вступать в колхоз, дружно сожгли все свои дома и разошлись кто куда. Осталось лишь урочище с разрушенными фундаментами от изб. Даже откуда название такое морское взялось – Киты – никто не знает.

Естественно, что на таком фоне жизнь не может быть иной, чем унылой и скучной. Ее вряд ли могут скрасить заезжие гастролеры, дающие иногда концерты в Доме культуры. Может, поэтому здесь с особой любовью относятся к местному вокально-инструментальному ансамблю. Так вот, душой и вокалистом этого ансамбля являлась (впрочем, является и сейчас) учительница музыки из средней школы – Елена Викторовна. Ансамбль так и называют – «Элен и ребята», в честь известного французского телесериала, о существовании которого я, большой любитель и знаток Франции, впервые узнал от Наташи из Едрово. Этот ансамбль, репетировавший и выступавший на подмостках местного ДК, видимо, продвинулся настолько далеко, что о нем заговорили в районе, и кто знает, что его ожидало дальше, если бы ансамбль и, главным образом, его солистку не заметил сам глава Администрации района. А мы с вами помним по предыдущей главе, что и само слово «Администрация» на Валдае пишется с заглавной буквы.

Итак, глава Администрации, видимо, побывал на концерте ансамбля, и не на одном, с карандашом и блокнотом. Оценив форму и внимательно вслушавшись в содержание, он решил, что первое значительно опережает второе (или наоборот). Во всяком случае валдайский начальник не нашел ничего лучшего, чем предложить Елене Викторовне... нет, не свое начальническое сердце, и даже не новый комплект аппаратуры для ансамбля, он предложил ей... стать главой Администрации Яжелбиц!

Своя рука – владыка. И вот уже валдайский глава сам приехал в Яжелбицы, пригласил на встречу с собой учительницу и уже не предлагал, не уговаривал, а просто сказал громко, как некогда князь Александр: «Я желаю...» Поскольку сказал он это в закрытом помещении, то эха не было, и потому до Елены быстро дошел истинный смысл сказанного. Она заартачилась, заупрямилась, мол, хочу остаться простой учительницей, женщиной и певицей, а кроме того, нет опыта хозяйственной деятельности, к тому же – дети, школа... Всуе даже были упомянуты Бетховен с Моцартом, и еще, кажется, Брукнер... Но все тщетно. Валдайский администратор, нахмутив брови, сказал: «А кто вам, Елена, мешает остаться женщиной? Посмотрите, сколько женщин вокруг этим занимаются!» (То есть работают главами сельских Администраций.) А далее, видимо, была произнесена тирада о несоответствии формы содержанию (или наоборот): «Мы, Елена, – наверное, говорил глава, – принадлежим к той категории людей, которые не останавливаются на достигнутом. Нам всякий раз становится тесно в уже освоенном пространстве. Нам нужны новые формы для самореализации. У вас энергия бьет ключом, хочет вырваться наружу, а возможности у ансамбля узкие – все-таки не Роллинг Стоунз, – и вы уже не можете реализовать себя лишь песнями и игрой на аккордеоне. Вам, Елена Викторовна, – убеждал главный валдайский Администратор, – нужна власть. Сначала небольшая, в масштабе села, а потом... потом – посмотрим, демократия ведь всем открывает дорогу».

Такая тирада не оставила бы равнодушным кого угодно, тем более трепетную душу сельской учительницы музыки, и потому она в конце концов сдалась, как сдалось здесь когда-то великому князю

московскому побежденное им новгородское войско. С тех пор в Яжелбицах новая глава администрации – Елена Викторовна, и, когда мы встретились, её правлению шла уже четвертая неделя.

– Я закончила Ленинградский институт культуры, – начала свой рассказ Елена, – и проработала учителем музыки в местной школе одиннадцать лет. Но так получилось, что после Моцарта и Бетховена, после всего высокого, красивого и духовного, я оказалась на самом дне нашей жизни и теперь занимаюсь ремонтом колодцев, канализаций, котельной, дровами, мусором и тому подобным. Душа моя пока эту работу не воспринимает. Но, поскольку я уже здесь оказалась, придется привыкать. Мои занятия в ансамбле – это радостная отдушина. Ребята восприняли мое назначение как трагедию. Они, да и я сама, считаем, что женщина должна быть прежде всего женщиной, а не административным монстром.

– И вы действительно не боитесь, что вас испортит кресло? – спросил я.

– Постараюсь, чтобы не испортило. У меня даже нет кресла. Видите, простой стул. А кабинет? Здесь даже мне одной трудно повернуться. Хотя я уже работаю четвертую неделю и чувствую, как меня засасывает. Семьи у меня пока нет, я одинокий человек...

– О! Тогда вам проще работать. Но еще проще превратиться в того самого монстра. А что касается кресла, кабинета и прочей чепухи... Особенный кабинет вступающему на первую ступень иерархии не нужен. Хочется живой работы с людьми и, как говорится, «решать проблемы». Но чем успешнее вы их будете решать, тем больше надежд возбудите в людях, тем чаще к вам станут обращаться и тем настойчивее будут просьбы. Вы – одна, а народу в Яжелбицах вон сколько! Значит, должны быть условия для их приёма, ведь это работа сугубо индивидуальная. Толпу не примешь. Значит, нужен более-менее просторный кабинет и нужна приемная. Она необходима начальнику так же, как фойе театру. Прием надо организовать так, чтобы соблюдалась очередь, чтобы не возобладала сила и наглость. В театре есть билетёр, а у начальника должен быть секретарь и, кстати, дополнительный телефон и кресло. Сидеть целый день на жестком – врачи не рекомендуют. Ведь не от хорошей жизни эти самые кресла у

начальников появились... А отношение людей к вам изменилось? – спросил я Елену Викторовну.

– Естественно. Я почувствовала совсем другие взгляды... Знаете, еще что... Глава Администрации района достаточно молодой, и потому, когда вдруг назначают на должность молодую женщину, то это вызывает всякие слухи и домыслы... Дескать, это неспроста. Кроме того, мне пытаются доказать, что руководитель обязательно должен быть резким, сильным, наглым, должен быть бойцом, только тогда можно чего-то добиться на этой работе. А я по натуре не боец...

Вообще, Елена считает, что женщина и власть несовместимы, поэтому политикой она особо не интересуется.

– Если смотреть телевизор и читать газеты, то жить не захочется на этом белом свете. А так, живешь потихонечку в своем мире... В деревне нашей стреляют еще редко, и потом, чтобы убирать бумажки на улице, ремонтировать канализацию и водопровод, – интересоваться политикой вовсе не обязательно.

Самое главное в ее работе, считает Елена, общаться с людьми, объединять их вокруг себя, зажигать. Люди сейчас в таком тяжелом состоянии: работы нет, зарплаты нет, сплошные бытовые проблемы. Но, по словам Елены, у многих сейчас возродились надежды в связи с её назначением.

– Но вы представляете, – говорю я Елене Викторовне, – что нет ничего горшего, чем неоправданные надежды?

– Поэтому мы стараемся не обещать ничего такого, чего выполнить не сможем. Мы пока лишь фиксируем, чего люди хотят. Я сама из этого села, и мои родители тоже отсюда, поэтому мы всех знаем, и кто из себя что представляет – тоже.

– Елена Викторовна, а вас не смущает, что вы учились другому ремеслу, очень далекому от того, чем занимаетесь сейчас? Вы же знаете, что непрофессионализм – наш самый большой бич. Вас не мучит этот вопрос? – мне было интересно, что она ответит.

– Вопросов у меня к себе много. Действительно, чтобы здесь работать надо многое знать, и я была бы рада, если бы меня отправили куда-нибудь на учебу. Пока я сама ковыряюсь в каких-то законах, кодексах, но времени на это не хватает... (Здесь наш разговор на минуту

прервал звонок.) ...Как только меня назначили на эту должность, один человек сказал: «Уж лучше бы вы пели. Потому что есть категории шутов и королей. До сих пор, говорил он, вы были в роли шута, развлекали и веселили людей. Теперь – перешли в категорию королей, и вам предстоит решать проблемы, над которыми вы до сих пор, так или иначе, смеялись. А это несовместимые вещи». До этого никаких сомнений не было, и я считала, что буду заниматься песнями и от этого авторитет руководителя не пострадает. Но эти слова меня озадачили, и я стала советоваться с людьми: что делать?.. (Еще один звонок прервал наш разговор.) ...Людей это пока не смущает.

– Но, представьте, если у вас не будут идти дела, а вы им будете в это время петь?

– Мы настроены на то, чтобы работа у нас получалась...

Здесь я вынужден был остановиться и сменить тему, потому что невольно взял на себя функцию судьи и моралиста, что недопустимо в данном случае вообще.

– Но вернемся к музыке. Как с нею обстоят сейчас дела? – перевел я разговор в удобное для Елены Викторовны русло, и она с облегчением в него устремилась.

– Раньше я музыку в основном слушала в школе, на уроках. Ходила всегда эмоционально заряженная. Я работала по программе Кабалевского, и предмет назывался не пением, а уроком музыки. И мне такая программа очень нравится. Главное – эмоционально подготовить учеников. Эта программа основана на чувствах, через нее «красной нитью» проходят слова Сухомлинского: *«Музыкальное воспитание – это не воспитание музыканта, а воспитание человека»*. Этого принципа я и придерживаюсь. Пусть плохо споют, но главное, пусть они услышат музыку. Там, конечно, очень слабая материально-техническая база: магнитофон – ровесник революции, и нет денег, чтобы купить современную аппаратуру для компакт-дисков...

– Но теперь, как руководитель, вы сможете оказать поддержку музыкальному развитию детей, помочь новому учителю музыки.

– Не считите это за отсутствие скромности, – продолжала Елена Викторовна, – но у меня работа получалась. Был контакт с детьми, взаимопонимание. И до меня были учителя, но подолгу не

задерживались. Это очень трудно: тридцать учеников орут, скачут. Первый год особенно. Но потом стало получаться, и я проработала целых одиннадцать лет. Дети расстроены и говорят мне: «Мы подождем, пока вас выгонят, тогда вернетесь обратно»...

Вдруг, Елена стала очень грустной, немного помолчала и сказала:
– Знаете, какая сейчас в школе проблема? Там теперь нет учителя музыки. Некому помогать...

Вновь раздался телефонный звонок, и Елена Викторовна, простившись со мной, погрузилась в хозяйственную работу.

Когда я вышел из здания администрации, мне навстречу шла библиотекарь Татьяна Васильевна. Она принесла тетрадку с яжелбицкой историей и черно-белые фотографии села. Кроме этого, на прощание, она назвала несколько цифр:

В 1987 г. в местную библиотеку поступило 1737 книг.

В 1991 г. – 1486 книг.

В 1995 г. – 269 книг.

В 1996 г., на ноябрь, – 47 книг.

Не напоминают ли эти, далекие от вашей жизни, сухие цифры совсем другие данные, приведенные сотрудницами вышневолоцкого ЗАГСа? Нет ли между ними какой-то зримой связи? И так ли уж они далеки от нас?

Оставим Яжелбицы вместе с заданными здесь вопросами. Да и ответы стоит ли брать с собою? Они у нас вечные, ходящие по кругу: от крохотных Яжелбиц до Москвы. Кто желает с ними биться?!

Крёстцы

Два мужика затрапезного вида на въезде в Крестцы продавали прялку. От самой Москвы не видел я товара более оригинального и неожиданного. Кто сейчас знает, что такое прялка? Кто вообще её видел? Разве что в краеведческом музее, и то не во всяком. Прялка – это большое деревянное колесо, прикрепленное своей осью к специальной раме и приводящееся в движение равномерным нажатием ногой на специальную педаль. Это колесо связано передаточной веревкой с еще одним колесом, гораздо меньшим, и вот уже от этого второго колеса наматывается нить, через что-то там еще пропускается, и в итоге из овечьей или какой иной шерсти получается клубок ниток, готовый к вязанию чего-то теплого и хорошего. Кажется, так? Но кроме этого, ценность прялки в том, что можно вот так запросто, ногой, крутить это самое колесо. И попадись такой агрегат в детстве, он произвел бы впечатление большее, чем швейная машинка или перевернутый вверх колесами велосипед.

Прялке, стоявшей на обочине дороги, по словам торговцев, было не меньше семидесяти лет. Но выглядела она как новая.

После того как, поощряемый одобрительными репликами крестецких мужиков, я несколько минут восторженно крутил колесо, стало ясно, что без прялки я уже жить не смогу. Встал вопрос о цене.

– Пятьдесят долларов, – сказал один.

– Триста пятьдесят тысяч рублей, – назвал цену другой.

– Есть, между прочим, разница, долларов этак в двадцать, – сказал я и спросил, многие ли приценивались.

– Некоторые останавливаются. Подходят, покрутят и едут дальше, – ответили мужики.

Будучи тонким психологом, я заметил, что они синие от холода и при том совершенно трезвые, поэтому предложил им двести пятьдесят тысяч и ни рубля больше. Мужики стали совещаться.

– Да ты чего? Меня ведь жинка прибьет за двести пятьдесят, – сказал тот, который оценил прялку в пятьдесят долларов. – Дай, хоть триста.

– Нет, – говорю, – за триста прибьют меня. И так не знаю, как эта штука впишется в интерьер. Двести пятьдесят и все, – сказал я, давая понять, что собираюсь уходить.

После этого другой мужик, у которого, видимо, всё в порядке с логикой, сказал первому:

– Если не продашь прялку и не принесешь денег, тоже прибьет.

– Верно, – ответил первый и, махнув рукой, согласился.

Так старинная прялка оказалась на заднем сидении моей машины и кочевала дальше вместе со мной...

Пользуясь случайным знакомством, я спросил у мужиков, нет ли чего-нибудь у них в Крестцах интересного?

– У нас в Крестцах все интересное, – ответил один.

– Откуда здесь может быть «интересное»? – сказал другой. – Это в Москве «интересное», в Питере...

– Может, какие-то события произошли или истории? – уточнил я вопрос. – Может, люди есть необычные? С кем посоветуете встретиться?

– С кем встретиться? Гм... С кем встретиться... А с кем здесь встречаться? Тут и встречаться-то не с кем, – ответил, как мог, второй мужик.

В это время первый мужик, обращаясь ко второму, смеясь, говорит:

– А может, ему (*то есть мне – авт.*) с твоей докторшей встретиться?

После этого между мужиками произошла странная шутливая перепалка, с подначками и намеками, суть которой я не понял и потому изложить её на бумаге не могу. Я понял только, что один из этих мужиков, видимо, какое-то время работал в больнице, и его оттуда выперла главный врач – эта самая «докторша». Причем выперла с шумом, потому что это вызывало у второго мужика смех до слез. Короче, я понял, что других «интересных» персон в Крестцах на моем пути не предвидится, и поэтому спросил, как найти эту «докторшу»?

– А ты езжай в центр, спроси, и тебе каждый покажет поликлинику. А там спроси Марину Андреевну, – объяснили мужики, один из которых продолжал со страшным кашлем и слезами на глазах смеяться...

Поблагодарив мужиков, я направился в Крестцы.

Так началось мое первое знакомство со старинным селением, расположенным на берегах реки Холовы и стоящим на перекрестке древних дорог. От этого пересечения и название, и символ на гербе: на зеленом фоне – две скрещивающиеся дороги.

Поневоле уделяя в нашем «путешествии» много внимания женщинам, мы отмечали, что в наше время именно они взвалили на себя все трудности жизни, не задумываясь, стоит это делать или нет. Мужчинам в этом священнодействии отводится роль третьестепенная, если вообще отводится. Говорят, что сила женщины в ее слабости. Чужь полная, придуманная холеными столичными ловеласами для охмурения соблазняемых ими дур. Сила женщины – в её ловкости, находчивости, выносливости, наконец, в ее... силе. И кто хотя бы раз

встречался с главным врачом крестецкой районной поликлиники, подтвердят неоспоримую правильность этой формулы.

Марина Андреевна вобрала в себя все, что только может соединить человек, умножила это примерно на сто, а полученный результат продолжает увеличивать. Её энергии может позавидовать футбольная команда высшей лиги, а уверенности – легион тореадоров. «Нет такого – *не могу*, есть – *не хочу*!» – вот девиз Марины Андреевны, и не только девиз. Это еще и приговор всем, кто находится рядом и не поспевает за нею. А кто рядом? Рядом с Мариной Андреевной ее главная опора – те же крестецкие работающие женщины: врачи, медсестры, лаборантки, технички, да еще немощные мужикашки – этот недееспособный элемент, почти недоразумение, который единственное, что может, – стоять «на подхвате». «Ну, хоть шерсти клок...» – со вздохом говорит про них Марина Андреевна.

«Вор должен сидеть в тюрьме!» – утверждал майор Жеглов.

«Врач не должен позволять людям болеть!» – считает Марина Андреевна, и пять лет назад с этим доводом согласился вновь назначенный районный начальник, приглашая её стать главным врачом. С тех пор главврач и глава администрации работают вместе. Прежде всего они построили новую поликлинику. От начала – до конца. Кто знает, что такое построить в наше время поликлинику в таком вот поселке? Культура отечественного строительства такова, что в героях (или жертвах) не тот, кто строит, а кому строят. В нем весь вопрос. Надо уметь выбивать, просить, уламывать, покупать, угрожать, блефовать и, конечно же, каждый день, час и даже минуту – за всем (и всеми!) следить. Словом, надо пройти все круги ада, чтобы наконец строительство, хотя бы в какой-то своей части, завершилось. А потом надо набирать штаты, готовить квалифицированных сотрудников, формировать команду, составлять программу здравоохранения в районе и вместе с тем, учитывая, кто строил, – надо все самостоятельно достраивать, устранять неполадки, поддерживать работоспособность – и так без конца... Мне рассказывали, что Марина Андреевна первое время нерадивых работников – пьяниц, прогульщиков и дебоширов – просто лупила. (Вот почему, продавая прялку, один из мужиков до слез

смеялся над другим?) Словом, главный районный врач должен уметь в наше время очень многое, если не все.

Марина Андреевна добилась того, что у поликлиники хороший автомобильный парк, автономные электростанция и газовая котельная. Поликлиника оснащена переносной и стационарной УЗИ, японским фиброгастроскопом. Сейчас здесь идет полным ходом строительство еще чего-то значительного, потому что вокруг копают экскаваторы, гудят трактора и что-то возводят строители, а сама Марина Андреевна за всем этим следит непрестанно, без всякой для сачков надежды, что она когда-нибудь устанет.

Главному врачу – сорок три года, она черноглазая, черноволосая, с короткой мальчишеской стрижкой, высокая и крупная, её голос громкий, скорый и отчетливый. По всему видно, что Марина Андреевна не привыкла не только к возражениям, но и к диалогу, который из-за страшной занятости – просто ни к чему. Ее движения быстры, команды сотрудникам ясны и конкретны, словно диагноз, походка скорая и уверенная, и, когда в конце нашей беседы Марина Андреевна показывала мне свое хозяйство, я едва поспевал за нею. Так когда-то сонное окружение не поспевало за Петром Великим.

Родилась Марина Андреевна в советской Киргизии, в городе Желал-Абаде, и уже с детства мечтала стать врачом. Тогда же у нее проявились командирские качества. Она – единственная дочь у родителей и сейчас живет вдвоем со своей мамой, Линой Федоровной, которой обязана воспитанием. В Крестцах она уже тринадцать лет, а попала сюда, после того как закончила мединститут и интернатуру. До своего назначения Марина Андреевна работала хирургом.

О! Можно представить, какие она делала операции. Чуть что – немедленно укладывала больного на операционный стол, безо всякой анестезии разрезала его пополам, потом скальпелем, ножом или чем-нибудь другим, попавшим под руку, вычищала болезнь, затем быстро зашивала обратно, встряхивала и выставляла, уже здорового, за дверь. Сама же громко командовала: «Следующий!» Ну, а дальше, как мы уже знаем, ей была предложена должность главврача.

И вот, мы у нее в кабинете, и речь сама собою зашла об особой роли женщин. Естественно, что на едва заданный вопрос у Марины Андреевны уже давно имеется ответ.

– Ну почему «только женщины»? Есть еще всё-таки, один, два, три мужчины... Наш глава администрации, например. Хотя, заниматься хозяйственной работой должны, конечно, женщины. Вот у меня заместитель. Хороший человек, прекрасный семьянин, и все в нем хорошо, кроме одного – он мужчина. У него и понимание всех задач чисто мужское. «Зачем, говорит он, нужно окультуривать поликлинику? Пусть такая, какая есть, и будет. Зачем нужна дополнительная лампочка? Зачем, говорит, нашим роженицам в родильном отделении нужны ночные рубашки в цветочек?»... Он закупил мне какую-то синюю робу и рад, что выполнил задание. А как и, главное, кого в такой робе будут рожать? Это его, мужика, уже не волнует... Понимаете? Женщина должна сейчас все возглавлять. Не только в больнице. А в подчинении у нее должны быть мужики, которые привезут трубы, поднимут тяжести, выкопают канаву и так далее... А почему это вы обеспокоены такой тенденцией?

– Да просто это факт для меня неожиданный, – ответил я.

– Это хороший факт. Если в правительстве будет больше женщин, там будет меньше трепы и больше дел. Женщина – хранительница очага. В каждой семье она руководит хозяйством. Ходит на полусогнутых, встает к корыту, плите, кастрюле, готовит, убирает, моет... Она знает: что надо сделать сегодня, что завтра, а что послезавтра... Понимаете? И вот это домашнее отношение она привносит в свою работу. Есть, конечно, и среди женщин дряни... У всех есть свои уроды, и среди мужчин есть, и среди, так сказать, животного мира...

Далее я высказал Марине Андреевне обеспокоенность тем, что представляют собою мужчины, которых я видел по пути. Они или представляют собой бесформенную размазню, или подаются в бандиты. И в этом случае – не известно, что хуже...

– Не знаю, что такое сейчас бандит. Я видела этих бандитов, и один представитель мафии произвел на меня отличное впечатление. Он чистейший, на него приятно посмотреть, на нем золотая цепь, с

палец толщиной, белейшая рубашка, ботинки красивейшие... Был прием, налили по пять граммов коньяка, так он не выпил даже капли.

– А вас не смутило, если бы вы узнали происхождение денег, на которые куплены все эти наряды? – спросил я.

– Меня смущают больше дела нашего правительства, бездеятельность парламента и разборки по телевизору. Один треп, грубо говоря, – ответила очень сурово Марина Андреевна.

– Что касается правительства, если вы за ним наблюдаете, как можете его оценить? – задал я вопрос ближе к политике.

– Я лучше буду говорить о своих проблемах. Мне претит, когда мужики, стоящие у власти, как худые бабы, устраивают разборки на весь мир. Противно на это смотреть и как женщине, и как руководителю, и просто как жителю страны. Надоели они мне!

Тогда я попросил Марину Андреевну рассказать о Крестцах.

– Я увидела Крестцы тринадцать лет назад, и они произвели на меня ужасное впечатление. Грязь, расхристанная больница, ужасно! И вот, с приходом нового главы, Крестцы начали возрождаться. Район звучал среди остальных двадцати. Пенсии – Крестцы на первом месте по срокам выплаты; больница – одна из лучших в области; коммунальное хозяйство – второе, после Новгорода. А был ведь совсем разрушенный поселок. Конечно, и у нас есть недовольные. У нас, русского народа, есть такая черта: сколько ни делай хорошего, сколько ни давай – все равно будет плохо и мало. Понимаете?

– У нас есть и другая крайность, – заметил я. – Сколько ни отнимай у нас, сколько ни делай нам худого, хоть убивай – все равно будем терпеть, и даже ропота от нас не услышишь.

– Я была в Америке, в штате Колорадо, – продолжала тему Марина Андреевна. – Почему-то их не надо уговаривать прийти на работу вовремя, не надо убеждать качественно работать. Понимаете? А я наших без конца долбаю за то, что они пусть на пять минут, но обязательно опоздают. На полчаса, но обязательно раньше уйдут. Понимаете? Вот из таких мелочей и складывается наше неблагополучие. Отсюда и элементы командно-административной системы в моем управлении.

– То есть, они будут приходить вовремя и добросовестно работать, лишь когда будет Сталин или нечто в этом роде? – поймал я Марину Андреевну.

– Ну, зачем Сталин? Вода камень точит. Потихонечку, полегонечку... Мои все ждут, пока я успокоюсь, смирюсь, пока мне надоест или я на все плюну. Нет, говорю им, ошибаетесь. Я, наоборот, становлюсь еще злее и упрямее, – Марина Андреевна при этих словах лукаво заулыбалась.

Я рассказал о проблеме, на которую обратил внимание офицер в клинском военкомате: остановка предприятий привела к тому, что молодежь не видит смысла заниматься обретением профессии, которая все равно не приносит дохода, и занимается примитивной «добычей денег». Это может привести к тому, что через пятнадцать-двадцать лет, когда сегодняшние двадцатилетние подрастут, наше общество будет просто диким. Я спросил, что думает по этому поводу главный врач.

– Пройдет еще много лет, пока нашему народу не нужна будет палка. Все равно здесь нужен царь, генсек, президент... – не важно, как он называется. Обязательно в этом, грубо говоря, стаде должен быть вожак, которого они слушаются, за которым идут и который думает, как эту паству накормить, что сделать, чтобы заводы работали, чтобы люди не извозом занимались, а достойным ремеслом и хорошо за это получали. Вы говорите – «стоят заводы». А кто в руководстве этими заводами? Люди, которые никаких проблем никогда не решали и сейчас не знают, как их решать. Их всех надо менять.

– Да на кого их менять? И, главное, кто будет менять?

– У нас сто пятьдесят миллионов народу. Неужели нельзя найти человека, который бы работал? Да я не поверю. У нас в больнице были пьяницы... Я их всех повыкидывала и сказала: «Одна останусь, но из шестнадцати тысяч жителей Крестец – найду одного толкового водителя»... У нас есть профтехучилище. Там испокон веков готовят шоферов, электриков, трактористов, бульдозеристов, которые уже здесь никому не нужны. Понимаете? Так вот, если они, как бараны, уперлись, то должен же кто-нибудь их направить в другое место, чтобы им дать возможность получить нужную специальность. Поэтому наш глава заключил договор с новгородским университетом, и у нас будет

колледж. Там будут готовить не шоферов и электриков, а печников и плиточников, потому что у нас в Крестцах девяносто восемь процентов печного отопления. Кроме этого, в университете уже второй год готовят тех, кто нужен городу: юристов, экономистов, менеджеров. Пониматете? Нам профессионалы нужны. Вот у нас бригада из Львова восстановила церковь за четыре месяца! А наше РСУ стоит и будет стоять, потому что я сказала: «В радиусе пятидесяти километров не будет никого из этой конторы». Они нам запороли поликлинику... За что бы они ни взялись, эти русские мужики, они все через пень-колоду делают. Скажите, кто им не дает хорошо работать? Кто мешает держать марку? Им выбили и деньги на достройку, и материалы – а что они сделали? Ничего! Крыша течет, канализация течет. Я после них уже наполовину перестроила поликлинику сама, из ничего. Вот так наши мужики работают.

Я попросил Марину Андреевну рассказать о себе.

– А что мне о себе рассказывать? Меня всю жизнь грызли за мой язык. Тут недавно собрал наш глава бывших руководителей Крестец. И вот бывший первый секретарь выступал и говорил, что, мол, всегда знал, что Марина Андреевна должна быть главным врачом. А кто не давал развернуться Марине Андреевне? Кто развалил больницу?

– Да расскажите о себе, а не о больнице, – настаивал я.

– Но моя работа – это моя жизнь и есть. Я хочу, чтобы наша больница была лучшей. Так меня мама воспитала. Я работаю по двадцать пять часов в сутки и хочу, чтобы и остальные так работали. Многие меня за это не любят. У нас профессия такая – мы живем для людей. Ведь с того света не возвращаются. И каждая наша недоработка – это смерть больного. Может, это звучит громко, но такая моя позиция. И я буду, пока живая, тянуть эту лямку... В корпусе, который является путевым дворцом Екатерины, у нас операционная, и я хочу настелить там мраморный пол. Купила мрамор. И вот приходит ко мне проверяющая и пишет в рекламации – «необоснованные траты». Понимаете? Кто определяет?! Финансист, который ни бе ни ме ни кукареку в этом вопросе, или главный врач, который считает, что в операционной должен быть мраморный пол? Надо запастись продуктами для больных – я поехала в Новгород, на оптовый рынок,

купила шесть мешков крупы, три мешка сахара, бочку подсолнечного масла – все! У меня вопрос на несколько месяцев решен. А у нас это называется «нарушением финансовой дисциплины»...

– Марина Андреевна, а какой народ в Крестцах? Какие они к вам приходят лечиться?

– Народ неплохой, трудолюбивый. Но они все запущенные, больные, многие растерянные. Зато почти у всех звучит иждивенческая жилка: «Должны!», «Обязаны!», «Льготы!»... А как это все им обеспечить? как это все добывается? какие имеются для этого финансовые основания? – это никого не волнует. «Дай!» – и все!..

Я всё же постарался вывести Марину Андреевну из административного состояния и спросил:

– Представьте, что вам попался в жизни сильный мужчина, который бы стал для вас защитником, авторитетом, который оказался бы сильнее вас...

– Трудно представить. Думаю, на моем пути такого не будет.

– Но, все-таки. Что было бы в этом случае?

– Думаю, что я бы его быстро задавила. А может, была бы отличнейшая пара. Он такой волевой, умный... (Я едва уловил на лице Марины Андреевны очертания романтической озорной девушки, но она тут же пришла в себя.) Я не считаю, что мужчина должен быть красивый. Мне все равно, какой он ростом. Хоть метр пятьдесят. Но такое представление пришло с годами. Мужчина должен быть умным, мудрым и непьющим. Для меня пьющий человек – это не человек.

– А вас не мучит то, что у вас нет нормальной семьи, детей?

– Нет, не мучит. Такая моя судьба. Меня оберегает моя бабушка, так я свою маму зову. Мы вместе и живем. Это мой главный авторитет. Я без нее даже не покупаю себе ничего. Только посоветовавшись с нею. Она у меня мудрая...

Здесь я хочу предостеречь от выводов, будто главный крестецкий врач, кроме своей работы, больше ничего не знает и ничем не интересуется. Да, среда наша вытравит утонченность из кого угодно. Но вот Марина Андреевна прекрасно разбирается в классической музыке, в литературе, хорошо знает архитектуру (например, сразу же назвала имя архитектора, спроектировавшего хотиловский храм!). Она

очень любит Пушкина и поддерживает отношения с известными пушкиноведами. Как-то она заказала многочасовую экскурсию по пушкинским местам, посадила сотрудников в автобус и таким добровольно-принудительным способом приучала свой коллектив к высокому искусству. Все были сначала недовольны, а после благодарили Марину Андреевну. Может, так с нами и надо? Кто знает?

– Что же надо делать, чтобы возродилась страна?

– Работать надо! Не в примитивном понимании, не только руками, но и головой. Вот у нас никогда нет денег, а я все равно строю, строю, строю... На зарплату денег не дали – я пошла в банк, взяла ссуду. Знаю, что дадут по балде за это, но я все равно так делаю, и еще раз сделаю. Вот я открываю аптечный киоск. Денег нет? Возьму ссуду, закуплю товар и буду продавать без сумасшедших накруток. Пусть люди покупают лекарства и не болеют, потому что, когда они к нам поступают в разваленном виде – это гораздо большие затраты для нас. Вот резко вниз пошла рождаемость. Собрались, стали думать, как защитить беременную женщину, чтобы она своего ребенка родила и вырастила. Придумали. У нас беременные из сел на приём ездят бесплатно. Им раз в месяц выдают соки, продуктовые наборы, молоко, медикаменты. Вступающие в брак за первого ребенка получают миллион рублей. И даже это дало результат. У нас в 1995 году родилось 166 детей, а в этом – только за полгода столько же. Понимаете?

Наш разговор сопровождал постоянный треск телефона и факса, и прерывался визитами сотрудников, во время которых Марина Андреевна отдавала самые разные приказы, распоряжения, советы и рекомендации. За это время она подписала множество разных документов, просмотрела массу бумаг и финансовых отчетов.

Закончив нашу беседу, она повела меня осматривать поликлинику. Мы прошли по всем этажам и спустились в подвал, где только что завершена подготовка к открытию аптеки. Я увидел, как сотрудники, несмотря на суровость и строгость, любят своего начальника, чувствуют себя защищенными и уверенными рядом с ней. Что же может быть сегодня ценнее?

– Из сырого и непригодного подвала мы оборудовали аптеку, с лабораториями, хранилищами, складами, привлекли

профессионалов, создали несколько рабочих мест, будем торговать лекарствами. А всё почему? Потому что надо уметь работать! Пока народ не начнет работать – ничего не будет. Ни Ельцин, ни Явлинский, ни Клинтон, ни царь, ни Бог, никто здесь ничего не сдвинет.

– А если не начнет?

– Значит, будут тянуть лямку такие люди, которые это стадо все за собой тащат. Так всегда и было. Найдутся еще такие марины андреевны, еще такой глава, как у нас, еще кто-нибудь – и будем тащить это все.... Понимаете? Вода камень точит.

Понимаю, Марина Андреевна, но как быть с другой нашей мудростью: «Под лежащий камень вода не течет»?

Можно что угодно думать о главном враче Крестецкой поликлиники, о ее методах и принципах, словах и выражениях, можно иронизировать и тихо радоваться, что она врач, а не прокурор... Главное – она делает добро. Лечит людей в небольшом районе. Более того, организует это лечение, а значит, организует жизнь. Ее модель сформирована не передовой управленческой технологией, не ориентацией на сиюминутную выгоду, а естественной средой: жителями поселка и близлежащих сел и всем тем окружающим миром, который именуется Россией. Кто может поставить ей это в упрек? Кто имеет право сказать: «Так нельзя. Надо иначе»?

Иной раз остановишься, посмотришь по сторонам: на чем всё держится? И слышишь такие же удивленные вопросы со всех сторон: на чём держится Россия? За счет чего? Уже все, кажется, промотали...

И впрямь, поразительно! Что бы у нас ни происходило, сколько бы ни уничтожали нас, ни завоевывали, ни грабили, сколько бы мы сами ни разворовывали, какие бы опыты над собой ни ставили, в какую бы ложь себя ни загоняли и на какого бы черта ни молились – всё держится матушка-Россия. Не спеша, нехотя, со скрипом, но все крутится, крутится, крутится наше огромное, неподъемное колесо: годами, десятилетиями, веками... И не ясно, то ли это наши марины андреевны, словно одержимые белки, вращают его, то ли сам Господь Бог нами забавляется, как малое дитя прялкой на обочине большой дороги?

*«Когда над полем зеленеет
Стеклянный вечер, след зари,
И небо, бледное вдали,
Вблизи задумчиво синеет,
Когда широкая зола
Угасшего кострища
Над входом в звездное кладбище
Огня ворота возвела, –
Тогда на белую свечу,
Мчась по текучему лучу,
Летит без воли мотылек.
Он грудью пламени коснется,
В волне огнистой окунется,
Гляди, гляди, и мертвый лег».*

Недалеко от Крестец, к северо-востоку, в деревне Ручьи, похоронен Велимир Хлебников.

Зайцево

Ничем не выделяется Зайцево среди десятков других сел и деревень, стоящих на трассе. Серые старые избы, некоторые из них заколочены. Безлюдно. Лишь стоят на обочине дороги мужчина и женщина. Он в короткой коричневой куртке и военных пятнистых брюках, она в драповом клетчатом пальто. Перед ними два больших ведра. Одно с картошкой, другое с клюквой. Могут целый день простоять, прежде чем купит кто-нибудь из проезжающих. А могут и не купить. В скольких селениях мы уже видели людей на обочине? Не пикник привел их сюда, а нужда.

Оглянитесь на пройденный нами путь: оставленные на произвол судьбы сотрудники научного института ловят рыбу в реке и сутками стоят на дороге, чтобы ее продать; церковнослужители на пожертвования прихожан открывают школу, собирают и учат там беспризорных детей; старики, собравшись с силами и скромными средствами, выкапывают в селе колодец; директор школы, чтобы обеспечить обедом учеников, посылает их к местным фермерам подрабатывать; у Вышнего Волочка сотни людей с хрустальными изделиями, выданными вместо зарплаты, выходят на трассу в надежде эту «зарплату» еще и продать; глава сельской администрации, чтобы исправить водопровод, покупает бутылку водки и нанимает слесаря; пенсионерка, получающая скудную пенсию, отзывается и берет на попечение несчастную и заблудшую семью; люди из десятков сел и деревень идут в лес, собирают ягоды, грибы, продают их на дороге, а на эти деньги живут... И так далее, без конца.

Спрашивается: при чем тут государство, власть, правительство? Какое все они имеют к этому отношение? Какова роль наших кремлевских начальников во всей этой жизни, точнее, в этой ежедневной борьбе за возможность жить?

Но вот, умирает от менингита ребенок, родители которого не смогли купить ему на зиму теплую шапку; погибают под колесами

жители сел и деревень, потому что нет в населенных пунктах, через которые проходит скоростная трасса, ни светофора, ни пешеходного мостика, ни тоннеля; умирает молодая женщина, потому что из-за задержки зарплаты у нее не хватает денег на дорогие лекарства; вот двух подростков-братьев сажают в тюрьму за кражу медного кабеля, а их мать на грани самоубийства; вот академик пускает себе пулю в висок из-за невозможности продолжать жить унижаясь... И так далее, без конца. Надо ли спрашивать: «При чем тут государство, власть, правительство?» Наше государство не имеет никакого отношения ко всему, что относится к жизни. Жизнь в стране проходит сама собой, без него. И напротив, государство имеет прямое отношение ко всему, что относится к смерти. Почти всякая смерть – производная деятельности этого государства и этой власти. А папки в вышневолоцком ЗАГСе показывают, что и несостоявшаяся жизнь – тоже на его счету...

Вот о чем думалось, когда я со стороны глядел на одинокую пару зайцевских торговцев, безнадежно стоявшую на обочине дороги.

Единственное, на чем останавливается глаз, пока проезжаешь через эту деревню, – отремонтированное здание с четырьмя колоннами, находящееся справа от дороги. Обходя его, я вышел к деревенской библиотеке, расположенной здесь же, в старом деревянном доме. Удивило, что она есть и исправно работает. Вот только свет в этот день в библиотеке почему-то отключили. Поскольку погода была пасмурной, в избе оказалось совсем темно. Посетителей, кроме меня, не было.

Библиотекарь, Нина Михайловна, проводила меня в читальную комнату, где я, осмотревшись, попросил рассказать историю Зайцево. Однако, вместо рассказа, Нина Михайловна положила передо мной обычную школьную тетрадку. Вроде той, какую мне подарили в Яжелбицах. Сама же, извинившись, отлучилась по каким-то делам. Я остался один в темной библиотеке, с тетрадкой, в которой «от руки» записана история Зайцево. Вот ее изложение.

Согласно зайцевской летописи, люди в этих краях живут испокон веков. Поселения здесь существовали еще тысячу лет назад и даже раньше. Центр древнего погоста находился в шести верстах к юго-западу от Зайцево, у речки Ниши. Здесь проходила древняя Яжелбицкая дорога на Москву. Есть сведения, что Иван III, следуя в Новгород в

1477 году, останавливался у церкви Св.Николы в Тухолях. Церковь эта не сохранилась, но, спустя два века, там была построена деревянная Никольская церковь, считающаяся шедевром деревянного зодчества. В XVIII веке в Зайцево перенесли большой храм из Усть-Волмы. В 1495 году Зайцево составляли пять тягловых дворов. Эти пять хозяйств сеяли ржи одиннадцать коробов – где-то пудов двести; косили сена восемь колен – от полутора до двух тысяч пудов; имели пашни четыре ржи – это до сорока гектаров. Платили в то же время помещикам шесть денег – где-то миллион рублей на конец 1996 года, если вообще такие сравнения возможны; да плюс к тому из выращенного хлеба отдавали пятую часть; да еще отдавали ключнику – слуге в помещичьем доме, в ведении которого находились продовольственные запасы и ключи от мест их хранения, – «три большие головы сыра, да три горсти льну». (Что такое «горсть» – я пока не выяснил.)

Год от года Тухольский погост богател, а Зайцево становилось его центром. На одной иностранной карте конца XVII – начала XVIII веков у верховьев реки Ниши указан город *Zaithsoff*. Любопытно, что Зайцево, по мнению западного географа, входило в шестерку городов новгородской земли. Во всяком случае, Зайцево, по нашим понятиям, в то время было не деревней, а большим селом.

В 1844 году в Зайцево была открыта школа новгородской Палаты государственных имуществ. В том году в этой школе работали учитель и учительница, а обучались 32 мальчика и 17 девочек. Вообще в этой школе, как сообщается в летописи, начали свое образование 1863 человека. С Зайцево связаны десятки учительских судеб. В 1881 году сюда приехала бестужевка Софья Ивановна Хрипач, дворянка, в строгом черном платье с белейшим воротником. И учила на совесть, и нрава была безупречного. Поэтому ее запомнили надолго.

В конце XVIII века Зайцево стало волостным центром, который имел 127 дворов и ровно столько же домов, в которых проживали 642 жителя. Здесь была церковь, школа, волостное правление, почтовая земская станция, квартира станового пристава, четыре мелкие лавки, три трактира и одна винная лавка. В начале октября и в июле проводились торговые ярмарки.

У А.Н.Радищева деревня эта упоминается как *Зайцево*, с ударением на последний слог. Существует версия, что когда-то здесь неподалеку была расположена усадьба помещика Зайцева. И поэтому на памяти старожилов деревня звучит уже как «Зайцево». Если это так, то мы имеем любопытный факт, когда, похожая на название села, фамилия помещика невольно явилась причиной трансформации названия деревни. Живший здесь помещик попал в трудное положение: надо было либо менять фамилию на Зайцов, либо переименовать деревню. Поскольку помещик в деревне был царь и бог, то вопрос, скорее всего, сам собой разрешился. Люди просто стали называть деревню по фамилии помещика.

Географически деревня расположена на границе валдайской возвышенности. Местность здесь очень красивая. В лесах вокруг Зайцево много болот, богатых клюквой. Почвы здесь суглинистые, кислые. (Вот отчего были хлебные проблемы у Новгородской республики!) До наших дней сохранились названия многих мест и урочищ, расположенных на территории Зайцево: Петунова Нива, Малышова и Панфилова Нивы, Калинин Амбар, Мощева Горушка – там, где сейчас располагается трактир «*Любава*».

В те далекие годы в деревне проживали более трехсот человек. В основном это были крестьяне, которые, заметим, в Зайцево всегда были вольными. Занимались здесь хлебопашеством. Землю делили по едокам. В деревне было несколько лавок, которые держали купцы Окулов, Мороз, Рыжов и купчиха Бубнова. Рыжов, кроме этого, держал еще чайную лавку. Были кустари-ремесленники. Люди работали от зари до зари. Как сообщается в зайцевской летописи, «зарабатывали на хлеб потом и кровью».

Раньше Зайцево делилось на две части: от центра села в сторону Москвы деревня называлась Зайцево, а в сторону Петербурга – Новое Подметовье. На границе, между частями села, по обеим сторонам стояли четырехугольные столбы. Между ними были вставлены чугунные решетки с изображением двуглавых орлов. В середине этих орлов были начертаны две буквы Н и П (Николай Первый). При Советской власти это все было демонтировано и уничтожено, включая орлов, царские вензеля и самого Николая, только не Первого, а

Второго. (Какой под руку попался.) Престольные русские православные праздники в Зайцево были Покров и Антоний, а достопримечательностью являлась православная церковь Св.Николая Чудотворца и Воскресения Христова. По воспоминаниям стариков, это была красивая большая церковь, с куполами и колоколами, звон которых разносился на многие версты и слышен был во всех окрестных деревнях. Церковь состояла из двух помещений – зимнего и летнего. Летняя церковь открывалась с Пасхи. Здесь сохранилась память о замечательном церковном хоре, которым руководили протоиерей Сергей и диакон Николай...

Иерей: Благодарим Господа.

Хор: Достоин и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосушной и Нераздельней.

Иерей: Победную песнь поюще, вопиюще, взываяще и глаголюще.

Хор: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполни Небо и земля славы Твоя. Осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне, осанна в вышних.

Иерей: Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов.

Хор: Аминь.

Иерей: Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Нового Завета, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов.

Хор: Аминь.

Иерей: Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся.

Хор: Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш...

Протоиерей Сергей похоронен здесь, на зайцевском кладбище.

В 1937 году церковь закрыли. Были сняты купола, сброшены колокола. Церковь стала сначала кладовой, позднее – клубом. Там же находилась зайцевская библиотека. Сейчас в этом, недавно отремонтированном, здании расположен Дом культуры. Именно на него я и обратил внимание, когда только въехал в Зайцево.

В летописи сообщается, что строителям, переоборудовавшим бывшую церковь в Дом культуры, никак не удавалось уничтожить лики

святых, коими были расписаны стены. Сколько слоев краски ни наносили – лики эти все равно проступали и местами видны до сих пор. Существует легенда, по которой эта церковь должна со временем провалиться под землю, а на её месте будто бы должно образоваться озеро. Так что, проезжая через Зайцево – посмотрите направо: если однажды увидите водоем, вместо здания с колоннами, значит, легенда претворилась.

Советская история Зайцево здесь еще на памяти живых свидетелей. Первым председателем сельского Совета был товарищ Пельтцер, имя и отчество которого никто не помнит. Был он человеком строгим, и люди его попросту боялись. Первый колхоз образовался в 1932–1933 годах. Назывался он символично – *«Перелом»*. Первым председателем колхоза был товарищ Муравин, впрочем, в летописи оговаривается, что это еще не точно. Зато точно известны имена первых зайцевских колхозников: Андрей Петрович и Анна Петровна Полуэктовы.

Анна Петровна вспоминает: «Муж мой был заядлым колхозником. Позднее стал бригадиром, а потом и председателем колхоза. Он погиб на финской войне, в последний ее день». Не обошлось в Зайцеве и без вредительства. В летописи сообщается: «В середине тридцатых (в 1934г.) в колхозе было много крепких и очень хороших лошадей. Сейчас уже трудно сказать, кто дал такое заключение, но только признали вдруг всех лошадей больными. Самых породистых и крепких расстреляли в лесу за деревней. А место, где расстреляны и зарыты лошади, называлось Конским кладбищем».

Все ли сегодня поймут, что такое в то время деревня без лошадей? В те годы в стране полным ходом шли репрессии. Докатались они и до Зайцева. Были репрессированы Николай Львович Мосичев и Мефодий Петрович Моцев. Мосичев был учителем в местной школе, в прошлом офицер русской армии, невысокого роста, черненький. Это был, по свидетельству местных жителей, очень хороший человек, но очень больной. Жил он в Зайцеве с женой и двумя детьми – дочерью Марусей и сыном Котиком. Все в деревне любили и жалели его. А Моцев был кузнецом. За что репрессировали учителя и кузнеца, летопись не сообщает, но лишь упоминает, что «с тех пор

никто больше ничего о них не слышал и не видел». Как было в стране – так и на селе.

В 1934 году была создана художественно-строчевая артель. Имени председателя артели уже никто не помнит, но зато помнят, что и его тоже репрессировали. А сама артель работала еще долго. Позднее в клубе была открыта библиотека и создан хор, который выступал и перед односельчанами, и в других деревнях. Какие песни пели? Разные. Но с особенной любовью вот эту:

*Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка,
И уныло по ровному полю
Разливается песнь ямщика.*

*Столько грусти в той песне унылой,
Столько грусти в напеве родном,
Что в душе моей хладной, остылой
Разгорелось сердце огнем.*

*И припомнил я ночи иные,
И родные поля, и леса,
И на очи, давно уж сухие,
Набежала, как искра, слеза.*

*Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка,
И замолк мой ямщик, а дорога
Предо мной далека, далека...*

Зайцевский хор даже ездил на гастроли в районный центр Крестцы, а руководил им, как сообщается в летописи, Анатолий Александрович Колотухин. Первая школа в Зайцево была приходской трехлетней. Учителем был Александр Иванович, фамилию которого не помнят. Обратите внимание: у первого советского начальника, которого боялись, односельчане запомнили лишь фамилию, забыв имя и отчество, а у учителя, которого уважали, как раз имя и отчество

запомнили. Так вот, при этом учителе была построена новая двухэтажная, большая и красивая школа, в которой до осени 1990 года училось не одно поколение жителей Зайцево. А осенью 1990 года, по неизвестной для местных жителей причине, эта школа, «большая и красивая», сгорела.

1941 год. Война не обошла Зайцево, подвергавшееся частым бомбардировкам. Много домов было разрушено, да еще почти в каждый из них пришла похоронка. Вокруг, в здешних лесах, были наши войска. Недалеко отсюда был госпиталь. На зайцевском кладбище есть воинские братские захоронения.

Закончилась война. Люди отстроились. Жизнь в деревне продолжалась с новыми заботами. Колхоз «*Перелом*» переименовали в «*Серп и Молот*», позднее он станет колхозом «*Россия*», а еще позже – совхозом «*Зайцевским*». Первым директором этого совхоза был Сергей Иванович Никулин, заслуженный агроном страны. После войны в Зайцево открылась школа-семилетка с интернатом для жителей окрестных деревень. Долгое время директором этой школы был Аркадий Александрович Стручков, а интернатом заведовала его жена – Александра Александровна. Зайцевская летопись упоминает, как в 1945-46 годах в эту школу совсем молоденькими девушками пришли по распределению Анна Сергеевна Егорова, Александра Ивановна Морозова, Вера Михайловна Зенина, да так и остались здесь, в Зайцево. Тогда же, в бывшем доме священника, заработал молокозавод, а в новом двухэтажном здании – участковая больница. Были здесь и своя пекарня, и два магазина, а еще – чайная.

По данным на 1992 год в Зайцево проживал 461 житель. Вели они 185 хозяйств. Значит, по сравнению с концом XVIII века, хозяйств стало на 50 больше, а жителей на 180 меньше. Коренных осталось всего несколько. Основу составляют люди приезжие.

Все эти материалы были собраны в 1992 году со слов старожил деревни. А записала и обработала их старший библиотекарь Нина Михайловна Калущкая.

А вот, что Нина Михайловна рассказала мне и что пока еще не записано в тетрадку.

Совхоза «Зайцевский» нет уже три года. Его реорганизовали, как убыточный. На его базе возникли два товарищества – «Агро» и «Зайцевское». Последнее с трудом осваивало новые формы и в конце концов развалилось. «Агро» еще существует, хотя люди там подолгу не получают зарплату. Всем очень тяжело. Кроме этих товариществ организовались фермерские хозяйства: братьев Михайловых, Сергея Козина и Александра Васильева. У них вроде бы дела идут неплохо. Они и себя кормят, и других тоже. Но в основном в Зайцево сегодня безработица. Люди становятся на биржу труда в Крестцах и ждут рабочих мест. Взамен сгоревшей школы здесь выстроена новая. На базе детского сада организован детский приют. По словам Нины Михайловны, кормит людей в основном мох. Здесь, как мы уже знаем, в окрестных лесах обильно растет клюква, и люди до самого снега ходят на мох, собирают эту клюкву и на дороге продают. Вот этим собирательством и живут, и если бы не снег, то всю зиму бы собирали. Лес и дорога кормят, как в древние времена. Конечно, есть в Зайцево и подсобные хозяйства. Кто-то держит корову. Фермеры местные год назад попробовали выращивать капусту и вроде бы урожай собрали неплохой. Продажа шла бойко. В этом году уже частники, глядя на фермеров, высадили капусту. Продукции стало больше, а со сбытом проблема. Перепроизводство. Дорога, хоть и длинная, но имеет свои покупательские пределы. Рынок!

Сама Нина Михайловна на редкость тихая, спокойная, негромкая. Ее движения несуетливые и неспешные. Такие больше слушают, чем говорят, а тревоги и переживания держат глубоко в себе и редко ими делятся. Всю жизнь прожила она в этих местах. В библиотеке уже двадцать три года и на другой работе себя не мыслит. Замужем. Двое сыновей, один из которых служит в армии, а другой учится в школе. Муж – безработный, подрабатывает случайными заработками.

Спросил Нину Михайловну, каково ей живется?

– Как всем, – отвечает. – С одной стороны, вроде бы лучше стало жить... Но с другой, сейчас так тяжело стало жить, так тяжело...

Старшего сына в армию не взяли из-за плохого зрения. Что ж, надо продолжать учебу, получать профессию. Нашли в Новгороде платную группу заочников – юристов-экономистов при строительном

техникуме. Осталось найти деньги. А какие у библиотекаря деньги, даже если он и старший? Отец тоже сидит без работы. Тем не менее семья решила: учеба – это будущее, как-нибудь вытянут, тем более сын устроился в школу учителем физкультуры и какую-то зарплату получал. Всю осень семьей ходили в лес на мох, собирали клюкву, а затем на дороге продавали. Нина Михайловна для этого даже взяла отпуск. Кроме того, продали домашнюю картошку, излишки. Наконец, собрали нужную сумму на учебу. Думаете, сколько? Миллион двести тысяч! Чуть больше двухсот долларов! Для кого-то пустяк, а здесь – будущее человека, целой семьи.

Проучился парень несколько месяцев и уже готовился к сдаче первых экзаменов, как вдруг повестка и... забрали в армию. Там ведь тоже служить некому. Так закончилась учеба, рассыпались надежды, пропали денежки, а парень с плохим зрением уже год таскает тачку с углем в армейской котельной. Один за троих. Потому что в армии недобор и каждые руки там на вес золота. Не для боеготовности, а чтобы хоть как-то инфраструктуру поддерживать. Пишет домой письма: «Мама, я все больше задумываюсь над тем, что буду делать, когда вернусь».

– Дай Бог, чтобы вернулся живым и здоровым, а там уж как-нибудь... – говорит Нина Михайловна.

Вот таким мы узнали Зайцево, или по-радищевски – Зайцово. И про то узнали, что в летописи зайцевские не войдет никогда, потому что ни за что не запишет свои переживания Нина Михайловна в тетрадку. Во-первых, потому что это дело личное, а во-вторых, даже для этой деревни они малы и незначительны. Но, представьте, не было бы Нины Михайловны – кто рассказал бы историю Зайцево? Кто бы вел летопись? В таких вот тетрадках записано то, чего, если потеряешь, – не воспроизведешь.

Я где-то слышал, будто выдающиеся ученые из разных стран решили выяснить: какое открытие может считаться самым значительным в истории человечества? Великих открытий множество. И за каждым из них – титан, гений... Галлилей, Коперник, Ньютон, Эйнштейн... И вот, долго выясняя, наконец пришли к единому мнению: самым значительным открытием в истории человечества, от начала до

сего дня, является изобретение письменности. Всего-то! А ведь даже не известно, кто изобрел. Мы до того привыкли пользоваться этим чудом, что для нас письменность является чем-то само собою разумеющимся. Но что такое письменность? Если отстраниться совсем, то это какие-то странные крючки и палочки. Не более. А в действительности – особым способом закодированная информация, для передачи которой ничего лучшего пока не придумали. Вот простенький, попавшийся под руку, стих нашего Александра Сергеевича:

*Смеркалось; на столе, блистая,
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая;
Под ним клубился легкий пар.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам темною струею
Уже душистый чай бежал...*

Для инопланетянина – лишь странный орнамент или необъяснимый узор. Для нас же это целый мир, сотканный из времени и пространства, нашей памяти и наших представлений. И нет такого уголка в целой вселенной, нет такой точки во времени, куда бы мы не могли с вами зримо и немедленно перенестись, лишь глянув на какой-нибудь текст.

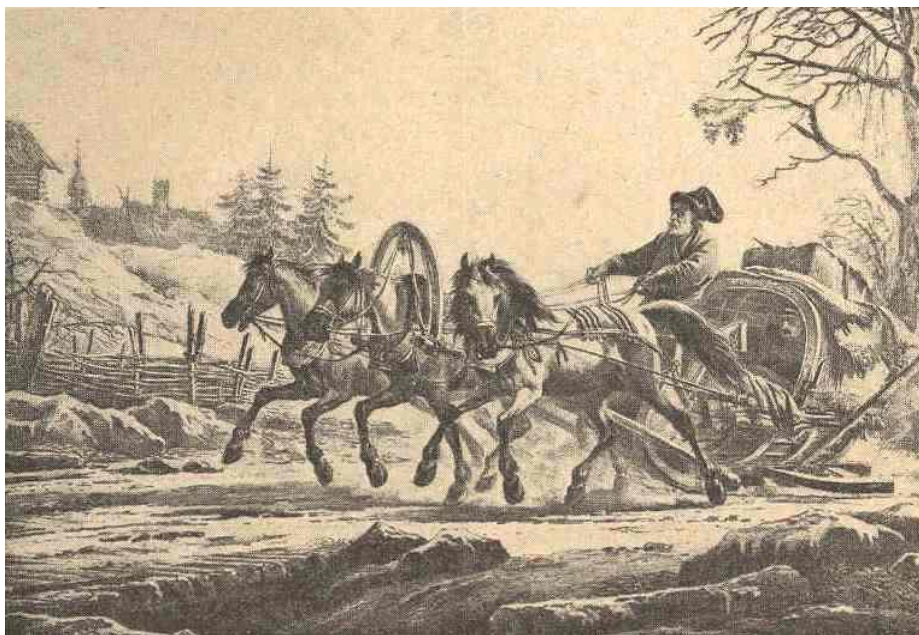
Если целостность и неразрывность человеческой истории стали возможными благодаря памяти, то сама память наша – это прежде всего письменность. Вот почему из всех катастроф, которые когда-либо были на человеческом веку, самой трагичной является пожар в Александрийской библиотеке за 40 лет до Рождества Христова. Тогда, при осаде Александрии Цезарем, сгорели около миллиона(!) древнейших рукописей, собранные Птолемеями со всего античного мира. Можно отстроить дворцы, города, страны, империи, даже интеллект искусственный скоро изобретут, но никогда не восстановят исчезнувшую память, сгоревшую в Александрии вместе с древними рукописями.

Представьте, что последний житель Зайцева, заколотив избу, по каким-то причинам покинул свою деревню. Мало ли в этих местах

нежилых деревень и урочищ. Но, даже если останется только эта школьная тетрадка с рукописной зайцевской историей, деревню эту и через тысячу лет не забудут. И через тысячу лет люди смогут узнать о церковном хоре, об учителях, о праздниках и трагедиях, о бестужевке с белейшим воротничком, о других жителях, оставивших след в истории деревни. И наоборот, если понаедут в Зайцево сотни и тысячи новых жителей, культурных и образованных, настроят домов и коттеджей, откроют здесь предприятия и магазины, рестораны и гостиницы, выстроят новые храмы и Дома культуры, а школьная тетрадка эта случайно затеряется, пропадет, – всё, не будет Зайцева!

Вот почему мы кланяемся сельским библиотекарям – и тем, кого встретили на своем пути, и тысячам другим по всей России – и говорим, что нет сегодня более благородной миссии. Они сохраняют нашу память, и не только нашу, для тех, кто придет после...

Я так увлекся размышлениями о роли сельских библиотекарей, что едва не проехал Бронницы. Уже переехав узкий, с односторонним движением, мост, оглянулся и увидел поразительной красоты церковь. Конечно, я тотчас вернулся...

Бронницы

«Ангель Господень записывает имена входящихъ въ храмъ»

*Распятый образ смотрит с потолка...
Со стен – пророки, Дева, херувимы,
Взирают как-то строго на меня:
"Зачем пришел, не веря в наши силы?"
Толпа седых старух, угрюмых и покорных.
Лохматый пилигрим, монашка в схиме черной.
Убогий мальчик спит, в углу забившись.
Слепой урод, с утра опохмелившись,
Лежит в проходе на моем пути,
Единственной ногой мешает в храм войти.
Священник проповедь читает между тем,
Корит пришедших за грехи мирские:
"Забыли вы о Боге в суете!
Не нужен вам Христос, пока вы молодые.
А вот, теперь, когда вы старики,
когда клонит к земле и еле ходят ноги,
когда конец ваш близок, то вы, вдруг,
явились в храм и вспомнили о Боге".*

*И весь приход, перекрестивши лбы,
Неловко прошептал: "Грешны... Грешны... Грешны..."*

«Ангель Господень записывает имена исходящихъ из храма».

Новгород

Если придется вам подъезжать к Новгороду со стороны Москвы, то, проезжая по мосту через небольшую речку Волховец, постарайтесь не спешить. Успейте оглядеться по сторонам, потому что нигде больше природа не даст вам такого шанса насладиться красотой и величием Древней Руси. Пологий бесконечный берег в безветренную погоду создает впечатление, что речка не течет, а лежит на равнине. Недалеко от дороги виден древний однокупольный храм – это Спас на Ковалевом поле. Где-то за ним находится еще более древний Спас на Нередице, еще дальше – столь же древний Юрьев монастырь, и уже за ним – Ильмень-озеро. Там, у истока Волхова, и возник город, который многие века на Руси называли не только Великим, но еще и Господином.

Опустившийся туман выполняет роль волшебного раствора, который остановил и зафиксировал время в этом месте. Кажется, что сейчас появится русская дружина со своим князем. Какой была Святая Русь – такой она здесь и осталась. И это не театральная декорация, а настоящий и самый русский пейзаж из всех когда-либо мною виденных. Как долго сохранится это чудо?

Въехав в город, я сразу же направился в новгородский Кремль. Его здесь называют по-старинному, ласково, – Детинец. Оставил местным пацанам под охрану свою машину, а один из них, на костылях и без ноги, предложил её еще и помыть. Я согласился, дал ему деньги и пошел к Детинцу.

Внутри почти никого нет, кроме одинокого пожилого человека, стоящего у знаменитого памятника Тысячелетие Руси. Этот памятник был изготовлен по проекту М.О.Микешина в 1862 году. В его скульптурных композициях отражены самые значительные этапы развития русской государственности, представлены выдающиеся деятели истории, науки, литературы и искусства за тысячулетнюю

историю России. Существование этого памятника не особенно афишировали в советский период, потому что взгляд советской исторической науки на свою историю базировался на принципиально иных научных концепциях и методологиях.

Одиноким человеком оказался частный экскурсовод, который подрабатывает лекциями об этом памятнике. В теплую погоду, конечно, это делать приятнее и выгоднее. Сейчас же, когда поздняя осень и дует холодный ветер, — сложнее. Туристов в Детинце мало, а те, что есть, торопятся обойти памятник и скрыться в каком-нибудь теплом месте. Поскольку было прохладно, я попросил экскурсовода рассказать лишь о наиболее значительных событиях, отображенных в верхней, самой почетной и величественной части памятника. Экскурсовод,

сожалея, что речь пойдет не обо всём, тем не менее согласился на сокращенную лекцию. Бумага и перо не в состоянии передать его голос, интонации, ударения и певучие голосовые протяжки. Для этого под каждым слогом пришлось бы рисовать еще и ноты.

Мы встали с южной стороны памятника, и экскурсовод почти запел:

— Правильное название памятника: «Тысячеле-е-тие Ру-у-с-ского государства». На самом верху, на самом важном и значительном месте, там, где высится крест, — находится скульптурная группа под названием Пра-во-сла-вие... Преклоненная женщина — видите, она стоит на

коленях – это вели-и-и-кий символ, это наша многострадальная и печальная матушка Россия. У креста стоит ангел Господень. Он благословляет матушку Россию, желает ей добра и счастья... Обратите внимание на крест. Такого больше нигде не увидите: ни в Москве, ни в Петербурге, ни в Париже, ни в Лондоне. Этот крест из бронзы, этот крест ажурный, работы академика Гартмана, Виктора Александровича... Большой шар, на котором стоит эта скульптурная группа, называется Де-е-ержава. Это символ царской власти в России, ее незыблемости и непоколебимости. А вокруг Державы – видите! – расположены шесть скульптурных групп, которые отображают шесть наиболее ва-а-ажных, наиболее судьбоно-о-о-сных событий в истории России за тысячу лет...

Экскурсовод сделал короткую паузу, давая мне срок переварить услышанное, после чего продолжил.

– Первое событие. Вы видите, перед нами стоит больша-а-ая фигура в форме древнерусского воина со щитом в руке. Это событие называется: «Нача-а-ло русского государства». Перед нами первый русский князь, легендарный Рю-ю-рик. Его новгородцы пригласили, и он прибыл сюда со своей дружиной в 862 году. Он здесь начал княжить, править, руководить всеми племенами, жившими вокруг Новгорода, и таким образом зародилась еди-и-и-ная русская власть... Но Рюрик мечтал подчинить себе Киев, поэтому он стоит и смотрит пря-я-мо на Киев! А на щите у него знак: так писали в Древней Руси, и этот знак означает 862 год... Согласно нормандской теории, Рюрик прибыл из Скандинавии, из племени Русь. Вот здесь, где мы стоим, в самом центре Новгорода Великого и зародилось еди-и-и-ное Русское государство... Слева от Рюрика, – продолжал экскурсовод, – стоит больша-а-я фигура с крестом в руках. Это второе важнейшее событие в истории Русского государства. Оно называется: «Нача-а-ло крещения Руси». Вот перед нами первый креститель Руси святой равноапостольный киевский князь Владимир Красное Солнышко, который в 988 году начал крещение Руси... Видите, женщина подносит ему своего ребенка, и он одной рукой этого ребенка крестит, а другой – дает указание мужику-язычнику уничтожать деревянных идолов. И тот неохо-о-о-тно ломает Перуна – бога грома. Видите! Это нача-а-ло крещения Руси.

Веру христианскую Владимир заимствовал из Византии, поэтому он и сам смотрит, и крестом указывает в сторону Константинополя... А справа от Рюрика, – экскурсовод грациозно указал рукой, – стоит еще одна больша-а-а-я фигура, символизирующая третье важное событие в истории Российского государства – Кулико-о-вскую битву. А стоит перед нами князь Дмитрий Донской. Это 1380 год, и стоит он на Куликовом поле и ногой своей, посмотрите, Мамай-татарина прижал, придавил... Но татарин смотрит де-е-е-рзко, у него всё ещё в руках оружие, а за спиной колчан со стрелами... После Куликовской битвы еще сто лет Россия платила дань татарам, сто лет еще продолжалось татаро-монгольское иго, и это была еще только первая победа... Татаро-монголы двигались на Русь из Средней Азии, поэтому князь Дмитрий Донской смотрит в сторону Средней Азии. В левой руке он держит татарское знамя, которое называется бунчук, а в правой руке у него древнее русское оружие – шестопёр...

Экскурсовод взял паузу, и мы с ним, сделав несколько шагов, встали у восточной стороны памятника.

– Четвертое событие называется: «Созда-а-ние централизованного московского русского государства». Перед нами во весь рост стоит больша-а-а-я фигура с державой в левой руке. Это великий князь московский Иван III, дедушка Ивана Грозного, который в XV веке ликвидировал удельных князей и создал еди-и-ное и неделимое Московское государство. Поэтому он стоит и смотрит пря-я-мо на Москву. И татарин здесь уже не дерзит, а покорно склонил голову к ногам Ивана III, потому что в 1480 году кончилось на Руси татарское иго. Позади татарина лежит поверженный литовский воин: Иван III их наголову разбил. А впереди, с обломанным мечом, лежит немецкий ливонский рыцарь. Они пытались захватить Латвию и Эстонию, но Иван III их тоже сильно побил... А вон там, видите, позади князя, спиной к нам, как бы полулежит фигура? Эта обезличенная фигура – символ. Это не царь, не герой, а простой человек, который платит налоги и держит шар-Державу. Это основная фигура памятника. Можно сказать, что это и есть наш народ.

Мы перешли к северной стороне памятника, и к нам присоединилась молодая пара. Им было интересно слушать моего

экскурсовода, а он, вдохновленный увеличением аудитории, продолжал:

– Пятое событие, которое отражено на памятнике, называется «Созда-а-ние Российской империи». И вот, перед нами, во весь свой исполинский рост, стоит пе-е-е-рвый российский император Петр Великий! Это 1721-й год. Позади, за спиной Петра, – посланец Божий, ангел, который указывает Петру путь на Прибалтику, благословляет его «прорубить окно в Европу». Поэтому Петр Первый смотрит прямо на Петербург. Он создал вели-и-и-кую империю, вели-и-и-кую Россию, вели-и-и-кое государство, которое теперь разбили, раскололи и добивают остатки... (Мой экскурсовод сник, махнул рукой, но тотчас взял себя в руки и вернулся к Петру.) ...Петр Первый двадцать лет воевал со шведами, и вы видите, как перед ним на коленях стоит шведский воин и прижимает к своей груди остатки разорванного шведского знамени... А вот будете в Петербурге, там в Петропавловской крепости поставили памятник Петру, какого-то Шемякина. Это позор и издевательство!.. Вот здесь – тот Петр, которого весь мир называет Великим, а там какой-то debil... И это у его-то, Петра, могилы!..

Экскурсовод вновь махнул рукой, выражая досаду, и наша маленькая группа перешла и встала с западной стороны памятника.

– Шестое событие, которое отражено на памятнике, называется «Нача-а-ло царствования Романовых». Вот в центре стоит мальчик, видите, – это первый царь из рода Романовых, Михаил Федорович. Его избрали на престол 21 февраля 1613 года. Тогда, как и теперь, тоже было смутное время. И, также как и сейчас, все захватили иностранцы. Москву – поляки, Новгород – шведы... Но тогда они нас завоевали, а теперь мы сами их упрашиваем: приезжайте, скупайте, мы все вам продадим... А тогда народ протестовал. И вот, перед нами стоит больша-а-а-я фигура с саблей в руке. Это князь Дмитрий Михайлович Пожарский, который изгонял иноземцев из Москвы. Видите, как он с оружием в руках защищает молодого царя?! А на коленях перед царем стоит Козьма Минин. Это торговец из Нижнего Новгорода, который там создавал ополчение. Он обращался к народу русскому: «Пойдемте-ка, сразимся за матушку, за родную землю, за славный город Москву!»

Они освободили Москву, и, видите, Козьма Минин вручает молодому царю шапку Мономаха и скипетр... Угроза государству шла, как и теперь, с Запада, поэтому молодой царь смотрит пря-я-мо на Запад. Вот такие здесь, на памятнике, отмечены са-а-а-мые значительные и важные события в истории России за тысячу лет – с 862 по 1862 год... А внизу, во втором ряду памятника, отражены события тоже важные, но уступающие первым. Там и Александр Невский, и Иван Грозный...

Тут я прервал рассказчика вопросом, который родился у меня в процессе его повествования. Я спросил, какое из событий последних ста лет, на его взгляд, могло бы дополнить самые великие события нашей истории и достойно быть отмеченным соответствующей скульптурной группой на этом памятнике?

Экскурсовод, немного смутившись от неожиданного вопроса, не нашел ничего лучшего, чтобы сказать:

– Заплатите сначала за проделанную работу пятнадцать тысяч.

Я заплатил ему двадцать, не имея разменных купюр, а поскольку сдачи у него не было, я предложил, чтобы его ответ и был «сдачей».

Надо сказать, что ответ его стоил гораздо большего. Ведь этот человек на протяжении многих лет живет именно с такой логикой и мировоззрением, и ему легче, чем кому бы то ни было, протянуть логическую нить на сотню лет и обозначить еще одно событие. Тем более что он то и дело вставляет в свой рассказ собственные мысли о настоящем. Можно сказать, что он сам спровоцировал мой вопрос. Вот почему я так настаивал на ответе и готов был заплатить еще столько же. Для меня его ответ значил больше, чем выводы какой-нибудь научной конференции с академиками и докторами.

Экскурсовод настороженно спросил:

– А зачем это вам?

Я ответил, что мне это просто интересно, что все-таки прошло с момента создания памятника сто тридцать лет, а события за это время происходили очень бурные, и еще многое я ему пытался объяснить, после чего он, попросив отключить диктофон, начал говорить. Но говорил он уже совсем другим голосом – не протяжным, не певучим, не громким, а обыкновенным, бытовым. Я же, слушая его, уже не представлял этот голос иным, чем речитатив с певучими протяжками и

неожиданными ударами. Сама тема не позволяла слышать этого рассказчика по-другому.

– Седьмое значительное событие, – говорил экскурсовод, – которое должно быть отражено на этом величественном памятнике, называется: «Создание вели-и-и-кой мировой ядерной сверхдержавы – Союза Советских Социалистических Республик». И поставить в один ряд с самыми значительными и великими фигурами нашей истории надо большу-у-ую фигуру великого отца народов России – Иосифа Виссарионовича Сталина. В длинной шинели и сапогах. В одной руке он держал бы книгу – это произведения Владимира Ильича Ленина, а другую руку он положил бы себе на грудь, на сердце. А перед ним, на коленях, должны стоять поверженные немец и японцы, которые несли народам мира фашизм и которых Сталин побил, не оставил от них камня на камне. Сталин создал вели-и-и-кую сверхдержаву, от океана до океана, и с нею считались все страны и все политики.

– А куда бы смотрел Сталин? – не удержался спросить я.

– А смотрел бы он немного вниз, как и на своем надгробном памятнике на Красной площади. Там скульптор специально сделал его как бы провинившимся перед народом за необоснованные репрессии. Но было такое время... А вы думаете, что все те, что тут на памятнике, обходились без репрессий? После хаоса, разрухи, гражданской войны надо было наводить порядок. И сейчас тоже надо. В России по-другому нельзя. Вот перед вами вся её история, и покажите, когда и кем здесь правилось иначе? Чуть отпустишь вожжи, как это сделал Горбачев, и начнется хаос, беспредел, развал. Великая держава держится на власти, на государях, на сильных великих личностях...

Я поблагодарил своего экскурсовода и, прежде чем расстаться, попросил рассказать о себе.

– А зачем это вам? – вновь настороженно спросил он.

Я опять стал объяснять, что мне просто важно знать происхождение такого рассказчика, так сказать, его социальную нишу.

Оказалось, что зовут его Петр Васильевич, что он бывший учитель истории и уже пять лет, как на пенсии. Живет он всю свою жизнь в Новгороде, недалеко от Детинца, вдвоем с женой, в однокомнатной квартире. Жена тоже на пенсии. Дети уже взрослые и

проживают отдельно. Далее Петр Васильевич стал рассказывать о трудностях нынешней жизни, никудашности властей, преступности, нехватке денег, дороговизне, отсутствии перспектив для детей и обо всем прочем, с чем мы уже не раз сталкивались. Здесь слышался уже голос обычного пенсионера, отделенного от великой истории России и живущего, как и все остальные, вне её контекста. Я не видел его жизненного распорядка и быта, но, узнав кратко его биографию, образ мыслей, глядя, во что он одет и обут, предполагаю, что быт его не многим отличается от жизни миллионов таких же пенсионеров, занятых одним – выживанием. И если пенсионерка из Выдропужска содержит свой небольшой огорожок, а ее соотечественница из Зайцева ходит в лес за клюквой, то историк Петр Васильевич выходит к памятнику «Тысячелетие Руси» и экскурсиями зарабатывает себе на жизнь. А чем ему еще зарабатывать?

В отличие от других, он может воздействовать на чувства своих клиентов-экскурсантов, рассказывать им про могущественную державу, открывать глаза на нынешнее её плачевное состояние и тем самым ощущать себя, хоть на какое-то время, в гуще исторических событий, если не на самом памятнике, то рядом с ним. Его Россия – это Держава, закованная в броню и доспехи, облаченная в панцирь и кольчугу, освященная крестом и ангелами, знаменами и хоругвями, диктующая всем остальным свою высшую волю и не допускающая слабости ни по отношению к себе, ни по отношению к другим.

Но где эта Россия?

Разве что только здесь, в этом памятнике. А в действительности – его Россия это маленькая однокомнатная квартирка в старом панельном доме – «хрущевке», в подъезд которого он боится войти из-за наглых подростков. Выйдет из Детинца, пройдет скорым шагом к себе домой, пока светло, закроется там и будет весь вечер смотреть по телевизору новости. При этом будет «крыть» власть на чем свет стоит, как он это делал десять, двадцать, тридцать лет назад...

Попрощавшись с Петром Васильевичем, я направился к самому древнему и самому главному в Новгороде собору – Софийскому, расположенному здесь же в Детинце. С отделением Украины, вместе с

ее столицей и Софией киевской, мы можем сказать, что это самый древний собор на всей Руси. В этом соборе находится и одна из самых древних икон – Знамение Божией Матери. Чего и кого только не видели на своем веку Софийский храм и его Чудотворная икона!

Возле собора никого не было, за исключением фотографа, который, несмотря на пасмурную погоду, делал снимки бронзовых ворот. Эти ворота с рельефами библейского содержания были столь красивы и необычны, что я поинтересовался, сколь стары они?

Фотограф ответил, что ими восхищался еще Александр Невский. Затем он, занятый установкой штатива для фотоаппарата и как бы не обращающий на меня внимания, неожиданно спросил:

– Чего это вы там записывали с этим стариком?

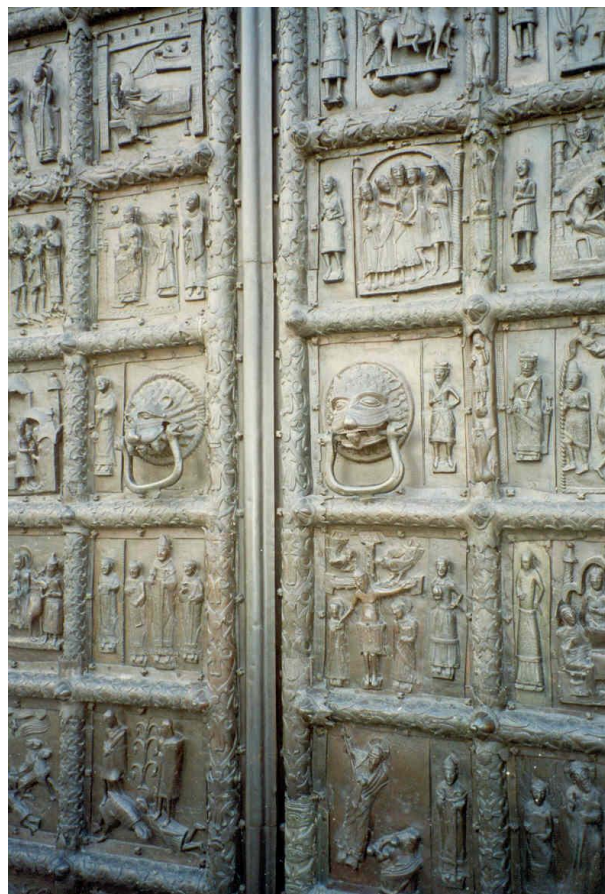
Оказалось, он наблюдал за тем, как я ходил с диктофоном за экскурсоводом вокруг памятника.

Я ответил, что мне надо было узнать о памятнике, и, кроме того, интересен сам взгляд этого человека, пенсионера, на историю России.

– Ну и как? – спросил фотограф.

И я рассказал, как задал последний вопрос экскурсоводу и что он на него ответил. Фотограф, не переставая работать с фотоаппаратом, разразился длинной тирадой:

– Вот это рабское устройство наших мозгов была и есть главная наша беда. И старые, и молодые – все одинаковые. И в городах, и в деревнях... У государства этого нет более сильного оружия и более

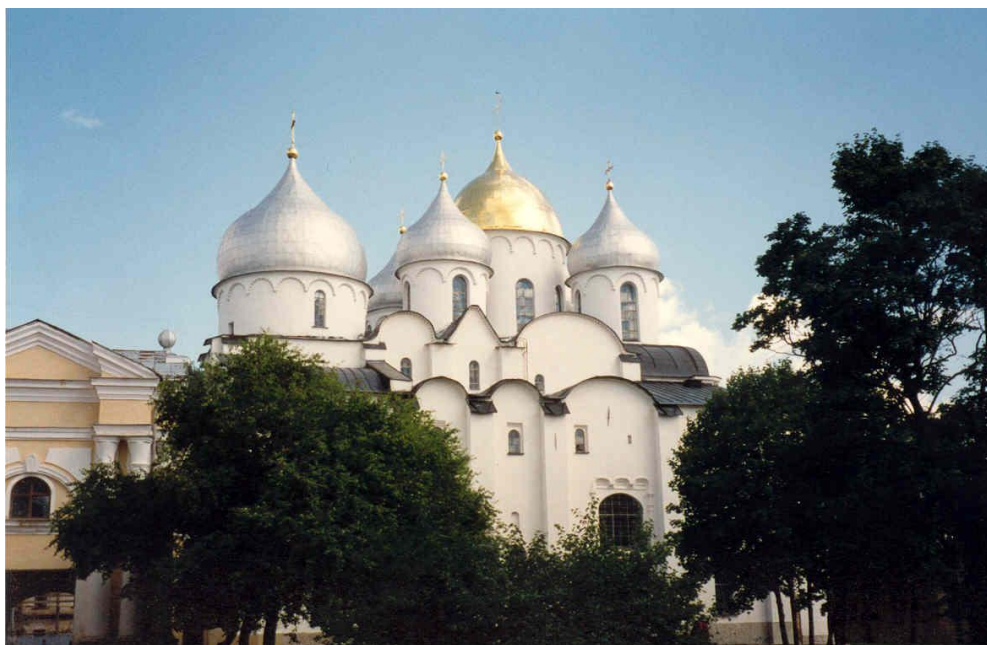
устойчивого фундамента, чем вот эти так называемые «простые люди», они и есть самые яростные и одержимые носители всей этой государственной имперской идеи и великодержавного духа... Они сидят тихо в своем углу, где-нибудь в Урюпинске, за шкафом или за столом в каком-нибудь учреждении, получают мизерную зарплату, которую еще и не выплачивают по три месяца, ходят на полусогнутых, имеют пару брюк, рубашку и стоптанные башмаки и вечно брюзжат о плохой жизни, невостребованности, несправедливости... Но это до поры до времени. А ну, затронь при ком-нибудь из них наше государство. Скажи им про целостность и неделимость, например, что-нибудь про Курилы, что их надо бы отдать японцам... Знаете, что поднимется? Вылезет наружу такое! Выпрямится, расправит усы, поднимет голову, раздвинет брови, появится откуда-то голос, дикция – и вы уже не узнаете человека...

Фотограф не на шутку разволновался, отставил в сторону фотоаппарат, закурил и продолжил:

– Был у нас тут такой. Никто даже и не предполагал, что внутри у человека таится. Затронули вопрос о Курилах, и началось... Казалось бы, где Новгород, а где Курилы?! Но, нет. Он вылез из своего закутка и такое завернул, что все шарахались. Вот такой «тихоня» может до того раздуться, так разойтись, что станет и депутатом, и президентом, и чем угодно... Вот загадка! У государства этого вроде бы и омовцы, и тюрьмы, и спецслужбы, и атомная бомба, и вся пресса с телевидением, но нет, мало того – у него на службе еще и миллионы вот таких бесштаных соратников. И они приплетут сюда кого угодно: и Пушкина, и Достоевского... Вспомнят, кто чего когда сказал, что написал. Они говорят: «Федор Михайлович – что говорил про Константинополь?! Что говорил про третий Рим?!»... Кстати, – перешел фотограф с экскурсовода на памятник, – этот дед вам показывал лежащую фигуру за спиной Ивана III? Наверняка, нет?

– Почему же, как раз показал, – тотчас ответил я. – Сказал, что это символ нашего народа, который налогами содержит Державу-государство, и, между прочим, сказал, что это центральная фигура памятника...

– А вы не спросили: почему это «центральная фигура» к нам, к потомкам, – повернута спиной? Почему это она обезличенная? И вообще, почему эта фигура не стоит, а лежит, раздавленная этой самой Державою?.. Вот это и есть наш народ – забитый, ограбленный, задавленный, а все равно считающий, что он тут фигура «центральная»... Какие налоги? Во все времена забирали у людей всё, что только могли, включая жизни... Посмотрите на эти фигуры – кто они? Все с палками, мечами, булавами, в доспехах, кольчугах, панцирях... Символ России – скромная женщина – стоит на коленях, опустив голову, а вокруг все грохочут и бряцают... Вот настоящий памятник России! – и фотограф, подойдя вплотную к храму, осторожно дотронулся до него ладонью. – Разве можно сравнить Святую Софию с тем черным железным клубком из тиранов? Да вы посмотрите внимательнее, он вообще не отсюда. Его надо отвезти куда-нибудь в Питер или в Москву и сдать на металлолом... Там его место, а не рядом с этим храмом. Кстати, этот собор, его история – самая охраняемая тайна этого государства, самая большая его ненависть, и именно от этого храма – самая большая для него угроза.

– Да, – согласился я, – памятник действительно как-то не очень вписывается... Весь какой-то черный... Но что это за «тайна» и что за «угроза»? – спросил я недоумевая.

– А то, что больше всех бунтов и иноземных нашествий, больше эпидемий, переворотов и революций боялись государи московские правды о Новгородской Республике – носительнице свободы, культуры, духа просвещения, трудолюбия и христианства. Все эти наши правители и вся их обслуга замалчивали и замалчивают, что такое Новгородская Республика, и знаете почему? Потому что всем этим служителям государства выгодно представлять Россию как консервативную, реакционную страну, в которой иных традиций, кроме деспотичных, никогда не было, а единственной роскошью людей оставались лишь водка да лапти... Посмотрите на памятник. Он всех должен убедить, что иного управления нашим народом, кроме как тирания, нет и быть не может. Все эти цари, генсеки, а теперь и президенты, по сути, восточные деспоты, настоящие ханы.

– Вы хотите сказать, что это заимствовано у Орды?

– Именно. Знаете, как эти князья боролись за то, чтобы получить у хана ярлык на княжение? Он ведь доставался тому, кто обеспечивал большую дань Орде и держал под ханской властью население Руси. А власть способны были удержать лишь самые беспринципные и безжалостные князья, сотрудничавшие с Ордой, заискивавшие перед ханом. Если кто поднимался против баскака, того князья, в основном московские, топили в крови. Историки стали объяснять это «исторической целесообразностью», дескать, выгодно для централизованного государства. С этой точки зрения у них и Иван Грозный был хорош, и все остальные, и через какое-то время Сталин будет перед историей в плюсе. А на самом деле? Вечевой строй в Новгородской республике был неуютен прежде всего Орде и этим самым князьям с ярлыком, для которых исчезновение веча способствовало их неограниченному произволу. Так что не «государственный интерес», как это пишут, а иго подготовило почву для самодержавной власти князей, царей, генсеков и централизованной бюрократии. Иван Грозный считал себя восточным монархом. Кстати,

на многих европейских картах вся наша территория так и называлась Татарией...

– Почему вы говорите, что замалчивают о Новгороде? О Новгороде написано много...

– Не о Новгородской республике замалчивают, а правду о ней. Что писали? Что новгородское вече это жалкий сброд, что это лишь орущая толпа, что только в драке решались все вопросы, а мирить их должен был призванный князь. Они высокомерно представляли Новгородскую Республику как недоразумение на челе России, в то время как недоразумением, скорее, была Москва, заимствовавшая миропорядок у ордынского хана, у Монгольской и Византийской империй. Вече было и во Пскове, и в Ростове Великом, и в Переяславле-Залесском, и во многих других древнерусских городах. Да, новгородская демократия существенно отличалась от современной Европы. От современной! Но для своего времени она была огромным достижением в развитии государственного устройства. *«Судите всех равно, как боярина, так и житего, так и молодчег человека»* – так говорится в Новгородской Судной грамоте. Каково, для «темной, забитой и лапотной» России? А знаете, что большинство люда новгородского были полноценными гражданами республики, а земцы здешние – это крестьяне, владевшие землей на правах собственника. А ведь мы еще и сейчас не граждане... Мне тут рассказывали знакомые американцы, что Джефферсон, когда писал Декларацию Независимости, держал перед собой два базовых документа – Уставы Венецианской и Новгородской республик... А какое образование было у новгородцев!.. Здесь обнаружили массу берестяных грамот, написанных жителями города. Даже любовные записки находят. Вот здесь, в Софийском соборе, находилась ценнейшая и богатейшая библиотека, это была вообще едва ли не первая библиотека Древней Руси... А знаете ли вы, что улицы в Новгороде с десятого века уже были мощенные деревом и достигали в ширину трех-четырёх, а то и шести метров? И когда такая мостовая снашивалась, то поверх ее тут же настилалась новая. Археологи наши установили, что на Холопье улице, например, было 25 настилов, относящихся к X–XV векам. То есть в течение пятисот лет улица настилалась двадцать пять раз! Для

сравнения – в Париже первые такие мостовые появились в XII веке, а в Лондоне лишь в XV веке. В городе была чистота и порядок. Жилые дома были в основном двухэтажные, и был деревянный водопровод, да такой, что когда его тут недавно раскопали, то из труб его пошла вода! Аналогов этому водопроводу не было ни в Европе, ни в Византии. И, между прочим, здесь, в Новгороде, люди не ходили в лаптях... Вот что на памятнике надо было изобразить. Они все ходили в приличной одежде, в коже. И еще, Древняя Русь и Новгород не знали смертной казни, введенной у нас лишь «Джасаком» Чингисхана... Хотите, кое-что покажу? – и фотограф заговорщическим жестом подозвал меня встать вплотную к собору. Его голос стал неожиданно таинственным.

– Вот, вслушайтесь, – и он прислонился к стене, как бы к чему-то прислушиваясь.

Сгорая от любопытства, я сделал то же самое.

– Что-нибудь слышно? – спросил он.

– Да нет... А что там должно быть слышно? – спросил я и еще раз, уже изо всех сил, прислушался.

– Сейчас погода не та... Ветер. Если в тихую погоду приложить ухо к Софии и прислушаться, то можно услышать эхо вечеревого колокола. Мало кто об этом знает. Мне в детстве рассказал один старик. Я долгое время ничего не слышал, даже не верил...

– Ничего не слышу, – уже с досадой говорил я, еще и еще раз припадая ухом к стене. Может, из-за шума ветра, а может, оттого, что и без того я уже был пресыщен информацией, никакого звучания я не слышал. Не желая оставаться в долгу у фотографа, я достал из сумки книжку Радищева и прочел вслух несколько строк о Новгороде:

«...Известно по летописи, что Новгород имел народное правление. Хотя у них были князья, но мало имели власти. Вся сила правления заключалась в посадниках и тысяцких. Народ в собрании своем на вече был истинный государь. Область Новгородская простиралась на севере даже за Волгу. Сие вольное государство стояло в Ганзейском союзе. Старинная речь: кто может стать против Бога и великого Новгорода, - служить может доказательством его могущества. Торговля была причиною его

возвышения. Внутренние несогласия и хищный сосед совершили его падение...»

— А вы знаете, — уверенно сказал фотограф, — что это место у Радищева и есть самое крамольное во всей его книге?

— Чем же оно опаснее других?

— Да тем, что нет ничего более опасного для всякой власти, чем признание того, что в истории управляемой ею страны есть иная традиция, чем та, которую эта власть представляет. Радищев лишь коснулся этой темы, но уже этого было достаточно, чтобы его признали опаснее Пугачева. И, обратите внимание, коммунисты, которые всегда превозносили Радищева, о его главе «Новгород», тоже ничего не писали, старались обходить, не замечать... А вы что, эту книжку всегда с собой носите?

— Нет, случайно оказалась, — ответил я.

Фотограф был откровенно удивлен наличием у меня книжки Радищева и, перед тем как завершить наш разговор, решил меня сфотографировать. Так что где-то в Великом Новгороде осталась моя фотография на фоне Святой Софии Новгородской и ее древних трофейных дверей работы магдебургских литейщиков XII века.

Мы расстались, и я решил обойти храм.

Остановившись у восточной его стороны, где поменьше ветра, я огляделся — нет ли кого рядом, — подошел к стене и прижался ухом...

Вы не поверите, но я услышал глухой, протяжный, очень далекий, идущий откуда-то снизу, гул... Невероятно, но это был звон вечеревого колокола Новгородской Республики, каким-то образом запечатленный стенами древнего собора. Мне захотелось кого-нибудь позвать, я стал высматривать по сторонам, искал хоть кого-то, но вокруг не было ни души, и не с кем было поделиться услышанным чудом. А фотограф уже ушел. Я прислушивался еще и еще раз, и вновь отчетливо слышал далекий и печальный набат...

Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудит-поет колокол.

Для чего созывает он Новгород?
Не меняют ли снова посадника?
Не волнуется-ль Чудь непокорная?
Не вломились ли Шведы иль рыцари?
Да не время ли крикнуть охотников
Взять неволей иль волей с Югории
Серебро и меха драгоценные?
Не пришли ли товары ганзейские,
Али снова послы сановитые
От великаго князя московского
За обильною данью приехали?
Нет? уныло гудит-поет колокол...
Поет тризну свободе печальную;
Поет песню с отчизной прощальную:
"Ты прости, родимый Новгород!
Не сзывать тебя на Вече мне,
Не гудеть уж мне по-прежнему:
Кто на Бога? Кто на Новгород?
Вы простите храмы Божии,
Терема мои дубовые!
Я пою для вас в последний раз,
Издаю для вас прощальный звон.
Налети ты, буря грозная,
Вырви ты язык чугунный мой,
Ты разбей края им медные,
Чтоб не петь в Москве далекой мне
Про мое ли горе-горькое,
Про мою ли участь слезную,
Чтоб не тешить песнью грустною
Мне царя Ивана в тереме...»

Потрясенный услышанным, я прошел мимо Звонницы и вышел через восточные ворота на берег Волхова. Передо мною открылся вид на Торговую сторону, Ярославо дворище и Древний Торг. По пешеходному мосту я вышел к середине реки...

Что же это за легенда такая, Господин Великий Новгород? Действительно ли ты был или это миф о светлом прошлом, придуманный вольнолюбивыми твоими потомками?

Нет, Великий Новгород – не миф. В доказательство – море крови и реки слез, чтобы стереть саму память о нем, не мифическую – живую! Словно кость в горле, стояло в ушах московских владык неумолкаемое эхо вечного колокола и еще не выветрившаяся память о республике, о свободном и вольном городе.

...Сто лет прошло, как не стало веча. Взбешенный очередным наветом, двинулся в декабре 1569 года на Новгород Иван Грозный. Разгромил Клин, разорил Вертязин-Городню, опустошил Тверь, разграбил все селения, все города, стоящие на дороге, той самой, по которой мы только что проехали. Иван сеял смерть и разруху, особенно не щадил церковных служителей, а церкви грабил. Это ведь еще то было «путешествие». А сам Новгород потопил в крови. Его первое

повеление после прибытия в Новгород: «игуменов и монахов, которые стояли на правеже (более пятисот человек!), бить палками до смерти и трупы развозить по монастырям для погребения». Все церкви и монастыри, включая Святую Софию, дружина царская разграбила. Вот лишь небольшой отрывок из того, что сказано об этих днях в древней летописи:

«...Между тем Иоанн с сыном отправился из архиепископского дома к себе на Городище, где начался суд: к нему приводили новгородцев, содержащихся под стражею, и пытали, жгли их какою-то "составною мудростию огненною"; обвиненных привязывали к саням, волокли к Волховскому мосту и оттуда бросали в реку; жен и детей их бросали туда же с высокого места, связавши им руки и ноги, младенцев привязывали к матерям; чтоб никто не мог спастись, дети боярские и стрельцы ездили на маленьких лодках по Волхову с рогатинами, копьями, баграми, топорами и, кто всплывает наверх, того прихватывали баграми, кололи рогатинами и копьями и погружали в глубину; так делалось каждый день в продолжение пяти недель. По окончании суда и расправы Иоанн начал ездить около Новгорода по монастырям и там приказывал грабить кельи, служебные дома, жечь в житницах и на скирдах хлеб, бить скот; приехавши из монастырей, велел по всему Новгороду, по торговым рядам и улицам товары грабить, анбары, лавки рассекать и до основания рассыпать; потом начал ездить по посадам, велел грабить все дома, всех жителей без исключения, мужчин и женщин, дворы и хоромы ломать, окна и ворота высекать; в то же время вооруженные толпы отправлены были во все четыре стороны, в пятины, по станам и волостям, верст за 200 и за 250, с приказанием везде пустошить и грабить. Весь этот разгром продолжался шесть недель».

А на «прощание», перед тем как отправиться грабить дальше, знаете, что сказал царь оставшимся в живых новгородцам? — **«Молите Господа Бога, пречистую Его Матерь и всех святых о нашем благочестивом царском державстве, о детях моих благоверных, царевичах Иване и Федоре, о всем нашем христолюбивом**

воинстве...», а что до крови, то еще сказал: «...вы об этом теперь не скорбите, а живите в Новгороде благодарно...»*

И, знаете, молились, падали ниц, трепетали, жили «благодарно», и не только в Новгороде – по всей Руси. Что еще оставалось?

А впереди у России и его народа – палка Петра Первого, оплеухи Павла, розги Николая, архипелаг ГУЛаг Сталина, бомбометания Ельцина... И между ними – смуты, войны, восстания, бунты, голод, разруха, пьянство, беспредел... А над всем этим бесконечным насилием – такая же нескончаемая ложь: о забитом и темном народе, о его патологической консервативности и реакционности, о неспособности к труду, к порядку, к организованности, ложь о его изначальной невосприимчивости к свободе и природной рабской любви к тирану. Но ложь не в том, что это все не так, а в том, что только так и может быть. Ложь в том, что это неменяемо.

Да, большой крови стоит вытравить память о свободе, но еще большей – вновь ее обрести. И когда уже совсем было неумоготу, тогда прорывалось горе людское Разиным, Пугачевым, а потом и Лениным... Так формировался наш апокалиптический пресловутый русский характер, столь же непонятный чужестранцам, сколь и нелюбимый нами же. Что можно было противопоставить абсолютному, бесчеловечному произволу «сверху» и дикому покорству, в сочетании с безумной ненавистью, «снизу»? Смелость Радищева?! Любовь Пушкина?! Правду Достоевского?! Совесть Сахарова?!.. Это не ими ли отзывается печальное эхо вечаевого колокола?

"...Если пшеничное зерно, пав на землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода". (Ин. 12, 24)

Эти слова Его начертаны и у гроба Достоевского.

Почему же у нас зерно гибнет и плода не приносит?

Что же, как не деспотическая власть сделала эти Истины вовсе не истинными у нас? Она, вместе с выпитой людской кровью, иссушила еще и человеческую душу и этим – омертвила почву, на которой могли бы произрастать, словно пшеничные зерна, лучшие качества, данные человеку Богом.

* Соловьев С.М., Сочинения, кн. III, Т.5-6. С.541-542

«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй», – и к нему впридачу – забытые Богом города и веси с незнающими Бога людьми.

Вот о чем я думал, стоя на мосту, над протекающим внизу древним Волховом.

"Ты прости, мой брат названный,
буйный Волхов мой, прости!
Без меня ты празднуй радость,
без меня ты и грусти.
Пролетело это время...
не вернуть его уж нам,
Как и радость, да и горе
мы делили пополам,
Как не раз печальный звон мой
ты волнами заглушал,
Как не раз и ты под гул мой,
буйный Волхов мой плясал!
Помню я, как под ладьями Ярослава ты шумел,
Как напутную молитву
я воинам твоим гудел!
Помню я, как Боголюбский побежал от наших стен,
Как гремели мы с тобою:
смерть вам Суздальцы иль плен!
Помню я: ты на Ижору
Александра провожал;
Я моим хвалебным звоном победителя встречал.
Я гремел бывало звучный – собирались молодцы,
И дрожали за товары иноземные купцы,
Немцы рижские бледнели,
и заслышавши меня
Погонял Литовец дикий
быстроногого коня.
А я город, а я вольный звучным голосом зову
То на Немцев, то на Шведов,
то на Чудь, то на Литву!
Да прошла пора святая:
наступило время бед!

Если б мог – я б растопился
в реки медных слез: да нет –
Я не ты, мой буйный Волхов!
я не плачу – я пою!
Променяет ли кто слезы и на песню – на мою?
Слушай: нынче, старый друг мой,
по тебе я поплыву;
Царь Иван меня отвозит
во враждебную Москву.
Собери скорей все волны,
все валуны, все струи –
Разнеси в осколки, в щепки
ты московские ладьи,
А меня на дне песчаном
синих вод твоих сокрой
И звони в меня почаще серебристою волной:
Может быть из вод глубоких,
вдруг услыша голос мой,
И за вольность и за Вече
встанет город наш родной".
Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудит-поет колокол.
Волхов плещет и бьется и пенится
О ладьи Москвитян острогрудыя,
А на чистой лазури, в поднебесьи,
Главы храмов святых белокаменных
Золотистыми слезками светятся.*

* В 1857 году в Лондоне Герцен и Огарев опубликовали стихотворение «Вечевой колокол» в четвертой книжке «Голосов из России», без указания автора. Еще через год Герцен, там же, в Лондоне, издал радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву» с собственным предисловием.

* * *

Когда я, весь замерзший, возвратился из Детинца к своей машине, то обнаружил, что её домывают совсем другие мальчишки. На мой вопрос – почему? – они наперебой стали объяснять, что тот безногий пацан-негодяй просто выждал, пока я скроюсь за углом, и тут же удрал вместе с деньгами. Он, говорят, всегда так делает: не надо было раньше времени платить ему. И вот они, чувствуя стыд, решили сами помыть мою машину, а уж дам я им денег или нет – это, как говорится, на моей совести. Немного поворчав, я все же дал им десять тысяч рублей: все-таки я должен оценить их соvestливый порыв. Потом, когда я рассказал эту историю своим знакомым новгородцам, они мне сказали, что это у местных ребят такая тонкая технология. То есть они с меня таким оригинальным способом взяли деньги дважды за одну и ту же работу...

Хорошие ребята, учатся бизнесу у взрослых, жизнь по-новому переделывают. Самое время рассказать им про Новгородскую Республику.

Вместо заключения

...У некоторого человека было два сына;
И сказал младший из них отцу: отче!
дай мне следующую мне часть имения.

И отец разделил им имение.

По прошествии немногих дней младший сын,
собрав все, пошел в дальнюю сторону и там
расточил имение свое, живя распутно.

Когда же он прожил все,
настал великий голод в той стране,
и он начал нуждаться;

И пошел, пристал к одному из жителей страны той,
а тот послал его на поля свои пасти свиней;
И он рад бы наполнить чрево свое рожками,
которые ели свиньи, но никто не давал ему.

Придя же в себя, сказал:
сколько наемников у отца моего
избыточествуют хлебом,
а я умираю от голода;

Встану, пойду к отцу моему и скажу ему:
отче! я согрешил против неба и пред тобою.
И уже недостойн называться сыном твоим;
прими меня в число наемников твоих.

Встал и пошел к отцу своему.

И когда он был еще далеко,
увидел его отец его и сжалился;
и побежав пал ему на шею и целовал его.

Сын же сказал ему: отче!
я согрешил против неба и пред тобою
и уже недостойн называться сыном твоим.

А отец сказал рабам своим:
принесите лучшую одежду и оденьте его,
и дайте перстень на руку его и обувь на ноги;
И приведите откормленного тельца, и заколите;
станем есть и веселиться!
Ибо этот сын мой был мертв и ожил,
пропадал и нашелся.
И начали веселиться.
Старший же сын его был на поле;
и возвращаясь, когда приблизился к дому,
услышал пение и ликование;
И призвав одного из слуг, спросил: что это такое?
Он сказал ему: брат твой пришел,
и отец твой заколол откормленного тельца,
потому что принял его здоровым.
Он осердился и не хотел войти.
Отец же его выйдя звал его. Но он сказал в ответ отцу:
вот, я столько лет служу тебе и никогда
не преступал приказания твоего,
но ты никогда не дал мне и козленка,
чтобы мне повеселиться с друзьями моими;
А когда этот сын твой,
расточивший имение свое с блудницами,
пришел, ты заколол для него откормленного тельца.
Он же сказал ему: сын мой!
ты всегда со мною, и все мое твое,
А о том надобно было радоваться и веселиться,
что брат твой сей был мертв и ожил,
пропадал и нашелся.

Лк.15, 11-32.

Послесловие

Неожиданные задержки в пути привели к тому, что все мои петербургские планы полетели прахом, в лучшем случае отложились на месяц. Так что на этот раз даже не было необходимости туда добираться. В связи со своими дорожными «открытиями», я не очень о том жалел и остался в Новгороде на несколько дней, с тем чтобы по горячим следам сделать первые заметки к этой книге.

Я так и не «доехал» в своем повествовании до конца. И Подберезье, Спасская Полисть, Чудово, Любань, Тосно и, куда-то исчезнувшая, София остались без нашего внимания. Кто знает, может быть, мы к ним еще вернемся?

Но на прощание вот о чем.

Я очень хотел увидеть книгу А.Н.Радищева, принадлежащую А.С.Пушкину, то есть ту самую книгу, которую герой пушкинского путешествия открыл для чтения в Черной Грязи. Мне было любопытно узнать, как эта книга выглядит? Я даже намеревался ее описать в своей книге. Почему-то у меня не было ни малейшего сомнения в том, что мне без особого труда удастся эту книгу лицезреть, причем в своих руках. Когда, спустя месяц, я все же побывал в Санкт-Петербурге, то первое, что сделал, – пришел в дом-музей А.С.Пушкина на Мойку 12. Поскольку Александр Сергеевич жил здесь и провел свои последние дни именно в этом своем доме, размышлял я, значит, все его книги здесь и остались, в его кабинете, и столь нужную мне книжку хранители дома-музея просто возьмут с полки и покажут.

Моя безупречная логика была одновременно и столь же наивной. Удивлению сотрудников музея не было предела: нашелся в наше время человек, полагающий, что принадлежащие Пушкину книги могут до сих пор находиться в его кабинете, а не в специальных государственных хранилищах! Я же удивлялся обратному: как это, книжки, принадлежащие Пушкину, мог кто-то вынести из его дома?

Я был любезно отослан в институт литературы, называемый еще Пушкинским домом, который находится на набережной Макарова и в

котором, как мне сказали, находятся все пушкинские книги и рукописи.

Я бросился туда, чтобы успеть к закрытию, тем более была пятница, надвигались выходные, а ждать до понедельника я не мог. Нарушая правила дорожного движения, весь мокрый, я примчался в этот самый институт и добрался до приемной какого-то начальника. Приняв секретаршу за ответственного работника, я стал ей объяснять, сколь необходимо увидеть мне радищевскую книгу, принадлежащую Александру Сергеевичу. Я говорил, что согласен посмотреть эту книгу в руках специалиста, пусть даже через стекло... Непониманию моей странной просьбы, кажется, не было предела. Тем не менее секретарша соединила меня по телефону с каким-то ответственным лицом, видимо заведующим отделом пушкинских рукописей. Во всяком случае, именно он решал: позволить ли мне посмотреть на эту книгу или нет.

– А зачем она вам? – спросил меня голос.

Я, как мог, стал объяснять, мол, Пушкин, Радищев, путешествие, книга очень нужна для моей работы, для возможной будущей книги и так далее.

– А «отношение» у вас есть? Документ от организации? Или письмо от учреждения на наш институт? – спросил голос.

– Нет у меня никакого «отношения», я просто хочу посмотреть на книгу, потому что сам пишу нечто такое же, – объяснял я.

– Ну, вы-то сами, где служите, где работаете? – пытались выяснить мой социальный статус, видимо, для того, чтобы по нему определиться со степенью доверия ко мне.

– Да нигде я не служу. Я сам по себе. Хочу написать про путешествие Радищева и Пушкина. И все.

– А вы знаете, – говорил ласково голос, принимая меня за сумасшедшего, – сколь ценна эта книга? Там ведь пометки Пушкина... Если каждому встречному её вот так давать...

– А скажите, когда в последний раз ее кто-нибудь у вас запрашивал, будь то прохожий или академик? – спросил я.

– Ну, это другой вопрос... – ответили уже раздраженно и, перед тем как повесить трубку, рекомендовали прочесть книгу Модзалевского, где, как мне сказали, есть исчерпывающее описание

этой пушкинской книги, и этого будет достаточно. Разговор был окончен...

Трудно описать чувства, которые я испытал, выйдя из приемной и медленно влачась по широким коридорам и лестницам, мимо роскошных портретов и равнодушных бюстов наших великих литераторов, в том числе и мимо бюста самого Александра Сергеевича. Во всех городах, селах и деревнях – на пути из Москвы в Санкт-Петербург – мне открывали двери, давали книги, бесценные рукописи, фотографии, делились своими знаниями, впечатлениями, биографиями, поили чаем, – и никто даже не спрашивал особенно: зачем это мне нужно? А здесь, в этом огромном городе и в таком же огромном доме, названном «пушкинским», никто не попытался понять, не захотел помочь, и не дали мне даже взглянуть на книгу, принадлежавшую когда-то Пушкину. «Принадлежавшую», потому что теперь она уже ему не принадлежит. «Да если бы Александр Сергеевич, – думал я, – вдруг узнал бы, что через 150 лет мне на его книгу даже не позволят взглянуть какие-то чиновники-охранники, то он бы такое им всем устроил!..»

– Дверь почему за собой не закрываете! – неожиданно привел меня в чувство голос вахтерши у выхода.

Я послушно вернулся и прикрыл дверь.

Через двойное стекло на меня, от имени всех, осуждающе смотрела в общем-то добрая бабушка. Чем-то похожая на мою.

Декабрь, 1996 г.

Содержание

Предисловие к Интернет-изданию.....	3
В.Кашкова. Размышления о книге В. Писигина «Путешествие из Москвы в Санкт-Петербург».....	7
Предисловие.....	14
Выезд.....	18
Черная Грязь.....	22
Пешки.....	28
Клин.....	38
Завидово.....	50
Городня.....	58
Тверь.....	70
Медное.....	75
Раёк.....	86
Торжок.....	92
Выдропужск.....	110
Вышний Волочёк.....	125
Хотилово.....	141
Едрово.....	155
Валдай.....	171
Яжелбицы.....	184
Крестцы.....	197
Зайцево.....	210
Бронницы.....	222
Новгород.....	223
Вместо заключения.....	245
Послесловие.....	247

ВАЛЕРИЙ ПИСИГИН

родился в 1957 г.

в Челябинске.

Окончил Казанский
университет.

Специальность - историк.

Автор книг:

" Свободное предпринимательство:
препоны и надежды "

(Ульяновск, 1992),

" Опыт несостоявшегося советчика "

(Пятигорск, 1993),

" Хроники безвременья "

(Москва, 1995),

" Заповедник для динозавров "

(совместно с Л.В.Карпинским,

Москва, 1996).